

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

2026

Том 26

Выпуск 2

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS

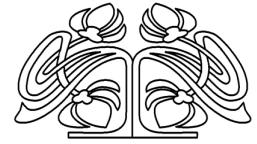
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962, «Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2026 Том 26

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Воейков Е. В.** Раскол российского общества как один из факторов российского исторического процесса 144
- Данилов В. Н., Кабытов П. С., Баринаева Е. П., Любичанковский С. В., Мякшев А. П., Стризов А. Л., Демидова Е. И.** Дискуссия по поводу статьи Е. В. Воейкова «Раскол российского общества как один из факторов российского исторического процесса» 152
- Подлесных С. Н.** Жалованье в системе денежного обеспечения судей Российской империи в 1801–1864 гг. 163
- Иванов Е. Д.** В. Ф. Одоевский и Великие реформы: к характеристике либеральной программы мыслителя 171
- Климов А. А., Боранбаев Н. К.** Борьба с незаконными вооруженными формированиями на территории Таджикской ССР в начале 1930-х гг. 180
- Панов С. В.** Память о польских восстаниях в контексте празднования 1000-летия Польши в Академии наук СССР (по материалам Архива РАН) 187

Всеобщая история

- Гуд И. О.** Самосский логос в «Истории» Геродота 192
- Исмоилов Л. Э., Магомедова С. У.** Подражание Пророку ислама в позднесредневековом мавераннахрском суфизме 197
- Науменкова Е. О.** Процессы демократизации в Великобритании XIX в. в работах историков «русской исторической школы» конца XIX – начала XX в. 202
- Шенин С. Ю.** Джон Кеннеди и становление USAID 208
- Бархаткина В. О.** Роль США в военном перевороте в Чили 213
- Нафиков И. З.** Национальная политика развития ОПК в Турции в контексте трансформации внешнеполитических условий после попытки государственного переворота 2016 года 217
- Буяров Д. В.** Демографический переход в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в 2000-е гг. в контексте национальной политики КНР 224

Международные отношения

- Карпов Е. И.** Проблема взаимоотношений Коммунистической партии Китая и США в годы войны на Тихом океане в отечественной историографии 231
- Хамидов М. Б.** Ферганский пазл: стратегии и практики преодоления территориальных разногласий 238
- Чолахян В. А.** Южный Кавказ в геополитическом противостоянии Запад – Россия 245
- Лю Сяоюй, Сальникова А. А.** Журнал «Международное китаеведение» (2014–2024) о развитии китаеведения в России 253

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Воевода Федор Иванович Леонтьев на Саратове в 1662–1664 гг. 260
- Акимов В. А.** Немецкий коммунистический университет – Немецкая высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа им. И. В. Сталина Нижнего Поволжья в 1931–1939 гг. 268
- Гуменюк А. А.** Жалобы как индикатор эффективности функционирования органов социального обеспечения в СССР во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. (по материалам Нижнего Поволжья) 274

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7).

Журнал входит в ЕГПИИ (Белый список), DOAJ

Журнал выходит 4 раза в год. Подписной индекс издания 36018. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Коренева Татьяна Андреевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,

52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.06.2026.

Подписано в свет 30.06.2026.

Выход в свет 30.06.2026.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 16.33 (17.5).

Тираж 100 экз. Заказ 32-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2026

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Aurhor ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

– на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Aurhor ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи;
– оптимальный объем 300–500 знаков;
– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorev>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: iimo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Ивестия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Voeikov E. V.** The split of Russian society as one of the factors of the Russian historical process 144
- Danilov V. N., Kabytov P. S., Barinova E. P., Lyubichankovskiy S. V., Myakshev A. P., Strizoe A. L., Demidova E. I.** Discussion on E. V. Voyeykov's article "The split in Russian society as a factor in the Russian historical process" 152
- Podlesnykh S. N.** Salaries in the judicial compensation system of the Russian Empire in 1801–1864 163
- Ivanov E. D. V. F.** Odoevsky and the Great reforms: Toward a characteristic of the thinker's liberal program 171
- Klimov A. A., Boranbayev N. K.** Fighting illegal armed groups in the Tajik SSR in the early 1930s 180
- Panov S. V.** Memory of the Polish uprisings in the context of the celebration of the 1000th anniversary of Poland in the USSR Academy of Sciences (based on materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences) 187

World History

- Gud I. O.** Samian logos in Herodotus's Histories 192
- Ismoilov L. E., Magomedova S. U.** Imitation of the Prophet of Islam in late medieval Maverannahr Sufism 197
- Naumenkova E. O.** The processes of democratization in Britain in the works of pre-revolutionary historians 202
- Shenin S. Yu.** John F. Kennedy and the rise of USAID 208
- Barkhatkina V. O.** The role of the United States in the military coup in Chile 213
- Nafikov I. Z.** The evolution of Turkey's defense industry policy after the 2016 coup attempt 217
- Buyarov D. V.** Demographic transition in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region in the 2000s in the context of China's national policy 224

International Relations

- Karpov E. I.** The problem of the relationship between the Chinese Communist Party and the USA during the Pacific War in domestic historiography 231
- Khamidov M. B.** The Ferghana puzzle: Strategies and practices for overcoming territorial differences 238
- Cholakhyan V. A.** The south Caucasus in the geopolitical confrontation between the West and Russia 245
- Liu Xiaoyu, Salnikova A. A.** Journal "International sinology" (2014–2024) on the development of sinology studies in Russia 253

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Voivode Fyodor Ivanovich Leontyev in Saratov in 1662–1664 260
- Akimov V. A.** German Communist University – German Higher Communist Agricultural School named after J. V. Stalin of the Lower Volga region, 1931–1939 268
- Gumenyuk A. A.** Complaints as an indicator of the effectiveness of social security agencies in the USSR in the second half of the 1950s and the mid-1980s (Based on Materials from the Lower Volga region) 274

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Ван Сяоцзюй, доктор исторических наук, профессор (Пекин, Китай)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Wang Xiaojun (Beijing, China)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

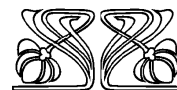
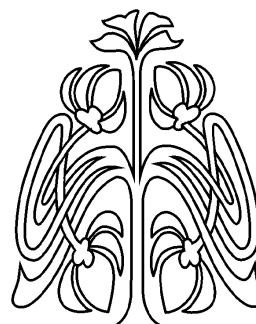
Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

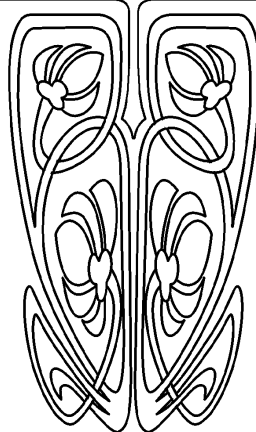
Michel Tissier (Rennes, France)

Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

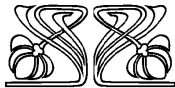
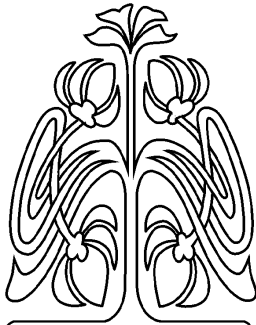
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 144–151

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 144–151

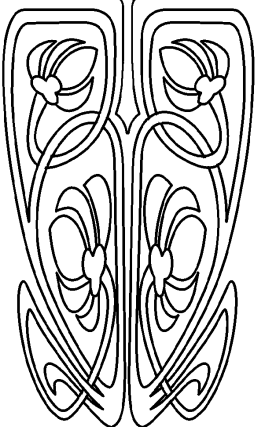
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-144-151>, EDN: CKZQWB

Научная статья

УДК [355.48:316.4](470+571)(09)

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Раскол российского общества как один из факторов российского исторического процесса

Е. В. Воейков

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История России и методика преподавания истории», evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, AuthorID: 289593

Аннотация. В статье исследуется влияние степени единства общества России на ход военных конфликтов и целостности страны в кризисных ситуациях. Рассмотрены основные проявления раскола русского общества. Показано, что если раскол общества переходит критическую черту, то страна распадается (Смута, 1917, 1991), или Россия проигрывает в вооружённом конфликте, где у противника не было подавляющего преимущества (Крымская война). В то же время армия России выигрывает войну у сильнейшего противника, если общество смогло на время преодолеть раскол и стать единым (1812, 1941–1945).

Ключевые слова: раскол, война 1812 г., Крымская война, конфликт власти и общества, объединение российского общества

Для цитирования: Воейков Е. В. Раскол российского общества как один из факторов российского исторического процесса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 144–151. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-144-151>, EDN: CKZQWB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The split of Russian society as one of the factors of the Russian historical process

E. V. Voeikov

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Evgeny V. Voeikov, evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, AuthorID: 289593

Abstract. The article examines the impact of the degree of unity of Russian society on the course of military conflicts and the integrity of the country in crisis situations. The main manifestations of the split in Russian society are considered. It is shown that if a split in society crosses a critical line, the country disintegrates (the Troubles, 1917, 1991), or Russia loses in an armed conflict where the enemy did not have an overwhelming advantage (the Crimean War). At the same time, the Russian army wins the war against the strongest enemy if the society was able to overcome the split for a while and become united (1812, 1941–1945).

Keywords: the split, the war of 1812, the Crimean War, the conflict of power and society, unification of the Russian society

For citation: Voeikov E. V. The split of Russian society as one of the factors of the Russian historical process. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 144–151 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-144-151>, EDN: CKZQWB
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В условиях перешедшей в военную фазу противостояния России и Запада особенно актуальной становится проблема единства российского общества перед очередной угрозой существованию российской цивилизации.

Термин «раскол» обычно принято употреблять применительно к протесту ряда социальных групп против религиозной реформы патриарха Никона, начатой в 1650-е гг. Следует обратить внимание на удивительную точность русского языка, сохранившего для потомков краткую и чёткую формулировку, характеризующую резкую поляризацию сторонников и противников нововведений.

Автору данного исследования представляется, что раскол как проявление скрытого или перешедшего в острую фазу конфликта различных социальных групп на основе трудно-разрешимых противоречий является постоянно действующим фактором российского исторического процесса. В наиболее мягкой и гуманной форме абстрактных мировоззренческих дискуссий раскол российского общества проявился в XIX в. как дискуссия западников и славянофилов. Максимально радикальный вариант раскола в российском обществе с переходом конфликта в острую фазу военного противостояния и крупномасштабными боевыми действиями – это Смута начала XVII в. и Гражданская война 1918–начала 1920-х гг. При этом обращает на себя внимание, что многолетнее кровавое противостояние красных и белых – это та же самая теоретическая дискуссия западников и славянофилов о путях развития российского общества и государства. Только акцент в 1918–1920 гг. уже был сделан не на степени заимствования Россией начал западной цивилизации, а на выяснении вопроса, какая Россия больше соответствует понятию справедливости – старая (у белых) или новая (у красных). И фраза из ставшей с течением десятилетий русской народной песни выражает боль души русского человека, вовлечённого помимо своей воли в кровавый хаос русской Смуты: «Они за Россию, и мы – за Россию. Так кто ж мы, поручик? И с кем же наш Бог?».

Только интеллигенты XIX столетия не поддавались, что убеждать оппонента можно не только спорами за чашкой чая и публикацией статей в журналах. В XX в. сначала 1905 г., а потом 1917 г. принесли убеждение, что наиболее убедительными аргументами в спорах с лицами, имеющими альтернативное видение на пути развития государства российского, являются револьвер с винтовкой, а в ходе усиления накала дискуссии – пулемёты и артиллерия.

Основными векторами раскола российского общества XVII–XX вв. можно считать:

- 1) перманентную конфронтацию малоимущих и зажиточных слоёв населения (с наивысшими проявлениями в виде вооружённых восстаний от «разинщины» и «пугачёвщины» до революций 1905 и 1917 гг.);
- 2) антагонизм высших (дворянство, отчасти духовенство) и низших сословий (крестьянство, рабочие);
- 3) конфликт власти (государства) и общества;
- 4) оторванность политической элиты от российского общества и склонность элиты к интеллектуально-морально-нравственной деградации и предательству национальных интересов;
- 5) национальный вопрос (от еврейских погромов до первой и второй чеченских войн);
- 6) спор о путях развития России: от «спора о вере» в ходе раскола XVII в. через дискуссию западников и славянофилов в XIX в. до референдума о сохранении СССР и дискуссий о ходе и результатах реформ 1990-х гг. и начала XXI в.

При совпадении во времени нескольких векторов раскола может происходить явление, сходное с резонансом в физике. Накладываясь друг на друга, несколько расколов в итоге стирают в массовом сознании традиционное представление об общности интересов и национально-государственном единстве российского общества и вызывают в наиболее радикальном проявлении длительную и кровопролитную гражданскую войну, революцию или распад страны на отдельные территории. Этому соответствуют Смута начала XVII в., революции 1905 и 1917 гг. и Гражданская война 1918–1920 гг. Менее кровавый и радикальный вариант резонанса русского раскола – распад страны (1991 г.) или проигранный военный конфликт (Русско-японская война 1904–1905 гг., первая чеченская война 1994–1996 гг.).

Раскол оказывает существенное влияние на ход российской истории. Наиболее ярко это проявляется в ходе военных конфликтов России. Итоговые победы или поражения России в многих войнах XVIII–XX вв. не всегда возможно объяснить, находясь только в узких рамках исключительно военного анализа событий. По мнению автора статьи, победа или поражение в ходе войны зачастую определяется степенью раскола или единства российского общества. В этой связи уместно вспомнить гениальную формулировку А. С. Пушкина из его «Бориса Годунова»: «А знаешь ли, чем сильны мы, Басманов? Не войском, нет, не польскою

подмогой... А мнением, да, мнением народным!».

В силу специфики источников обнаружить проявления раскола общества в ту или иную историческую эпоху иногда затруднительно. Приходится опираться на косвенные данные. Так, применительно к войнам низкая степень раскола в обществе находит внешнее проявление в массовом героизме. Высокий уровень раскола в военных конфликтах с внешним противником выражается в преобладающей пассивности основной массы военнослужащих, выполняющих свой долг только «от сих до сих».

Рассмотрим подробнее войну 1812 г. В военном отношении армия Наполеона в тот момент была намного сильнее армии России как в количественном, так и в качественном отношении (тактика и боевой опыт). Кроме того, Россия не имела полководца, сопоставимого с Наполеоном. Для поражения в военном конфликте могло хватить и одной из трёх приведённых выше причин: 1) количественное превосходство, 2) качественное превосходство, 3) превосходство полководческого искусства. Здесь в одной точке пространства–времени сошлись сразу три. В военном отношении Россию мог ожидать только новый Аустерлиц где-нибудь в районе Витебска или Смоленска. Например, накануне Смоленского сражения Наполеону удалось переиграть в маневрировании командующего объединёнными русскими армиями М. Б. Барклая де Толли, который попытался нанести контрудар в направлении Рудни по разбросанным группировкам французской армии. У французского императора были все шансы выйти передовыми частями к Смоленску, от которого обе русские армии ушли в северо-западном направлении, отрезать русским войскам пути отступления на восток и навязать им генеральное сражение. Но ситуацию спасли отряд под командованием Д. П. Неверовского, задержавший в районе Красного почти на день кавалерию Мюрата, и корпус Н. Н. Раевского, протерпевший в Смоленске против превосходящих сил французов целый день. Обе русские армии успели вернуться к Смоленску [1, с. 292–297; 2, с. 108–112]. В результате, благодаря массовому героизму и самопожертвованию солдат и офицеров, русским войскам удалось избежать генерального сражения раньше времени и на невыгодной позиции. Таким образом, ошибки командования российской армии и мастерство тактических маневров французского полководца, которые в аналогичной ситуации в 1807 г. под Фридрихсгофом стали причиной поражения русских, в 1812 г. были сведены к минимуму и остались малозначительным эпизодом.

Подтверждением тезиса о проблематичности выигрыша Россией кампании 1812 г. может служить тот факт, что наиболее значимые и крупные сражения этой войны – Смоленское,

Бородинское, Малоярославецкое – окончились вничью. Первая «чистая» победа русских войск в войне 1812 г. была одержана под Кобриным 15 июля, где 20 тысяч русских окружили и разбили трёхтысячный (по другим данным, четырёхтысячный) отряд саксонцев Кленгеля. Обращает на себя внимание, что победить удалось не французам, а саксонцам; иностранные вооружённые формирования во французской армии отличались различным уровнем боеспособности, который в подавляющем большинстве был ниже, чем в чисто французских частях (исключениями являлись поляки и швейцарцы). В Кобрине более двух тысяч солдат и офицеров противника сдались в плен, трофеями русских войск стали 2 знамени и 8 орудий [1, с. 285; 3, с. 26]. Как видно из приведённых сведений, данную боевую операцию никак нельзя считать не только решающим, но и даже крупным сражением кампании 1812 г. Для сравнения, в трёхдневном сражении под Смоленском только потери как русских, так и французов составили порядка 12 тысяч человек [1, с. 299; 2, с. 115]. И тем более несопоставима с Кобриным Бородинская битва с 130–140-тысячным контингентом участников каждой из сторон и 30–40 тысячами потерями русских и французов.

Первые крупные выигранные русской армией сражения войны 1812 г. – это операции под Красным (3–5 ноября) и на реке Березине (14–17 ноября), то есть в период отступления стремительно теряющей боеспособность французской армии. Таким образом, вооружённые силы России сумели за шесть месяцев переломить ход войны и нанести сокрушительное поражение французской Великой армии, не добившись решительного успеха ни в одном из трёх крупных сражений (Смоленск, Бородино, Малоярославец). Кроме того, на Березине имело место уже не столько сражение, сколько массовый захват в плен отставших и потерявших боеспособность солдат противника, самому Наполеону вместе с гвардией и сохранившими боеспособность отдельными частями удалось переправиться и уйти.

Быстрая и убедительная победа России в войне 1812 г. вызвала у современников ликование и заслуженное чувство национальной гордости. Но вместе с тем возникло легкое, едва заметное чувство недоумения: как нам удалось одолеть непобедимого прежде противника? А. С. Пушкин писал: «Гроза 12-го года настала, кто тут нам помог? Остервенение народа, зима, Барклай, иль русский Бог?». Можно вспомнить и манифест Александра I от 12 января 1813 г.: «Кто мог сие сделать?.. Да познаем в великом деле сем промысел божий!». Можно вспомнить и надпись на медали «В память Отечественной войны 1812 года» с изображением на лицевой стороне всевидящего ока: «Не нам, не нам, а имени твоему» [4, с. 130]. Сведение причин победы

к промыслу Божьему было бы вполне нормально для человека эпохи Средневековья, когда религия пронизывала все сферы жизни, но для просвещённого человека периода расцвета Российской империи начала XIX в., воспитанного на славных победах российской армии времён правления Екатерины II, подобный религиозный фатализм при воспоминании о победе в войне выглядит немного странно. Предложенная автором данной статьи версия о явном или скрытом осознании современниками некоторой неестественности и «сказочности» победы вполне объясняет сведение причин победы русского оружия к вмешательству Всевышнего.

Войну 1812 г. Россия выиграла во многом из-за сведения к минимуму нескольких традиционных видов русского раскола. Русский народ отложил свои разборки с властью (только на время, как показал дальнейший рост революционного движения в XIX в.), постарался забыть вековые обиды и унижения от представителей высших сословий. В итоге воевать в действующую армию или в партизанские отряды пошли и богатые, и бедные. Снова вспомним А. С. Пушкина: «Но Бог помог, стал ропот ниже...». И даже спор о путях развития России оказался как-то не ко времени, всё заслонила чёткая и ясная на тот момент национальная идея: «Отечество в опасности! Надо спасти Россию и разбить французов». Результатом стал массовый героизм русских солдат регулярной армии, ополченцев и партизан в ходе событий 1812 г.

Феномен 1812 г. с единением русского общества явно оказал влияние и на генералитет российской армии, нередко демонстрировавший массовые непрофессионализм и бездарность (вспомним Русско-турецкую 1735–1739 гг., Русско-французскую 1805 г., Крымскую 1853–1856 гг., Русско-японскую 1904–1905 гг., Первую мировую 1914–1917 гг. войны). Но именно в кампанию 1812 г. в нужное время в нужном месте оказались М. Б. Барклай де Толли, П. И. Баграцион, Н. Н. Раевский, Д. С. Дохтуров, А. П. Ермолов, П. П. Коновницын, Д. П. Неверовский, А. И. Остерман-Толстой, Я. П. Кульнев, которые сделали то, что должны были сделать; поэтому русские войска либо выиграли там, где должны были проиграть, либо спаслись там, где должны были погибнуть. И даже «среднячки» вроде А. П. Торماسова, П. Х. Витгенштейна и посредственности типа П. В. Чичагова или Л. Л. Беннигсена сумели сделать то, что от них требовалось. На данное обстоятельство уже обращалось внимание в военно-исторической литературе: «Громадное большинство русских военачальников оказалось на высоте тех геройских задач, которые им приходилось решать... Такой яркой плеяды вождей и командиров с тех пор Россия больше не имела» [5, с. 266]. А чтобы армейским партизанским отрядам под командованием Д. В. Давыдова,

А. Н. Сеславина, А. С. Фигнера, И. С. Дорохова лучше воевалось, опять-таки в нужное время появились крестьянские партизанские отряды Герасима Курина, Ермолая Четвертакова, Василисы Кожиной и многих других народных мстителей.

Вероятно, некое ощущение уникальности и неповторимости 1812 г. чувствовал и командующий М. И. Кутузов, предостерегавший в 1813 г. от похода в Европу: «Как воротимся? С рылом в крови» [6, с. 220]. И действительно, боевые действия в Европе уже весной 1813 г. показали, что время «чудес» закончилось: сражения у Лютцена и Бауцена оказались неудачными, затем в августе последовало поражение союзных войск под Дрезденом. Понадобился почти год, чтобы принудить Наполеона к отречению, а Францию – к прекращению боевых действий. При этом уже с лета 1813 г. у войск антифранцузской коалиции (в отличие от русской армии в 1812 г.) было подавляющее численное превосходство. Но зато не было массового героизма и самопожертвования русских солдат, на которые они оказались способны в 1812 г.

К сожалению, «чудо» 1812 г. вместо правильного научного осмысления причин победы России породило в дальнейшем слепую и непоколебимую веру как в обществе в целом, так и на уровне высшего руководства страны и командования вооружёнными силами, что Россия изначально непобедима в абсолютно любой ситуации. Эта убеждённость хорошо сочеталась с традиционно российским пренебрежительным отношением к противнику, неоднократно приводившему к военным неудачам от битвы на Калке 1223 г. через позор проигранных сражений Русско-японской войны 1904–1905 гг., трагедии лета 1941 г. до штурма Грозного в первую чеченскую войну 1994–1996 гг. «Холодным душем» после эйфории «12-го года» для российского общества стала Крымская кампания 1853–1856 гг. (или Восточная война в зарубежной историографии). Результат данной войны необъясним, если рассматривать исключительно военный аспект. Сложившийся в научной и учебной литературе стереотип о военно-техническом превосходстве англо-французских войск над русскими, как причина поражения России в войне, при ближайшем рассмотрении оказывается не более чем мифом. При более детальном рассмотрении оказывается, что наиболее часто упоминаемые нарезные ружья использовали преимущественно англичане, но полное перевооружение на новые нарезные ружья произошло в английской армии только к летнему штурму Севастополя 1855 г. [7, с. 140; 8, с. 22–24]. Более того, именно английские войска в ходе всей войны ничем особенным себя не проявили. В Альминском и особенно в Инкерманском сражениях английские части показали себя не с лучшей стороны, победа союзников была достигнута преимущественно за счёт

действий французских частей. Попутно можно отметить: именно в ходе полевых сражений Крымской войны можно наглядно увидеть, как мог бы сложиться при иных обстоятельствах ход событий в боевых действиях 1812 г.: французские части регулярно «переигрывали» хуже подготовленные к войне русские. В Балаклавском сражении победа была одержана именно над английским контингентом армии союзников. Точку в осаде Севастополя поставили опять-таки не англичане, а французы, взяв Малахов курган. Надуманность версии о превосходстве в вооружении сознавалась ещё современниками событий 1853–1856 гг. Так, занимавший в период обороны Севастополя должность начальника штаба гарнизона И. В. Васильчиков писал впоследствии: «Вся французская линейная пехота была вооружена такими же гладкоствольными ружьями, как и наша пехота; если у французов было несколько стрелковых батальонов и полк зуавов с нарезными ружьями, то у нас были тоже штуцерные в каждой роте; а артиллерия союзников нисколько не превосходила качеством орудия нашей полевой артиллерии. Всё превосходство вооружения неприятеля состояло в том, что английская пехота была снабжена нарезными ружьями, что, однако, нисколько не помешало Владимирскому полку с успехом атаковать ее в штыки на совершенно открытой и ровной местности (Альминская битва. – Е. В.). Следовательно, дурное качество нашего ручного оружия не есть настоящая причина нашего поражения» [8, с. 23–24].

Можно ещё принять во внимание, что серьёзные проблемы русской пехоты с устаревшими образцами стрелкового оружия не помешали русской армии одержать убедительную победу в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Пароходофрегаты в Крымской войне были более универсальными и современными по сравнению с русскими парусными кораблями, но боевых столкновений на море англо-французского и русского флотов не было; исход войны решили боевые операции на суше. Сама по себе военная техника обычно ничего не решает. Всё зависит от людей, которые ею пользуются и конкретных условий применения. Можно вспомнить и пример из новейшей истории. Великолепные по конструкторским решениям, опередившие в тот момент своё время танки Т-34 и КВ Красной армии в 1941 г. не остановили наступление противника, и примитивные по сравнению с лучшими образцами советской бронетехники немецкие Pz-II и Pz-III дошли до Ленинграда и Москвы. И обратный пример, наилучшими образцами бронетехники за весь период Второй мировой войны немецкая армия располагала летом – осенью 1944 г., но обладавшие хорошим бронированием и великолепной бронепробиваемостью орудий танки Pz-V «Пантера», Pz-VI «Тигр», новые модификации среднего

Pz-IV, самоходки «Штурмгешюц» и «Ягдпантера» не предотвратили прорывы фронта худшими по качественным характеристикам американскими «Шерманами» после высадки союзников в Нормандии и блестящие марш-броски составивших ещё значительную часть танкового парка устаревших Т-34 образца 1943 г. Красной армии в Белорусской, Ясско-Кишинёвской, Львовско-Сандомирской операциях.

Бездарность командования русской армии в Крымской войне также не может являться ключевым фактором поражения, поскольку, во-первых, это же явление ярко проявилось, например, и в победоносной войне 1877–1878 гг., во-вторых, как верно подметил современный исследователь Крымской войны, «бездарность союзных генералов успешно конкурировала с бездарностью русских военачальников» [7, с. 43].

В рамках темы данной статьи можно предложить версию одной из важных причин поражения: руководство страны во главе с императором Николаем I не смогло как в 1812 г. объединить русское общество и мобилизовать его на сосредоточении всех сил для победы. Война и русское общество в эпоху Крымской войны (как и позднее в годы Первой мировой войны) пребывали в разных реальностях. Раскол общества в середине XIX в. продолжал усиливаться, что и обусловило проигрыш России в данном конфликте. Внешним проявлением раскола общества периода 1850-х гг. могут служить неоднократно приводимые авторами научных работ массовые случаи махинаций и разворовывания выделяемых на армию средств [9, с. 44–46; 10, с. 243–245; 11, с. 90–93]. То есть, пока одна часть русского общества жертвовала собой на бастионах осаждённого Севастополя, другая благополучно наживалась на военных поставках. И массового отторжения или ярко выраженного протеста воровство чиновников не вызывало. Отечественной для всей страны война в Крыму в 1854–1855 гг., к сожалению, не стала.

Мыслитель и философ Н. Я. Данилевский, написавший в 1860-е гг. работу «Россия и Европа», где, рассматривая различные аспекты конфронтации России и Запада, первым в европейской философско-исторической мысли сформулировал в целостном виде основные постулаты цивилизационной теории. Он выделял в качестве ярко выраженного качества славянского (русского) культурно-исторического типа «дисциплинированный энтузиазм» или единение народа с монархом в минуту тяжёлых испытаний. В качестве иллюстрации Данилевский проанализировал 5 основных факторов, от которых зависит победа в войне: 1) численность войска; 2) тактическое обучение и боевой опыт; 3) качество вооружения; 4) талант военачальника; 5) «нравственный дух, одушевляющий войска» [12, с. 463]. С точки зрения данного

автора, победа в Северной 1700–1721 гг., Семи-летней 1756–1763 гг. и Отечественной 1812 г. войнах была одержана русской армией преимущественно или исключительно за счёт пятого фактора – нравственного духа. Именно этот пятый фактор есть один из признаков российской цивилизации, точнее, по терминологии Данилевского, российского культурно-исторического типа: «Это-то внутреннее, нравственно-политическое единство и цельность русского народа, объёмлющие собою всю государственную сторону его бытия, и составляют причину того, что русский народ может быть приведен в состояние напряжения всех его нравственных и материальных сил, в состояние, которое мы называем дисциплинированным энтузиазмом, волей его государя, независимо от непосредственного возбуждения отдельных единиц-личностей, составляющих народ, тем или другим интересом, событием или вообще возбуждением» [12, с. 459]. О превосходстве духа русского солдата и нравственной победе русских в Бородинской битве писал и Л. Н. Толстой.

Н. Я. Данилевский не знал и не мог знать историю России XX столетия. Иначе наиболее ярким примером его «пятого фактора» стала бы Великая Отечественная война. Попробуем смоделировать некую абстрактную ситуацию. Произошло столкновение аграрно-индустриальной страны с индустриальной. При этом более развитая в экономическом отношении страна на тот момент превосходила более слабую по основным экономическим показателям в 1,5–2 раза (по выплавке алюминия – в 3 раза), рядовой и офицерский состав армии индустриальной страны имел боевой опыт и более высокий уровень военной подготовки. Вооружённые силы аграрно-индустриальной страны встретили войну в невыгодных для себя условиях, сразу же потерпели серию поражений и понесли серьёзные потери. Одновременно быстрая утрата значительной части территории не позволила эвакуировать часть промышленности, был оставлен крупнейший угольный бассейн, дававший основную часть топлива страны. Если абстрагироваться от известной нам истории Великой Отечественной войны и исходить из обозначенных параметров, поражение аграрно-индустриальной страны было предрешено и закономерно одновременно в двух плоскостях: и военном, и экономическом. Но, как показал в реально осуществившейся истории ход боевых действий и перестройки экономики второй половины 1941 г. и 1942 г., Советский Союз обладал повышенным запасом прочности. По мнению автора статьи, в данном случае на фронте и в тылу явно прослеживается проявление сведения в критической ситуации всех векторов русского раскола к минимальному показателю. Первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) вспоминал впоследствии о первых эшелонах с эва-

куированным населением, прибывших на Урал: «Случалось, что в открытых полувагонах или платформах ехали люди. Хорошо, если был брезент, которым можно прикрыться от дождя... Иногда и этого не было... Никто, разумеется, не роптал – горе объединяло людей...» [13, с. 391]. В данном случае региональному руководителю удалось найти хорошо отражающую глубинную суть событий формулировку: «горе объединяло». Вместо традиционного раскола российского общества с каждым месяцем войны начал набирать силу фактор объединения всех сил ради победы над врагом. Как в 1812 г., в 1941–1945 гг. на разных уровнях командования выдвинулись талантливые военачальники, такие как Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский, Н. Ф. Ватулин, Ф. И. Толбухин, Л. А. Говоров, И. Д. Черняховский, А. Е. Голованов, В. И. Чуйков, М. Е. Катуков и многие другие. И в отличие от кампании 1812 г., когда русская армия начала красиво с точки зрения полководческого искусства побеждать французскую только в ходе отступления последней, в Великой Отечественной войне хребет военной машины Германии был сломан в решающих победах в Сталинградской и Курской битвах, когда Красная армия впервые победила немецкую не только за счёт героического самопожертвования отдельных солдат и целых воинских формирований, но ещё и умелым применением правил военного искусства.

В Советском Союзе было осуществлено максимально возможное в рамках российской цивилизации единство общества. Были сняты важнейшие аспекты раскола – богатые и бедные, конфликт сословий, национальный вопрос. Деградация и предательство политической элиты за счёт сталинских чисток 1930-х гг. были отсрочены почти на полстолетия: отчётливо выраженная деградация политической элиты началась в 1980-е гг., предательство осуществилось в 1990-е гг. Не удалось только снять конфликт власти и общества. Как представляется автору данного исследования, именно в условиях России данный вектор раскола вечен и неизбежен. Государство в России с самого момента своего возникновения вынуждено выступать в качестве компенсационного механизма как организатор обороны и организатор экономики [14, с. 534–558], что требует принудительной концентрации людских и финансовых ресурсов и никак не может способствовать единению общества и власти.

Результаты преодоления раскола в сталинском СССР – это не только победа в Великой Отечественной войне, но и успешная ускоренная индустриализация, расцвет науки, выход в космос (который осуществился в период правления Н. С. Хрущёва, но основы заложены в сталинскую эпоху). Как видно из приведённых примеров, «дисциплинированный энтузиазм» (Да-

нилевский) в реалиях России может работать не только на войне, но и в созидательной плоскости научно-экономических свершений.

И сам распад СССР также можно рассматривать как результат постепенного нарастания в 1980-е гг. интенсивности проявления векторов многовекового российского раскола. Решающую роль, вероятно, сыграли резко усилившаяся деградация правящей политической элиты СССР, переход в оппозицию региональных политических элит союзных республик, обострение национализма в целой группе республик, постепенное и становящееся всё более заметным усиление неравенства в обществе, «затуманивание» массового сознания «сказками» о счастливой жизни в Европе и США в условиях демократии и рыночной экономики, приводящее к нарастанию сомнений в правильности существующего в СССР экономического и политического строя.

Спор западников и славянофилов XIX в. в начале XXI в. продолжается. И вопрос, по какому пути идёт Россия, тождественному Западу или своему самобытному, по-прежнему остро стоит на повестке дня. Вопрос зачастую предстаёт в завуалированной форме дискуссий по частным вопросам, например, споров сторонников и противников ЕГЭ или столкновения противоположных точек зрения экономистов на форму и степень государственного регулирования экономики России. Но при вдумчивом анализе и ЕГЭ, и госрегулирование экономики – это всё отдельные стороны ставшего уже многовековым вопроса: каким путём идёт Россия? Вопрос «Чей Крым?» 2014 г., который в 2022 г. перешёл в плоскость определения своей позиции по отношению к СВО на Украине, – это тоже спор российского общества о западном или самобытном пути развития России.

В современной России остались конфронтация малоимущих и зажиточных групп общества, конфликт власти и общества, проблема правящей (и культурной) элиты. Национальный вопрос эволюционировал на современном этапе развития России в проблему мигрантов. К традиционным видам русского раскола добавился новый – противостояние центра (Москвы) и регионов, который можно рассматривать и как перешедший на новый уровень традиционный российский конфликт высших и низших сословий (отчасти – богатых и бедных). После вхождения в состав РФ Донецкой и Луганской республик, Запорожской и Херсонской областей на повестку дня выходит ярко выраженный раскол общества на новых освобождённых от контроля ВСУ территориях. Участник боевых действий в интервью с предельной откровенностью подчеркнул: «Часто происходило одно и то же: “У меня всё есть, чего вы сюда пришли?”. И при освобождении Мариуполя такое случалось. Некоторые плачут: “Только не ухо-

дите”, а другие: “Зачем вы сюда припёрлись?”» [15, с. 102].

Насколько можно судить по доступной информации и личным впечатлениям автора статьи, Россия вступила в СВО в условиях раскола по многим векторам общества. Наиболее яркими внешними проявлениями отсутствия единства явились бегство из страны ряда известных деятелей культурной элиты и части молодёжи призывного возраста, резкий скачок цен на предметы военной амуниции. Вызывает недоумение продолжающееся странное (в условиях военных действий и массового участия значительной части общества в помощи фронту) стремление в центре и в регионах к проведению массовых празднеств, фестивалей, ярмарок и т. п. Но ход событий 2023–2025 гг. всё-таки демонстрирует заметное ослабление степени раздробленности общества и нарастание патриотических настроений. Даже сформировавшийся в условиях нестабильной и частично криминальной экономики 1990-х – начала 2000-х гг. российский бизнес от явно выраженного стремления заработать на ситуации 1922 г. перешёл в 2023–2025 гг. к заметной финансово-экономической поддержке СВО.

В заключение необходимо отметить, что, как показывает исторический опыт, Россия иногда способна выигрывать войны, пребывая в состоянии конфронтации различных группировок общества. Но лучше всё-таки вести военные действия, когда общество едино. Хочется верить, что призыв «Наше дело правое, победа будет за нами» снова сможет объединить российское общество и поможет достойно выйти из очередного витка многовекового конфликта России и Запада.

Список литературы

1. *Безотосный В. М.* Все сражения русской армии 1804–1814 гг. Россия против Наполеона. М. : Яуза ; Эксмо, 2012. 672 с.
2. *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. М. : Мысль, 1988. 348 с.
3. *Русская армия 1812–1814 / Безотосный В. М.* [и др.]. М. : Владос, 1999. 160 с.
4. *Кузнецов А. А.* Ордена и медали России. М. : Изд-во МГУ, 1985. 174 с.
5. *Керсновский А. А.* История русской армии : в 4 т. Т. 1 : От Нарвы до Парижа. М. : Голос, 1992. 304 с.
6. *Троицкий Н. А.* Александр и Наполеон. М. : Высш. школа, 1994. 304 с.
7. *Ченнык С. В.* Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.) : в 5 ч. Ч. 1 : Вторжение. Севастополь : Полмет ГМБХ, 2010. 320 с.
8. *Ченнык С. В.* Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.) : в 5 ч. Ч. 2 : Альянс. Севастополь : Полмет ГМБХ, 2011. 320 с.

9. *Тарле Е. В.* Крымская война : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 567 с.
10. *Тарле Е. В.* Крымская война : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2. 656 с.
11. «Шутили, не верили, не готовились...». Интенданство: Изнанка кампании // *Родина*. 1995. № 3–4. С. 90–93.
12. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 574 с.
13. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Кн. 1 : Суровые испытания / науч. рук. В. А. Золотарев ; гл. ред. Н. М. Раманичев. М. : Наука, 1998. 544 с.
14. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. : РОССПЭН, 2006. 568 с.
15. *Драбкин А. В.* Я – воин СВО. М. : Яуза-каталог, 2025. 352 с.

Поступила в редакцию 13.10.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 13.10.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 152–162

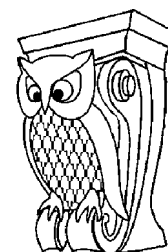
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 152–162

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-152-162>, EDN: DTXMOK

Научная статья

УДК [355.48:316.4](470+571)(09):005.573

Дискуссия по поводу статьи Е. В. Воейкова «Раскол российского общества как один из факторов российского исторического процесса»

В. Н. Данилов¹, П. С. Кабытов², Е. П. Барина², С. В. Любичанковский³, А. П. Мякшев¹, А. Л. Стризое⁴, Е. И. Демидова⁵

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 411012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

³Оренбургский государственный педагогический университет, Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19

⁴Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, проспект Университетский, д. 100

⁵Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, daniilovik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, AuthorID: 308190

Кабытов Пётр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой российской истории, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, AuthorID: 591236

Барина Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, rfnz25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>, AuthorID: 269201

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, svlubich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>, AuthorID: 372365

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, AuthorID: 391367

Стризое Александр Леонидович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры Российской государственности, социологических и политических наук, strizoe@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>, AuthorID: 444200

Демидова Елена Игоревна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История и философия», demidova-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0298-355X>, AuthorID: 738949

Аннотация. В статье представлена дискуссия по поводу статьи доктора исторических наук Евгения Владимировича Воейкова по проблеме влияния степени единства общества России на ход военных конфликтов и целостности страны в кризисных ситуациях, организованная редакционной коллегией журнала. В центре внимания выдвинутая автором идея «раскола» в качестве системного фактора российской истории. Обсуждаемые вопросы являются чрезвычайно актуальными как для исторической науки, так и для понимания современных общественных процессов.

Ключевые слова: Россия, история, власть, общество, единство, раскол, войны, кризисы, концептуальная модель

Для цитирования: Данилов В. Н., Кабытов П. С., Барина Е. П., Любичанковский С. В., Мякшев А. П., Стризое А. Л., Демидова Е. И. Дискуссия по поводу статьи Е. В. Воейкова «Раскол российского общества как один из факторов российского исторического процесса» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 152–162. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-152-162>, EDN: DTXMOK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Discussion on E. V. Voyeykov's article "The split in Russian society as a factor in the Russian historical process"

V. N. Danilov¹, P. S. Kabytov², E. P. Barinova², S. V. Lyubichankovskiy³, A. P. Myakshev¹, A. L. Strizoe⁴, E. I. Demidova⁵

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Samara National Research University, 34 Moskovskoe shosse, Samara 443086, Russia

³Orenburg State Pedagogical University, 19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia

⁴Volgograd State University, 100 Universitetsky Avenue, Volgograd 400062, Russia

⁵Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politekhnikeskaya St., Saratov 410054, Russia

Viktor N. Danilov, daniilovik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, AuthorID: 308190

Petr S. Kabytov, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, AuthorID: 591236

© Данилов В. Н., Кабытов П. С., Барина Е. П., Любичанковский С. В.,
Мякшев А. П., Стризое А. Л., Демидова Е. И., 2026

Ekaterina P. Barinova, rfnz25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>, AuthorID: 269201
Sergey V. Lyubichankovskiy, svlubich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>, AuthorID: 372365
Anatoly P. Myakshev, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, AuthorID: 391367
Aleksandr L. Strizoe, strizoe@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>, AuthorID: 444200
Elena I. Demidova, demidova-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0298-355X>, AuthorID: 738949

Abstract. The article presents a discussion on the article by Evgeny Vladimirovich Voyeykov, Doctor of Historical Sciences, on the issue of the influence of the degree of unity of Russian society on the course of military conflicts and the integrity of the country in crisis situations, organized by the editorial board of the journal. The focus is on the author's idea of "split" as a systemic factor in Russian history. The issues discussed are highly relevant for both historical research and understanding contemporary social processes.

Keywords: Russia, history, power, society, unity, division, wars, crises, conceptual model

For citation: Danilov V. N., Kabytov P. S., Barinova E. P., Lyubichankovskiy S. V., Myakshev A. P., Strizoe A. L., Demidova E. I. Discussion on E. V. Voyeykov's article "The split in Russian society as a factor in the Russian historical process". *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 152–162 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-152-162>, EDN: DTXMOK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вступительное слово

В. Н. Данилов,

доктор исторических наук, профессор

Уважаемый читатель! Вы ознакомились со статьей доктора исторических наук, профессора Пензенского государственного университета Евгения Владимировича Воейкова, которая поступила в наш журнал. В статье автор попытался показать свое видение проблемы влияния степени единства общества в России на ход военных конфликтов и целостности страны в кризисных ситуациях. Актуальность проблемы единства российского общества в современных условиях, когда противостояние России и Запада перешло в военную фазу и вновь возникла угроза существованию российской цивилизации, бесспорно, является важной. В данной публикации анализируется феномен «раскола» в качестве некоего системного фактора российской истории. Это интересный подход, но требующий критического осмысления.

Е. В. Воейков рассматривает раскол не как случайное или периферийное явление, а как постоянную величину, во многом определяющую вектор исторического развития России, особенно в переломные, кризисные эпохи. Автор не ограничивается констатацией известных исторических событий (Смута, революции 1917 г., распад СССР), а предлагает некую модель, связывающую степень единства общества с конкретными историческими исходами: победой или поражением в войнах, сохранением или распадом государственности. Центральным аргументом статьи является тезис о том, что военные успехи и неудачи России часто невозможно объяснить лишь военно-техническими или тактическими причинами. В качестве «полигона» для проверки этой гипотезы автор избирает два ключевых конфликта: Отечественную войну 1812 г. и Крымскую войну 1853–1856 гг. Эта модель экстраполируется и на другие периоды: единство общества в Великую Отечественную войну стало залогом Победы,

а нарастание «векторов раскола» в 1980-е гг. предопределило распад СССР. Однако возникает закономерный вопрос: не является ли предложенная схема излишне универсальной и редукционистской? Сводя сложнейшие исторические процессы (распад СССР, исход войн) преимущественно к фактору внутреннего раскола, автор неизбежно упрощает многопричинную палитру истории.

Редколлегия журнала обратилась к видным специалистам с просьбой принять участие в дискуссии по затронутым в статье вопросам. На нашу просьбу откликнулись доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой российской истории Пётр Серафимович Кабытов и доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии Екатерина Петровна Барина (Самарский национальный исследовательский университет имени С. П. Королева); доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Сергей Валентинович Любичанковский (Оренбургский государственный педагогический университет); доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии Анатолий Павлович Мякшев (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского); доктор философских наук, профессор, профессор кафедры Российской государственности, социологических и политических наук Александр Леонидович Стризое (Волгоградский государственный университет), Демидова Елена Игоревна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История и философия» (Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.). В целом можно констатировать, что работа стимулирует к дальнейшим размышлениям о роли социальной солидарности в истории России, а поднятые в ней вопросы являются чрезвычайно актуальными как для

исторической науки, так и для понимания современных общественных процессов. Предложенный автором подход заслуживает внимания и может стать плодотворной основой для последующих, более детальных и сбалансированных исследований.

Можно ли предотвратить смуты и революции?

П. С. Кабытов,

Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор

Е. П. Барина,

доктор исторических наук, профессор

Статья посвящена актуальной проблеме, в центре которой взаимоотношения власти и общества на различных этапах российской истории. Автор пытается выяснить влияние различных факторов, способствующих «расколу», в ходе которого в России возникают смуты и революции. Сразу же отметим, что статья весьма дискуссионная. Её вполне можно отнести к публицистике.

Автор утверждает, что раскол российского общества является ключевым фактором, определяющим ход русской истории, влияющим на исход войн и целостность государства в кризисные периоды. Он полагает, что проявления раскола охватывают несколько направлений: экономическое неравенство, социальные противоречия, конфликт власти и различных слоев общества, деградацию элиты и, как следствие, предательство ею национальных интересов. Раскол проявляется как в дискуссиях о направлениях исторического развития, модернизации страны, в конечном счете выборе путей общественного развития страны, так и находит выражение в национальных конфликтах.

Используя обширный исторический материал, автор при помощи образа «резонанс» нескольких параллельных расколов выявляет воздействие раскола в обществе на исторические события. В качестве аргумента приводятся исторические эпизоды, где итоги той или иной войны или кризиса были во многом генетически связаны со степенью единства общества. Автор акцентирует внимание на роли личного героизма отдельных деятелей и массового духа. Он рассматривает влияние факторов на возникновение смут и революций: состояние верховной власти, а также отмечает роль внешних факторов.

Автор опирается на широкий спектр источников: военно-историческая литература, теории Н. Я. Данилевского и Л. Н. Толстого о культурно-историческом коде русского народа, а также исторические хроники о конкретных конфликтах: Отечественная война 1812 г., Крымская война, Великая Отечественная война и т. д.). Однако отсутствует критический анализ источников и оценка их репрезентативности.

В тексте используется сравнительный подход: сопоставляются эпохи и конфликты, время, когда наблюдалось сильное единство общества и когда расколы влияли на ход и итоги военных действий. Конечно, очень важно было бы показать читателям как происходила эволюция понятия раскола во времени. К достоинствам статьи относится комплексный подход: автор предпринимает попытку связать социально-политические процессы внутри страны с итогами войн, а также стремится показать долговременные тенденции в российской истории. Примеры из разных эпох позволяют увидеть повторяемость паттернов и отделить временные особенности от устойчивых тенденций.

Статья сочетает аналитическую реконструкцию причин и следствий раскола с примерами конкретных военных кампаний. Приводя аргументы, автор основной упор делает на корреляцию между расколом и исходами войн, но причинно-следственные связи в таких сложных исторических процессах почти всегда множественные и взаимозависимые (экономика, технология, дипломатия, лидерство, случайности). В статье недооценена роль внешних факторов и динамики экономических и политических процессов, что приводит автора к детерминированным выводам, без учета реальных трактовок.

Используя выборочный характер примеров, автор иллюстрирует свои выводы наиболее подходящими, игнорируя те из них, которые не вписываются в схему автора. Приведем в качестве подтверждения возможные контрпримеры, которые не рассматриваются автором статьи: победа в Северной войне (1700–1721) была достигнута в условиях жесточайшего социального раскола и усиления государственного гнета. Отсутствие единства в обществе не помешало одержать победу за счет военных реформ и мобилизационных усилий государства.

Автор последовательно проводит мысль: единство ведет к победе, раскол к поражению и/или распаду страны. Однако он не доказывает, что именно единство или раскол были первопричиной, а не одним из многих факторов. Например, говоря о Крымской войне, автор справедливо отвергает тезис о техническом отставании, но сводит причину поражения к расколу. При этом он почти не анализирует другие ключевые факторы: дипломатическую изоляцию России, устаревшую систему военного управления. Для него «раскол» становится универсальной инструментом, что подменяет сложный, многофакторный анализ исторических событий.

К тому же ключевые понятия статьи, «раскол» и «единство», не имеют операциональных определений и практически не подвергаются измерению при оценке этих явлений. «Единство»

измеряется через «массовый героизм», а «раскол» – через «пассивность» или «коррупцию», «предательство элит». Это слишком субъективные и обобщённые критерии. Достаточно сложно оценить, когда «раскол» переходит в критическую фазу или что власть должна предпринять для достижения национального согласия и единства. Вероятно, здесь можно было бы указать на то, что реформы могут предотвратить смуты и революции. И, конечно, очень важно дать операциональные определения, показатели (например, уровень политического доверия, экономическое неравенство, степень региональной идентичности) и пороги для классификации, структурировать критерии измерения «единства» и «раскола», чтобы повысить научную значимость выводов.

Подчеркивая роль духовного и морального единства, которое Н. Я. Данилевский и Л. Н. Толстой трактовали как ключ к победам в войнах, автор пытается проследить применение дефиниций «нравственный дух» и «дисциплинированный энтузиазм» к современной эпохе.

Использование метода аналогий, несмотря на его продуктивность, без учета исторического контекста и фундаментальных различий эпох приводит автора к игнорированию уникального комплекса экономических, политических и международных причин каждого кризиса. Автор не декларирует свою методологию. Опираясь на историческую аналогию и казуальную корреляцию, он не доказывает свои выводы строгими методами, а последовательно отстаивает свою историософскую концепцию. Причем авторская трактовка тех или иных исторических событий зачастую выдается за объективную истину. Например, объяснение победы в Отечественной войне 1812 г. как «неестественной» и «сказочной», которая была осознана современниками, достаточно спорная и ничем не подкрепляемая психологизация исторических событий.

При анализе современных событий приводятся личные впечатления автора и отдельные интервью, что недостаточно для столь масштабных выводов о состоянии общества. Параллели с современностью, приводимые автором, требуют осторожности и более детального анализа структурных изменений в экономике, политике и медиа окружении. Отсутствует попытка *квантификации*, например, анализ социальной статистики, протестной активности, настроений в прессе, что могло бы придать аргументам научную строгость.

Статья актуализирует проблему консолидации общества в условиях современного военного конфликта, стимулирует дискуссию о соотношении материальных и духовных факторов в истории России. Социальное единство действительно является важным, но не единственным фактором военных успехов. Автор

справедливо указывает на важность морально-психологического фактора в войнах России, но абсолютизирует его значение.

Статья представляет собой скорее эссе с сильным публицистическим и отчасти идеологическим уклоном, нежели академическое исследование. Ее ценность заключается не в методологической строгости, а в постановке актуальной проблемы, попытке заострить внимание на роли социокультурного единства в истории России.

Полемические заметки о «расколе» как факторе российской истории

С. В. Любичанковский,
доктор исторических наук, профессор

Статья Е. В. Воейкова «Раскол российского общества как один из факторов российского исторического процесса» представляет собой смелую и во многом провокационную попытку объяснить ключевые повороты отечественной истории через призму социального единства или его отсутствия. Автор предлагает убедительную на первый взгляд схему: когда общество консолидируется – Россия побеждает (1812, 1941–1945), когда раскалывается – терпит поражение или распадается (Смута, Крымская война, 1917, 1991). Однако при всей привлекательности этой концепции она вызывает ряд серьёзных вопросов и требует критического осмысления.

1. Слишком широкое понятие – слишком узкие выводы

Воейков трактует «раскол» чрезвычайно широко: от религиозных споров XVII в. до конфликта «центра и регионов» в современности. В этот перечень попадают сословные, имущественные, идеологические, национальные и даже управленческие противоречия. Такой подход, с одной стороны, демонстрирует многогранность проблемы, но с другой – превращает «раскол» в универсальную отмычку, объясняющую всё что угодно. Возникает ощущение, что любая трудность в истории России автоматически объявляется следствием раскола, а любой успех – следствием его преодоления. Это создаёт риск тавтологии: мы определяем наличие раскола по факту поражения, а факт поражения объясняем наличием раскола.

Более того, подобная логика игнорирует другие, не менее важные факторы: экономические, технологические, военно-стратегические, международные. Например, поражение в Крымской войне автор объясняет, прежде всего, внутренним раздором, сводя на нет техническое и тактическое превосходство союзников. Но можно ли всерьёз утверждать, что паровые корабли, нарезные ружья и лучшая логистика

противника не играли решающей роли? Описывая воровство интендантов, Воейков, безусловно, указывает на важную болезнь общества, но была ли эта болезнь главной причиной падения Севастополя – дискуссионный вопрос. Скорее, она была одним из симптомов общего кризиса имперской системы, который проявлялся и в технической отсталости, и в неумелом командовании.

2. «Чудо» 1812 года: единство или стратегия?

Особого внимания заслуживает трактовка Отечественной войны 1812 г. как примера преодоления раскола. Бесспорно, патриотический подъём сыграл огромную роль. Однако сводить победу над Наполеоном почти исключительно к «мнению народному» и «дисциплинированному энтузиазму» – значит упрощать историческую реальность.

Гораздо более убедительной выглядит версия, что Россия победила благодаря грамотной, хотя и спорной, стратегии Барклая де Толли и Кутузова – стратегии отступления, «скифской войне», выжженной земле и партизанским действиям. Это была победа не столько духа, сколько расчёта и терпения. Массовый героизм был ответом на эту стратегию и на вторжение иноземного врага, но он не был её первоисточником. Более того, единство 1812 г. было недолгим и поверхностным: уже в 1825 г. часть дворянской элиты вышла на Сенатскую площадь с требованиями перемен, что свидетельствует о том, что глубинные противоречия никуда не делись.

3. Советский опыт: мобилизационное единство как системный проект

Анализ Великой Отечественной войны в статье также вызывает дискуссию. Воейков справедливо отмечает невероятную сплочённость советского народа. Однако интерпретация этого единства как преодоления «вековых расколов» благодаря новому общественному строю требует уточнения. Феномен единства 1941–1945 гг. был результатом не стихийного и безвозвратного исчезновения старых противоречий, а масштабной и целенаправленной мобилизации, осуществленной государством.

Советская система к 1941 г. обладала мощными инструментами консолидации: это и централизованная идеология, формулирующая общие цели, и плановая экономика, способная перебрасывать все ресурсы на нужды фронта, и развитая система пропаганды. В условиях экзистенциальной угрозы государство сумело активировать эти механизмы, выдвинув на первый план не классовые или сословные различия, а общую идентичность – защитников Родины.

Таким образом, единство военных лет стало следствием не столько автоматического «сня-

тия» вековых расколов, сколько результатом беспрецедентной по своим масштабам управленческой работы по их временному подчинению единой национальной задаче. Конфликт власти и общества, который автор справедливо называет «вечным и неизбежным» для России, в этот период не исчез, но был отодвинут на второй план перед лицом общей опасности. Это демонстрирует, что в российской истории объединение достигается не только органично, «снизу», но и может быть результатом мощного системного усилия «сверху» в кризисный период.

4. Современность: можно ли измерить раскол линейкой?

Наиболее спорной представляется попытка автора применить свою схему к современным событиям, в частности к Специальной военной операции на Украине. Утверждения о том, что «Россия вступила в СВО в условиях расколотого по многим векторам общества», а ход событий 2023–2025 гг. демонстрирует «ослабление степени раздробленности», выглядят крайне субъективно. Как измерить эту степень? Бегство части интеллигенции и призывников – это показатель раскола или, напротив, естественного отсева в условиях кризиса? Проведение массовых праздников в военное время можно трактовать и как проявление «нормальности», и как оторванность элит, и как форму психологической борьбы.

Подобные оценки, не подкреплённые серьёзной социологией, рискуют стать не научным анализом, а публицистикой. Опасность концепции в её потенциальной инструментализации: она позволяет объявить любую критику власти или инакомыслие проявлением «раскола», который ослабляет страну в «момент тяжёлых испытаний». Таким образом, призыв к единству может легко трансформироваться в требование к единомыслию.

Заключение: Не раскол, а поиск баланса

Вместо того чтобы рассматривать российскую историю как маятник между «расколом» и «единством», возможно, продуктивнее видеть в ней постоянный поиск баланса между конфликтующими интересами, ценностями и группами. Раскол – не внешний фактор, а имманентное свойство любого сложного общества. Уникальность России не в том, что ее общество периодически раскалывается, а в том, какими катастрофическими или, наоборот, созидательными бывают последствия поиска выхода из этих расколов.

Концепция Е. В. Воейкова полезна как напоминание о важности социальной солидарности. Однако она не должна становиться универсальным ключом, подменяющим собой многогран-

ный и сложный исторический анализ. История учит, что подлинная сила государства – не в временном и зачастую вынужденном единстве, а в способности создавать устойчивые институты, которые могут управлять конфликтами, а не просто подавлять их во имя грядущей победы.

Раскол – фактор или метод?

А. П. Мякшев,

доктор исторических наук, профессор

Вряд ли можно оспорить «заглавное» положение статьи о значимых характеристиках русской социальной истории XVII–XX вв., которые автор квалифицирует как «основные векторы раскола российского общества». Представляется, что все заявленные сущностные черты «раскола» легко можно свести к перманентному, периодически переходящему из латентного состояния в горячую фазу и наоборот, конфликту между русским народом и российскими элитами (малоимущими и зажиточными, высшими и низшими сословиями, властью и обществом, сторонниками и противниками традиционных ценностей, считающими эталонным «русское» и ментально подчинившимися западным стандартам жизни). В этой связи из обозначенного ряда «векторов раскола» выбивается пятый по списку «национальный вопрос», поскольку как «еврейские погромы», так и борьба с международным терроризмом на территории Чеченской Республики были призваны бороться с центробежными тенденциями в государстве и объективно были направлены на консолидацию общества и укрепление государственного единства.

А вот с определением раскола «как постоянно действующего фактора российского исторического процесса» вряд ли можно согласиться, поскольку традиционно понятие «фактор» предполагает некую движущую силу, по крайней мере, условие, которое способно оказывать решающее воздействие на ход и направление исторического процесса. В данном случае возражение против декларируемого тезиса «раскол – фактор» укладывается в логику профессора Преображенского из «Собачьего сердца»: «Что такое эта ваша разруха? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе не существует!». И ответ на вопрос о «расколе – факторе» также можно сформулировать словами выдающегося советского писателя: раскол «сидит не в клозетах, а в головах!». Иными словами, тезис о социальном расколе как факторе, определяющем русский исторический процесс, есть закономерный результат торжества «постмодернизма» в исторической науке, когда интерпретация суммирует только те исторические факты, которые укладываются в очерченную тем или иным

автором схему. Поиск решающего, «всё объясняющего» фактора предпринимался историками неоднократно, но всегда с одинаковым разочаровывающим итогом.

На наш взгляд, более продуктивен, вследствие этого более объективен, подход, согласно которому понятие «раскол» имплементируется как метод, как способ достижения определенных политических целей. Используя данный контекст, вряд ли возможен вывод о расколе как о «врожденной», ментальной, системообразующей характеристике российской истории. И, наоборот, при применении термина «раскол» легко обнаружить в русской истории доказательство крайней эффективности данного метода как определенной последовательности действий, направленной к разрушению самого феномена российского государства-цивилизации. Причем как раз военные конфликты России служат убедительным доказательством того, что раскол – это сугубо внутривнутриполитическое оружие, «взрывающее» общество и государство изнутри и исподволь, но обязательно после того, как военным путем этого достичь не удавалось. Два вызова Запада в форме Первой и Второй мировых войн были парированы российским государством-цивилизацией, нашедшим в качестве успешного ответа в первом случае – пересборку Российской империи в советскую федерацию и попытку осуществления великого эксперимента по учреждению «социальной справедливости», во втором – создание сверхдержавы и технологическое лидерство. В мирных условиях, однако, политические технологии, применяемые под консолидированным названием «раскол» (собственно, довольно четко выделенных автором в форме «векторов раскола») деструктивными силами Запада и поддержанные местными властными элитами, дают феноменальный разрушительный эффект. С научной точки зрения актуализация термина «раскол» оправдана, при этом перспективна – с политической.

Реализация Западом плана «Ост» не военным путём, а в период послевоенного сбалансированного параллельного сосуществования двух мир-систем – россицентричной и капиталистической (англо-саксонской) – самое убедительное доказательство того, что «раскол» – политическая технология, но никак не условие либо фактор российского исторического процесса. Представляется, что для сокрытия главной цели (по словам Зб. Бжезинского, «против России, за счёт России, на руинах России») термин «раскол» был подменен понятием «холодная война». И если фашистская идеология (существовавшая в 1930-е гг. в Европе и мире повсеместно в формах нацизма, итальянского фашизма, усташизма, фалангизма, даффизма, салазаризма, хортизма, бандеровщины и т. д.)

стала решающим фактором создания «европейского союза – Третьего рейха», то его главным оружием стал раскол государств и народов.

Перед Россией встала угроза не только тотального уничтожения (законодательное закрепление факта «геноцида советского народа» произошло только 21 апреля 2025 г.), но и угроза расчленения её исторической территории и уничтожения идентичности как этносов, входящих в единое государство, так и родившейся накануне Великой Отечественной войны и стремительными темпами формирующейся уникальной «новой исторической общности – советский народ». Коллаборационизм (если следовать классификации автора – «вектор раскола»), ставший одним из факторов объединения в фашистский «европейский союз» (чего стоит только французский вишистский суверенитет!), в Советском Союзе был подавлен своевременными, правда, крайне жестокими методами.

Прерванная в современной российской и победившая в постсоветской историографии «линия оправдания» в отношении коллаборационистского движения, и как следствие, выдвижение на первый план концепции «депортация – геноцид», является, на наш взгляд, банальной информационной манипуляцией, углубляющей раскол как внутри России, так и между РФ и бывшей её «цивилизационной периферией». Концептуализация понятия «раскол в русской истории» позволяет характеризовать депортацию как политику устранения из системы российского государства-цивилизации вредоносных и исключаяющих её успешное функционирование элементов, «пересборку» этих элементов в новых условиях и на «ментально чужих» территориях с целью их повторной инкорпорации в развивающуюся социокультурную общность. Неслучайной представляется и западная интерпретация этого драматического сюжета русской истории, делающая акцент на преступности замысла («огульные обвинения»), запредельную жестокость при выселении и перемещении народов (миф о «значительной части умерших в пути»), беспрецедентности «превышения смертности над рождаемостью» (практически повсеместно в спецпоселениях рождаемость превысила смертность в конце 1940-х гг.).

Вполне закономерным для технологии «раскола» стала «раскачка» национальных движений в диссидентстве, абсолютное игнорирование факта сохранения генофонда народов (переселяли семьями), чрезвычайных условий, в которых проводилась депортация (попытка устранения России из мирового геополитического порядка, геноцид советского народа, военно-стратегическая мощь объединенного европейского фашизма), превентивный характер действий советского руководства (с момента прихода к власти

Гитлера реально рассматривались планы «замещения» на белорусской территории в ходе будущей войны с СССР местного населения на «волжских немцев»). Всё это позволило деструктивным силам накануне распада Советского Союза ввести в действие мощный механизм «раскола» и дезинтеграции – Закон о реабилитации репрессированных народов.

Представляется, что понятие «раскол» вполне применимо в качестве объяснительного механизма. С помощью подобной мыслительной конструкции возможна «расшифровка» многих важных сюжетов, недостаточно «обеспеченных» историческими источниками. Как попытка взорвать внутриэлитное единство, установившееся в сталинском руководстве в конце 1930-х гг., может быть охарактеризовано «Ленинградское дело» 1948–1949 гг. Устранение выдвинутых А. А. Жданова, прямо и открыто ставящих вопрос консолидации Советского Союза вокруг исторической России, а также Н. А. Вознесенского, одного из практиков и теоретиков советской экономики как единого хозяйственного комплекса, управляемой и направляемой из единого центра – Госплана, по сведениям некоторых исследователей, проводилась в рамках организованной ЦРУ операции «Split» («раскол», «расщепляющий фактор»).

Возможно, решение А. Н. Косыгина вместо внедрения «глушковской» системы ОГАС (прототипа современной «нейросети», своеобразный «цифровой Госплан») начать реформу 1965 г. по рекомендациям малоизвестного харьковского экономиста Е. Г. Либермана объясняется его «ленинградским страхом» перед перспективой очередного раскола внутри властной элиты. Соглашаясь с основным постулатом Либермана о необходимости сделать «прибыль» главным показателем успешной работы отдельного предприятия, Алексей Николаевич не мог не понимать, что тем самым запускался печально знаменитый механизм советской затратной экономики – «чем выше себестоимость, тем выше прибыль». Не являлась ли «либерманнизация» страны реализацией плана «Split-2» («раскол», «расщепление» советской экономики)? Косыгин мог уже к концу 1970-х гг. наблюдать, как народное хозяйство становилось неуправляемым, экономика работала уже не как единый организм, а как совокупность предприятий. В конечном счёте возобладали не хозрасчет страны, как при Сталине, а хозрасчет отдельного предприятия... Косвенным доказательством данного предположения может служить появление в США движения «Остановить Глушкова», критика ОГАС будущими горбачевскими «идеологическими экономистами» Е. Ясиным и Б. Мильнером, появление Либермана на обложке журнала «Time».

Социальный раскол и российская военная история

А. Л. Стризов,

доктор философских наук, профессор

После появления работ А. С. Ахиезера объяснение коллизий отечественной истории на основе идеи раскола общества стало весьма распространённым. Автор обсуждаемой нами статьи рассуждает аналогичным образом, иллюстрируя роль раскола в российской истории на примере её военно-исторического аспекта.

Прежде чем рассматривать частные вопросы, обсуждаемые в статье, попытаемся определить сущность самого понятия «раскол» как инструмента историко-теоретического и историко-социологического анализа. Тот факт, что раскол охватывает различные стороны общественной жизни России, не подлежит сомнению. Е. В. Воейков на это справедливо указывает. Отсюда следует, что глубина раскола не может быть описана отдельными экономическими или политическими проявлениями, а предполагается использование комплексных, интегративных идей и концептов.

Обратимся к мнению Н. А. Бердяева, которое, как нам кажется, приближается в обозначенному нами подходу: «Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу – крестьянству, воспринимавшему как мир другой расы, иностранцев» [1, с. 111]. Философ указывает здесь на социокультурный характер раскола, затрагивающий, все проявления материальной и духовной культуры и потому тотальный. Из этой тотальности вытекает и неспособность сторон (в обычных, не чрезвычайных условиях) к поиску «золотой середины», компромиссной позиции, объединяющего их начала. Из этой тотальности вырастает и нигилизм, и связанное с ним насилие в отрицании и разрушении враждебного мира.

Однако, как показывает российский исторический опыт, мера тотальности, её масштабы и в пространстве и времени, могут быть различны. Прежде всего речь идёт об объединяющих общество ценностях, непосредственно связанных с самосохранением страны и её народа. Инструментом такого самосохранения выступал в первую очередь институт государства с его способностью быть защитником и гарантом независимости, патроном, олицетворением силы и справедливости. Другие ценности, в тот или иной исторический момент непосредственно связанные с государством, получали в народном сознании устойчивую легитимацию. Российская армия, как социальный институт, и освящаемый ею военно-державный патриотизм принадлежат к их числу.

Важно иметь в виду, что на региональном и локальном уровнях интересы «верхов» и «низов» в отдельных случаях могли сближаться или

совпадать, временно объединяя объективно противоположные стороны. Очевидно также, что объективно неизбежные процессы индустриальной модернизации начиная с середины XIX в. способствовали постепенному сокращению тотальности социокультурного раскола российского общества. Этому благоприятствовали, хотя и медленный, но рост образовательного и культурного уровня населения, процессы урбанизации, развитие средств коммуникации. Переход к индустриальной фазе развития активизировал работу «лифтов» социальной мобильности, которые существовали и в доиндустриальный период. Таким образом, ослабление или усиление раскола общества зависело от множества факторов, имеющих разную природу. В свою очередь, влияние состояния и характера отношений между классами и сословиями на иные процессы, происходящие в обществе, не было прямым, механистически жёстким, оно наталкивалось на инерцию традиций и особенности отдельных социальных организаций (институтов).

Влияние гражданских социальных конфликтов или консенсуса на армию и её действия во время войны опосредовано как особенностями армейской жизни и военной службы, так и спецификой воюющей армии, ходом военных действий, всей организацией фронта и тыла. Морально-психологическая атмосфера в воинских коллективах, настроения солдат и офицеров не могут быть описаны бинарной оппозицией «массовый героизм» – «дезертирство и предательство». Трудно согласиться с мнением Е. В. Воейкова о том, что «применительно к войнам низкая степень раскола в обществе находит внешнее проявление в массовом героизме. Высокий уровень раскола в военных конфликтах с внешним противником выражается в преобладающей пассивности основной массы военнослужащих, выполняющих свой долг только «от сих до сих»» (С. 146). В военной повседневности большинство солдат следует за своими командирами или неформальными лидерами из своей среды.

Представляется, что термин «массовый героизм» является порождением пропаганды и популяризации военной истории. Состояния массового боевого порыва и подъёма духа можно наблюдать лишь в отдельных эпизодах, ключевых моментах боёв на отдельных участках фронта. Героизм и осознанное самопожертвование присущи отдельным личностям, обладающими смелостью, волей, способностью к мобилизации. Высокий уровень раскола в гражданской сфере может оказать своё деструктивное воздействие, если в действующей армии уже подорваны основы воинской дисциплины, поколеблен авторитет офицерского корпуса, нарушена система управления. Проявляется это в идеологизации и политизации армии, в различных формах нарушения воинской дисциплины: от саботажа

до дезертирства военнослужащих. Поскольку армия в большей или меньшей мере отделена как от сословно-классового, так и от гражданского общества, она обладает иммунитетом к внешним, особенно политическим, влияниям, стремится силой своей организации и традиций минимизировать и пресекать их. Именно поэтому власти часто испытывают соблазн возлагать на армию полицейские функции. Автор статьи «спрямил» и тем самым упростил воздействие социального раскола на состояние воюющей армии.

Есть в статье и другой пример «спрямляющего» упрощения. Речь идёт о формах проявления раскола: «...обращает на себя внимание, – пишет Е. В. Воейков, – что многолетнее кровавое противостояние красных и белых – это та же самая теоретическая дискуссия западников и славянофилов о путях развития российского общества и государства» (С. 145). Чуть дальше одним из проявлений раскола автор видит «спор о путях развития России: от “спора о вере” в ходе раскола XVII в. через дискуссии западников и славянофилов в XIX в. до референдума о сохранении СССР» (С. 145).

Во-первых, здесь, по сути дела, отождествляются военно-политическое противоборство с идеологическим. При всей противоположности позиций участников этих конфликтов жесточечность и взаимоистребление одних не идут ни в какое сравнение с интеллектуальными «сражениями» и полемическим запалом других. Это принципиально разные «матери» с разными законами внутренней драматургии. Если в первом случае шла речь об изменении реального социально-экономического и политического порядка, то во втором – о способах идеологического обоснования смены устаревшего порядка и форме его буржуазно-либеральных преобразований. Кстати заметим, что по политическим вопросам споров между западниками и славянофилами не было, поскольку обе стороны «сходились (исходя из разных посылок) в едином желании отмены крепостного права, распространения народного образования, свободы печати» [2, с. 172].

Во-вторых, социально-культурный раскол – это раскол интересов, традиций, ценностных ориентиров массового и элитарного сознания и поведения. Этот раскол охватывает культурный мир публичных и повседневных практик людей. Споры о вере и путях развития страны – это споры мировоззренческо-идеологического характера, которые (как доказала, кстати, печальная судьба референдума о судьбе СССР), далеко не всегда прямо согласуются или противоречат воле действующих субъектов истории. Их динамика, то разгорающаяся, то затухающая, связана не только с законами бытия, но и с индивидуальными особенностями мышления и ценностей, с имманентными традициями развития

разных сфер общественного сознания. В силу этого обоснование одной и той же социально-экономической или политической программы возможно при помощи разных идей, концептов и доктрин.

Сказанное позволяет подчеркнуть: социокультурный раскол проявляется прежде всего в социальных практиках людей, в характере и состоянии общественных отношений, не будучи жестко и однозначно связанным с духовной жизнью общества, с остротой развёртывающихся в ней противоречий. Его влияние на разные социальные явления и процессы опосредовано и нелинейно.

В своей статье Е. В. Воейков рассматривает ряд эпизодов российской военной истории. Несомненно, что по масштабу ведения военных действий, степени мобилизации человеческих и материальных ресурсов, влиянию народа на их ход и результат можно выделить Отечественную войну 1812 г. и Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Однако и в этих случаях их народный характер не может быть представлен как массовый стихийный порыв и спонтанная народная инициатива, будь то помощь действующей армии или развёртывание партизанского движения. Работы российских историков последних лет показали как роль представителей власти и управления в организации и направлении народной инициативы, так и неоднозначность реакции народных масс на реалии войны. Так, А. И. Попов, отмечая, что всенародная борьба с Наполеоном и партизанское движение были инициированы Александром I и Барклаем-де-Толли, указывает на случаи, когда крестьянская «инициатива» проявлялась лишь в том, чтобы разграбить (иногда вместе с французами) имение помещика и отказаться работать на него [3, с. 706]. «В случаях ослабления дворянской администрации, – пишет А. И. Попов, – крестьяне более или менее вынуждено вставали на путь сотрудничества с противником» [3, с. 707]. Аналогичным образом народный характер партизанской борьбы с фашизмом стал следствием инициативы и организации, проявленной партийно-советскими работниками, сотрудниками НКВД и офицерами-окруженцами [4]. В то же время сегодня достоянием гласности и предметом исторического анализа становятся факты сотрудничества с врагом определенной части советских людей.

В заключение остановимся на событиях Крымской войны, которые анализирует Е. В. Воейков. Он полагает, что «сложившийся в научной и учебной литературе стереотип о военнотехническом превосходстве англо-французских войск над русскими, как причина поражения России в войне, при ближайшем рассмотрении оказывается не более чем мифом» (С. 147). Далее автор касается отдельных фактов такого превосходства: нарезного стрелкового оружия

и парового флота. Однако эти факты следует рассматривать не сами по себе, а в контексте общей системы организации тыла, снабжения, транспорта, комплектования армии и управления ею. Здесь преимущество союзников очевидно и общепризнано. Раскол российского общества и его негативное влияние на русскую армию, что имело место, также необходимо рассматривать в совокупности со всеми сторонами организации военной экономики, тыла и снабжения армии, организации и управления войсками.

Системный кризис николаевской России в этих сферах не вызывает сомнений. Именно на него и наложился социокультурный раскол, дав столь значительный негативный, в том числе морально-психологический, резонанс. Лев Толстой, участвовавший в обороне Севастополя, «после встречи с английскими и французскими ранеными пишет в своём дневнике, что каждый из этих солдат горд своим положением, осознаёт свою ценность для собственной армии, у них есть чувство собственного достоинства; он имеет хорошее оружие и он знает, как им пользоваться... А у русских: бессмысленная муштра, негодное оружие, плохое обхождение, всеобщее невежество, ужасающая гигиена и питание; всё это гасит последнюю искру гордости в человеке и даже даёт ему посредством сравнения, излишне высокое представление о противнике» [5, с. 176].

Социокультурный раскол общества ослабляет его шансы на победу над внешним врагом, но фатально её не исключает, как не исключает проявления героизма, патриотизма и самопожертвования в воюющей армии. Если попытаться выделить комплекс внутренних факторов, влияющих на исход войн и внешних столкновений, то среди них можно назвать, во-первых, цивилизационный (экономико-технологический) потенциал; баланс социокультурных конфликтов и консенсуса внутри общества; а также состояние военно-политической элиты, её способность и готовность отстаивать национально-государственные интересы.

Предложенная в статье Е. В. Воейкова объяснительная схема интересна, побуждает к размышлениям и дискуссии, но по своему дискурсу, как представляется, принадлежит к тому типу историографии, которую В. В. Согрин называет «пропагандистской» [6]. Если вектор профессиональной, научной историографии ориентирован на поиск истины, то пропагандистская, превращая многомерный научный факт в однонаправленный аргумент, стремится исключительно к убедительности позиции. Решение этих задач часто необходимо и полезно для общества, а потому сегодня пропагандистская историография является одним из факторов, формирующих массовое сознание россиян.

К вопросу о дискуссии по поводу феномена «раскола»

Е. И. Демидова,
доктор исторических наук, профессор

Статья Е. В. Воейкова носит полемический характер и посвящена актуальным аспектам очень острой проблемы единства российского общества, влияния его на ход военных конфликтов и целостности страны в кризисных ситуациях. Автор выделяет исторически сложившиеся «векторы» раскола в российском обществе. Сразу оговорюсь, что не согласна с применением понятия «вектор». В точных науках, математике и физике вектор – это направленный отрезок, величина, которая характеризуется численным значением и направлением. Историки применяют данное понятие в переносном значении, понимая под вектором направление, цель развития какого-либо процесса, явления, деятельности. Шесть обозначенных автором «векторов» раскола – это все-таки проявления раскола, так как речь идет не только о направленности процессов, сколько об их сущностном содержании.

Общество – сложная, многоуровневая система, продукт многовековой совокупной деятельности людей. Естественно, что оно неоднородно, структурировано, между людьми всегда есть противоречия, которые имеют как объективные, так и субъективные причины. Степень проявления противоречий различна и раскол крайне тяжелое их проявление. Как представляется, социальный раскол это – процесс разрушения, в результате которого теряется целостность, единство, способность действовать вместе, когда происходит расчленение, нарушение внутреннего единства общества. Поэтому реформа патриарха Никона для нас – это не что-то далекое и непонятное, а буквально из вчерашнего дня. По мнению Е. В. Воейкова, «раскол как проявление скрытого или перешедшего в острую фазу конфликта различных социальных групп на основе трудно-разрешимых противоречий является постоянно действующим фактором российского исторического процесса» (С. 145). Отсюда неизбежно следует вывод: а может, расколотость – это вообще наша нормальность и есть? Думаю нет, это не нормальность.

Критический момент в развитии системы иными словами можно назвать точкой бифуркации, когда она переходит из одного качественно-го состояния в другое. В историческом процессе всегда есть точки бифуркации, «моменты истины», которые делят историю на «до» и «после». Они могут затрагивать общество в целом, отдельную подсистему или социальный институт. В «расколоте» обществе точка бифуркации может стать как началом конца, так началом возрождения, модернизации. В частности, война – далеко не всегда следствие раскола, но чаще всего точка бифуркации.

Автор в статье рассматривает именно такие исторические ситуации, когда вопрос стоит о судьбе всего народа и государства. Когда необходимо «сделать то, что нужно», проявить положительное равнодушие, основанное на осознании идентичности, и готовность к служению, готовность действовать ради спасения Родины, «отложить на время разборки с властью». К сожалению, победы часто в истории нашего государства порождали «в дальнейшем слепую и непоколебимую веру как в обществе в целом, так и на уровне высшего руководства страны и командования вооружёнными силами, что Россия изначально непобедима в абсолютно любой ситуации» (С. 147).

Одной из главных социально-политических проблем сегодня является раскол как кризис идентичности, который уже внутри каждого человека, когда сердце или культурный код просит одного, а ум заставляет жить по-другому. Человек может «чувствовать себя русским», но не понимать сущности своего социокультурного мира. Пример – Татьяна Ларина, которая «порусски плохо знала, но русская душой была». Без осознания идентичности практически невозможно сформировать здоровый патриотизм как форму самореализации человека в реалиях социально-экономической дифференциации и неравенства, что и подтверждается в статье.

Серьезной проблемой является способность или неспособность любого общества к обновлению всех сфер и социальных институтов – это вопрос культуры, ценностей, иерархии приоритетов и системы отношений. В конкретном социуме либо присутствует инновационное начало, либо нет. Например, в российском обществе в конце XVII в. оно отсутствовало, как и в нулевые. Причины в каждом случае были различные, общество времён юности Петра I, было традиционным – это очень ясно показал произошедший ранее церковный раскол. Российское общество в начале XXI в. стало потребительским, где образцом для подражания стал быстрый успех приватизаторов советского богатства, а расколом стал распад СССР и его последствия.

Но у Петра I была возможность решить задачу преодоления технической отсталости с помощью внедрения западных технологий. Сегодня такой возможности нет, в условиях СВО

мы не можем позволить себе такую роскошь – импортировать технологии. То, что сегодня жизненно необходимо в экономике, в оборонной промышленности приходится создавать как на уровне научно-теоретическом, так и прикладном в темпе, задаваемом противником. Решение данной задачи требует в значительном количестве «новых» людей, «кадров специалистов», как их называли в 1920-е гг., нацеленных на результат. Важно здесь не допустить раскола, противостояния между «кадрами специалистов» и «старыми элитами», которые могут видеть в них опасных конкурентов. Важно и защитить их от общества, которое может видеть в них очередных «новых русских».

Современная война – это гонка технологических решений, с очень быстрым циклом обновления и внедрения новой техники и организационных технологий. Необходимо привлечь лучшие «умы и руки» на передовой край научно-технологической, организационной гонки, опередить противника в создании и внедрении новых решений и добиться превосходства именно в этом типе войны. Исключительно важно в этой войне защитить и сохранить наши традиционные ценности. А здесь требуется серьезная «работа над ошибками», анализ исторического опыта, выявление, где именно и в какой момент на предыдущих этапах нашего развития сделали не верно.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
2. Политическая история России / отв. ред. проф. В. В. Журавлёв. М. : Юристъ, 1998. 696 с.
3. Попов А. И. Кто был «зачинателем» народной войны в 1812 г. // Известия Самарского научного центра Российской Академии Наук. 2006. Т. 8, № 3. С. 698–710.
4. Арзамаскин Ю. Н. Советские партизаны в контексте Второй мировой войны // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 147–153.
5. Уткин А. И. Запад и Россия: история цивилизаций. М. : Гардарики, 2000. 574 с.
6. Согрин В. В. Профессиональная, пропагандистская и обывательская историография // Новая и новейшая история 2018. № 1. С. 185–203.

Поступила в редакцию 13.11.2025; одобрена после рецензирования 25.12.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 13.11.2025; approved after reviewing 25.12.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 163–170
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 163–170
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-163-170>, EDN: DVDNTC

Научная статья
УДК 347.962.7(470+571)|1801/1864|

Жалованье в системе денежного обеспечения судей Российской империи в 1801–1864 гг.

С. Н. Подлесных

Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова, Россия, 394087, г. Воронеж, ул. Тимирязева, д. 8

Подлесных Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, agera3@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2613-5777>, AuthorID: 698958

Аннотация. В настоящей статье на основе неопубликованных архивных источников из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) и законодательных актов рассматривается организация производства жалованья как основного элемента системы денежного обеспечения судей Российской империи в 1801–1864 гг. Показано место жалованья в системе денежного обеспечения судей, проанализированы его источники, структура и виды вычетов из жалованья. Автор приходит к выводу о том, что жалованье судей, как легальный источник их материального обеспечения, играло ключевую роль в вопросе их материального благополучия.

Ключевые слова: жалованье, оклад, денежное обеспечение, земский сбор, вычеты, инвалидный капитал, судейский корпус, чиновничество, дореформенный суд, Российская империя

Для цитирования: Подлесных С. Н. Жалованье в системе денежного обеспечения судей Российской империи в 1801–1864 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 163–170. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-163-170>, EDN: DVDNTC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Salaries in the judicial compensation system of the Russian Empire in 1801–1864

S. N. Podlesnykh

G. F. Morozov Voronezh State Forest Engineering University, 8 Timiryazev St., Voronezh 394087, Russia

Sergey N. Podlesnykh, agera3@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2613-5777>, AuthorID: 698958

Abstract. This article, using unpublished archival sources from the Russian State Historical Archives (RGIA) and legislative acts, examines the organization of salary production as a fundamental element of the judicial financial support system in the Russian Empire from 1801 to 1864. The article examines the role of salaries in the judicial financial support system and analyzes their sources, structure, and types of deductions. The author concludes that judges' salaries, as a legal source of their financial support, played a key role in their material well-being.

Keywords: salary, wages, financial support, zemstvo tax, deductions, disability capital, judicial corps, bureaucracy, pre-reform courts, Russian Empire

For citation: Podlesnykh S. N. Salaries in the judicial compensation system of the Russian Empire in 1801–1864. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 163–170 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-163-170>, EDN: DVDNTC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Материальное обеспечение чиновников в том числе определяет известную степень их независимости. В особенности данное утверждение подходит для судей, которые в силу специфики своей работы должны быть максимально беспристрастными и независимыми. Достойное материальное обеспечение судьи среди прочего является гарантией вынесения им объективного решения по делу. С другой стороны, не соответствующее экономическим

условиям жизни материальное обеспечение судьи может повлечь коррупционные проявления в работе судейского корпуса. Вместе с тем в дореформенное время статус судей не был отделен от общей массы чиновников России. В организации денежного обеспечения судей большинство вопросов определялось общими законодательными актами, направленными на регулирование в целом гражданской службы.

Среди всех видов материального обеспечения судей денежное обеспечение занимало центральное место. Вместе с тем необходимо отметить, что в российской историографии вопросам организации жалования отечественных судей периода 1801–1864 гг. самостоятельных работ посвящено не было. Жалование судей как часть бюрократического аппарата империи рассматривалось историками в общих работах, в которых анализировалось чиновничество России.

Из дореволюционной историографии по теме исследования необходимо упомянуть работу И. М. Катаева. Некоторые сведения о материальном положении дореформенного судейского корпуса можно найти в его труде «Дореформенная бюрократия: по запискам, мемуарам и литературе». В частности, автор данной книги указывал, что «чиновничество, в особенности низшее, получало ничтожное жалование» [1, с. 19].

Среди ученых советского периода, которые в своих общих работах анализировали материальное обеспечение чиновников дореформенного времени, выделяются исследования Н. П. Ерошкина [2], П. А. Зайончковского [3]. Так, например, П. А. Зайончковский приходил к выводу, что в целом в дореволюционное время материальное положение «основной массы чиновничества» было очень тяжелым [3, с. 72].

Из авторов постсоветского и современного этапов по теме настоящего исследования необходимо назвать работы Д. В. Андрияновой и В. М. Костомарова [4], В. А. Иванова [5, 6], И. Г. Мельниковой [7], У. В. Пашинцевой [8], Л. Ф. Писарьковой [9]. И. Т. Шатохина [10], Л. Е. Шепелева [11].

Невозможно обойти стороной фундаментальный труд Санкт-петербургского историка Б. Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну», который среди прочего отдельные главы своего исследования посвятил анализу материального обеспечения отечественного бюрократического аппарата [12]. Интересные мысли по теме исследования содержатся в работах современного ученого Л. Ф. Писарьковой. Историк приходит к выводам, что «с начала XIX века в связи с падением курса бумажных денег, которыми выплачивали жалование и пенсии, материальное положение чиновников стало ухудшаться» [9, с. 152]. По мнению Л. Ф. Писарьковой, материальная необеспеченность российских чиновников дореформенного времени была одной из основных причин коррупции [9, с. 155].

По общему правилу жалование чиновников определялось штатами, издававшимися для каждой губернии. Штаты вводились на срок от 2 до 5 лет с тем, чтобы можно было скорректировать с учетом потребностей каждого судебного места их финансирование. Однако первые штаты 1780-х гг. оставались неизменными более

указанного срока. Несколькими указами первоначальные сроки были продлены для всех губерний по 1 января 1795 г. В правление Павла I количество судебных присутствий было сокращено, что среди прочего было связано с необходимостью увеличения окладов судебным чиновникам. Так, 18 февраля 1800 г. последовало издание Высочайше утвержденной записки генерал-прокурора и государственного казначея, которым некоторые должности губернского и уездного уровней сокращались [13, с. 38]. Предполагалось на этом сэкономить сумму в 233 779 руб. и в том числе увеличить жалование ассессорам судебных палат [14, л. 696 об.].

Таким образом, увеличение жалования судебным чиновникам предполагалось за счет сокращения штатов. В 1802 г. уже при Александре I последовали новые штаты. Однако в последующие годы суды остались при тех же средствах, выделенных первоначально после реализации принятых в 1775 г. «Учреждений для управления губернии Всероссийской империи» [14, л. 695–695 об.]. Современный исследователь В. А. Воропанов подчеркивает, что в первой половине XIX в. «размеры денежных окладов, установленные правительством, не выделяли судей среди государственных служащих» [15, с. 16].

Согласно ст. 989 Устава о службе по определению от правительства (далее – Устав о службе) «лицам, состоящим в гражданской службе, для содержания их определяется жалование...» [16, с. 208].

Жалование судьям выплачивалось со дня подписания приказа об их назначении на должность и до дня, в который учреждением, где чиновник служит, будет получен приказ о его увольнении от должности. В том случае если судья умирал во время нахождения на службе, то заслуженное им жалование, по день его смерти, остается собственностью его наследников» [16, с. 212, 215–216]. Согласно ст. 1039 Устава о службе жалование выдавалось «по миновании каждого месяца». За последний месяц года жалование выдавалось «не по прошествии месяца, а в конце онаго» [16, с. 220–221].

В 1824 г. Александром I был подписан принципиальный закон, который имел существенное значение для порядка расчета жалования чиновников, в том числе и судей. Так, 29 апреля упомянутого года в Высочайше утвержденном положении Комитета министров было закреплено, что чиновникам, которые остаются на службе, производить в виде награды не пенсии, а прибавочное жалование, «ибо гораздо приличнее чиновникам, на службе остающимся, определять в награду прибавочное жалование, а не пенсии, которые определяются только при отставке и по установленным особым правилам» [17, с. 291–292].

6 апреля 1825 г. сенатским указом было предусмотрено производить жалование за время сдачи

дел при выбытии чиновников. Было указано, что 10-месячный срок для сдачи дел в архив касался только отсылки счетов на ревизию [18, с. 196].

Согласно ст. 1003 Устава о службе источниками жалованья чиновников Российской империи были:

- общие государственные доходы;
- особые суммы и сборы;
- городские доходы;
- земские сборы [16, с. 211].

Основная часть судей получала жалованье из общих государственных доходов (государственное казначейство). Так, например, в губерниях Центрального Черноземья (Воронежская, Тамбовская, Орловская, Курская губернии) дореформенный судейский корпус, находящийся в ведомстве министерства юстиции, в основном финансировался из казенных денег. Из общих государственных доходов получали жалованье товарищи председателей судебных палат, совестный судья, уездные судьи. В указанных губерниях России только председатели судебных палат имели смешанное финансирование (из общих государственных доходов и из земских сборов) [14, л. 221–225, 272–275]. Из городских доходов, например, производились выплаты столовых денег и квартирных денег судьям коммерческих судов [14, л. 294].

Необходимо отметить, что из земских сборов часть жалованья получали только те председатели судебных палат, которые избирались на должности местным дворянством. Так, например, председатели судебных палат в Вятской губернии назначались от правительства. В этой связи смешанное финансирование содержания председателей судебных палат в данной губернии отсутствовало (денежное содержание председатели судебных палат получали исключительно из сумм, отпускаемых государственным казначейством) [14, л. 227].

Одна из причин введения в качестве источника денежного содержания сумм из земского сбора заключалась в стабилизации материального положения судейского корпуса империи. Председатели судебных палат, назначаемые от правительства и, соответственно, получавшие жалованье из общих государственных доходов, имели большее денежное содержание, поступающее из государственного бюджета, нежели судьи, назначаемые по итогам местных дворянских выборов. Например, председатель судебной палаты в Архангельской губернии по штатам 1845 г. имел годовое жалованье от казны в размере 1143 руб. 68 коп. сер. [14, л. 187 об.]. В Астраханской губернии по штатам также 1845 г. председатель судебной палаты имел также жалованье от казны в сумме 1143 руб. 68 коп. сер. в год [14, л. 192 об.]. В губерниях России, где председатели судебных палат избирались местным дворянством (например, Воронежская, Курская, Тамбовская, Орловская губернии), жалованье

от казны составляло всего 714 руб. 80 коп. сер. в год [14, л. 221–380]. Содержание судей было существенно повышено только в 1859 г. [19]. Законом от 4 июня 1859 г. штатное содержание судей было повышено на 50% [20, с. 528–530].

Бюджетных денег для повышения денежного содержания судей у государства не хватало. Поэтому увеличение жалованья за счет земского сбора в тех губерниях, где судьи избирались местным дворянством, выглядело вполне логичным шагом государства в том числе с точки зрения экономии казенных денег. Согласно примечанию к пункту «и» параграфа III статьи 13 Устава о земских повинностях расходы на содержание разных чинов производились из земского сбора «впредь до изыскания других источников для покрытия их» [21, с. 10]. Как показало время, иных источников для повышения жалованья судейскому корпусу Российской империи в дореформенное время государству найти не удалось.

Впервые увеличивать жалованье судей из сумм земских сборов было предложено Именным указом, данным Сенату «Об увеличении окладов жалованья председателей палат уголовного и гражданского суда, советников сих палат и губернских прокуроров» от 28 апреля 1837 г. Николай I предоставил возможность увеличивать жалованье председателям судебных палат, которые избирались от дворянства, из земского сбора. Об этом дворянство должно было «сделать соображение особо в каждой губернии» [22, с. 282]. Этим же законом советники судебных палат были переименованы в товарищи председателей судебных палат с повышением жалованья. К примеру, товарищам председателей судебных палат в Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской губерниях предполагалось довести жалованье до 2500 руб. в год [23, л. 24–24 об., 26 об.]. В общем порядке из государственного бюджета председателям судебных палат жалованье повышено не было. Добавочное жалованье получили только те председатели судебных палат, которые назначались от короны (например, Вятская, Пермская, Таврическая, Архангельская, Астраханская и др.) [23, л. 26–26 об.].

Возможность увеличивать жалованье председателям судебных палат из земского сбора была конкретизирована Высочайше утвержденным положением Комитета министров от 9 сентября 1837 г. Было указано, что местное дворянство должно само установить, «с какого времени и в каком количестве должно производить председателям прибавку жалованья». Кроме этого, было предложено на рассмотрение дворянства «и назначение добавочного жалованья тем из них, которые занимают сии места не по выборам, а от короны» [24, с. 746–747].

Очевидно, не все дворяне желали за свой счет, из сумм земского сбора, увеличивать жалованье судьям. В этой связи «со стороны

некоторых местных начальников губерний возник вопрос: следует ли прибавочное жалование председателям судебных палат в губерниях, где назначение их зависит от выбора дворянства, производить ... из общих сумм земского сбора, или из частного сбора с одних помещичьих крестьян». Земские сборы являлись денежными губернскими повинностями, «отправляемыми посредством сбора со всего земства губернии» [21, с. 8]. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 25 апреля 1838 г. было указано, что прибавка к жалованию председателей судебных палат необходимо производить из общих земских сборов, а не только из частного сбора с одних помещичьих крестьян [25, с. 315].

Устройство земских повинностей было конкретизировано Именным указом, данным Сенату «Высочайше утвержденными правилами нового устройства земских повинностей» от 13 июля 1851 г. [26].

Точные ежегодные суммы добавочного жалования по ведомству министерства юстиции из общих губернских земских сборов были зафиксированы в Приложении к Уставу о земских повинностях 1857 г. В разных губерниях эти суммы были различными, хотя и оставались неизменными еще со штатов 1845 г. [14, л. 187–380]. К примеру, в Курской, Орловской, Тамбовской губерниях доплаты председателям судебных палат производились в размере 428 руб. 85 коп. сер. Данная сумма добавочного жалования из земских сборов была более чем в половине губерний Российской империи. В Московской губернии добавочное жалование составляло 285 руб. 90 коп. сер. В Воронежской губернии земское добавочное жалование было выше – 560 руб. сер., в Харьковской губернии – 903 руб. 45 коп. сер. [21, с. 166].

В Воронежской губернии только 13,5% денежного содержания судейского корпуса ведомства министерства юстиции приходилось на суммы от земского сбора и, соответственно, 86,5% – из общих государственных доходов [14, л. 221–225]. В Курской губернии денежное содержание из земских сборов составляло 9,5% [14, л. 273–275]. В Московской губернии (без учета жалования судей коммерческого суда) доля денежного содержания судей ведомства министерства юстиции из земских сборов была и того меньше – 6,7% [14, л. 290–295]. Таким образом, основным источником жалования судей в дореформенное время выступали общие государственные доходы.

Важное место в вопросе организации жалования судей занимали вычеты. Впервые вычеты из жалования служащих были установлены Петром I в 1711 г. Тогда это были вычеты из жалования военных чинов на медикаменты [27]. В последующем появились новые вычеты из жалования. Так, например, в 1715 г. был установлен вычет за повышение чинами, который производился с приказных людей, пожалованных в дьяки [28]. Практически все иные вычеты из жалования

чиновников также были установлены в петровское время. К примеру, Екатериной II впервые был установлен вычет за пожалование орденами и другими знаками. Высочайший указ об этом последовал 8 декабря 1786 г. [29, с. 395].

К XIX в. вычеты из жалования служащих были сохранены и более детально регламентированы, кроме того, они получили повсеместное распространение также на жалование чиновников гражданской службы. Так, указом от 31 июля 1802 г. было установлено, что вычет за повышение чинами необходимо производить при первой выдаче жалования чиновнику, «а отнюдь не далее уже второй трети» [30].

Согласно ст. 1044 Устава о службе оклады судей «подвергаются ежегодному вычету» в соответствии с Уставом о пенсиях «для обеспечения участи вдов их и сирот» [16, с. 221]. Ст. 1045 данного документа закрепляла, что вычеты производятся «при самом отпуске сумм в те места, от коих выдача производится» [16, с. 221].

Вычеты из жалования судей дореформенной эпохи можно разделить на две группы:

- постоянные (вычеты на пенсию чиновнику, также его вдове и сиротам);
- временные: при повышении чинами и при отпусках; при пожаловании орденами и другими знаками отличия; по частным долгам и взысканиям; во время нахождения под судом и следствием; по разным другим штрафам, казенным начетам и взысканиям [16, с. 222].

Организация пенсионных вычетов из жалования была детализирована в Уставе о пошлинах. Ст. 590 закрепляла, что если жалование чиновника выше 142 руб. 95 коп., то вычитались 2 копейки с рубля, если жалование составляло 142 руб. 95 коп. или было меньше – вычиталось по 1 копейке с рубля. Согласно ст. 616 указанного документа из столовых денег вычиталась 1 копейка с рубля [31, с. 121, 125].

Постоянные вычеты производились один раз в год, а временные вычеты – по факту, дающему основание на такой вычет. Постоянные вычеты производились в пользу государственного казначейства (пенсионное обеспечение) и в инвалидный капитал (социальная помощь). В целях пенсионного обеспечения вычеты производились как из жалования судей, так и служащих, не отправляющих функцию правосудия, например секретарей судебных палат. Необходимо отметить, что вычеты для целей пенсионного обеспечения производились только из сумм жалования, составляющих казенные деньги. Из части жалования, источником которого выступали земские сборы или городские сборы, вычеты в пользу государственного казначейства не производились. Суммами всех вычетов для целей пенсионного обеспечения судей ведало государственное казначейство. К примеру, из жалования

председателей судебных палат в Воронежской губернии в размере 714 руб. 80 коп. сер. после 1845 г. вычиталась в пользу государственного казначейства сумма в размере 14 руб. 30 коп. сер. Таким образом, в год на руки председатели судебных палат получали жалованья из общих государственных доходов 700 руб. 50 коп. сер. Вычет в целях пенсионного обеспечения составлял 2% [14, л. 222].

Инвалидным капиталом заведовал Комитет о раненых (такое именование он получил с 19 марта 1858 г.), который учредили в 1814 г. Комитет выдавал пенсии и социальные пособия раненым военным, а также их вдовам и сиротам [32, с. 334]. В инвалидный капитал вычетов из жалований судей не производилось. Однако такие вычеты были обязательными для секретарей судебных палат. Вычеты в инвалидный капитал производились только из сумм причитающихся им столовых денег. Такой вычет был однопроцентным [33, л. 9]. Так, в Воронежской, Казанской, Курской губерниях столовые деньги секретарей судебных палат после 1845 г. составляли в год 170 руб. 71 коп. сер. В инвалидный капитал из этой суммы вычитался 1 руб. 71 коп. сер., что равнялось 1% [14, л. 222, 252, 273].

Ст. 625 Устава о пошлинах закрепляла, что одна из четырех частей сбора за повышение чинами составляла вычет из жалованья. Ст. 626 этого законодательного акта фиксировала, что «из жалованья вычитается за повышение чина месячный оклад». Вычет за повышение чинов не касался столовых и квартирных денег [31, с. 127–128].

Одним из наиболее частых вычетов из жалованья судей был вычет за пожалованные ордена и другие знаки отличия. Порядок вычета с чиновников за пожалованные ордена среди прочего был конкретизирован законом от 9 декабря 1815 г. [29, с. 395–396]. В последующем данный вид вычета был детализирован ст. 245 Учреждения орденов и других знаков отличия. Ст. 247 этого документа устанавливала, что «следующие за пожалование орденом деньги вычитаются как из жалованья, так и из пенсий, по правилам, для вычетов за повышение чинами установленным» [34, с. 40].

Отдельного внимания в организации производства жалованья чиновников заслуживал вопрос выдачи жалованья судьям, находящимся под судом или следствием [16, с. 216–220]. К данной теме центральное правительство обращалось практически в течение всей первой половины XIX в. [35–38].

Законом от 26 марта 1826 г. фиксировалось, что гражданским чиновникам, находящимся под судом, производить половинное жалованье «по чинам их, в сравнении с военными» [39, с. 315]. Чуть позже актом от 31 августа 1826 г.

было постановлено таким чиновникам, преданным суду с удалением от должностей, выдавать половинное жалованье [40, с. 922].

Упомянутые законы касались только вычета из жалованья чиновников, состоящих под судом. В этой связи из некоторых губернских казенных палат в адрес министерства финансов стали поступать вопросы, производить ли вычеты чиновникам, которые еще не преданы суду, но находятся под следствием. В связи с данным вопросом 21 марта 1827 г. последовал указ, в котором обозначалось, что правило «половинного жалованья» также распространяется и на чиновников, состоящих под следствием [41, с. 269]. Таким образом, вычет из жалованья судей, состоящих под судом или следствием, составлял 50%.

В отдельном деле, заслушанном в Государственном совете в 1832 г., особо указывалось о том, чтобы «чиновникам, преданным суду за поступки, до службы не относящиеся, жалованья не производить» [35, л. 1].

С изданием Николаем I положения о дворянских выборах в губерниях империи стал возникать вопрос, «следует ли производить половинное жалованье служащим по выборам от дворянства чиновникам, кои имеют недвижимую собственность». По этому вопросу Высочайше было утверждено положение Комитета министров от 13 февраля 1832 г., которым правила вычета из жалованья чиновников, избираемых по выборам дворянства, приравнивались к общим правилам «половинного жалованья» [42, с. 81–82].

В 1836 г. в Государственном совете рассматривался вопрос, следует ли выдавать оправданным судебными приговорами чиновникам, за время состояния их под следствием и судом, удержанную половину жалованья. Государственный совет в общем собрании постановил выдавать удержанное за время следствия и суда жалованье, если приговором Сената чиновник был обвинен, а общим собранием по пересмотру оправдан. Мнение Государственного совета было Высочайше утверждено [37, л. 12–13].

В том числе вычеты из жалованья чиновников, состоящих под судом или следствием, указывали на обвинительный характер судебного процесса в дореформенное время. Розыскная форма процесса до судебной реформы 1864 г. не предполагала состязательности, презумпция невиновности не действовала.

В начале XIX в. весьма распространенным явлением было отправление одним чиновником двух или даже трех должностей. Особо не утруждая себя ни на одной должности, такой служащий получал двойное или тройное жалованье. Государственный деятель первой половины XIX в. и мемуарист А. Д. Боровков в своем сочинении приводит воспоминания, составленные им по ответам судимых декабристов: «Сколько

чиновников, едва имеющих занятие, пользуются большими окладами из двух и трех мест! Сколько таких же получают пенсии на службе! Но в то же время большая, несравненно большая часть бедствует, нуждаясь даже в пропитании, будучи обременена притом работою до упада» [43, с. 356].

В 1815 г. император подписал закон, согласно которому нельзя было «определять никого из чиновников в две или три должности, по коим получают они столько же окладов» [44, с. 415–416]. Тем самым упразднилась практика производства одному чиновнику двойного или тройного полного жалованья.

Однако в некоторых случаях все же было возможно совмещать две должности. Так, 10 февраля 1831 г. было Высочайше утверждено положение Комитета министров «О допущении медицинских чиновников к различным должностям, с производством им по оным жалованья», в соответствии с которым находящиеся в ведении министерства внутренних дел медицинские чиновники в определенных случаях имели право занимать другие должности [45, с. 139–143]. По судейскому корпусу подобных специальных указов не выходило.

Однако Высочайше утвержденным положением Комитета министров «О производстве жалованья по нескольким должностям» от 22 декабря 1836 г. правило упомянутых медицинских чиновников распространялось на все ведомства. Было постановлено, «чтобы никто не мог занимать двух и более должностей с получением по оным жалованья, или других окладов, если должности те состоят одна от другой в какой-либо зависимости или подчиненности» [46, с. 309–310]. Данное правило возводилось в общую норму при издании Свода законов Российской империи в 1857 г. Хотя двойной оклад мог быть производим только с Высочайшего согласия [16, с. 214].

Анализ архивных и законодательных материалов позволяет утверждать, что государство в дореформенное время достаточно внимательно относилось к организации производства жалованья чиновников. В первую очередь это касалось обеспечения законодательными актами. Неплохо был проработан, к примеру, вопрос с вычетами из жалованья, совмещения должностей. Все это все же не исключало противоречий в законе, а также недопонимания в практической плоскости – в губерниях.

Финансовые источники жалованья судей не были однородными. Основным источником выступали казенные средства (общие государственные доходы). Некоторое увеличение жалованья судейского корпуса России последовало после 1837 г., когда дворянству в губерниях империи было разрешено производить добавочное жалованье судьям, избираемым по выборам, из сумм земских сборов. Однако процент таких

добавочных жалований в общей массе производящихся всем судьям конкретной губернии денежных выплат был весьма невелик. По губерниям, которые были проанализированы в настоящем исследовании, процент сумм земских сборов колебался от 13,5% до 6,7%.

Важно отметить, что опыт организации производства жалованья отечественному судейскому корпусу первой половины XIX в. был востребован в ходе реализации судебной реформы 1864 г. Во-первых, дореформенная система денежного обеспечения судей показала, что основное внимание в регулировании материального обеспечения необходимо уделять именно жалованью судей. После 1864 г. была продолжена законодательная работа, направленная на детализацию организации производства судьям жалованья. Во-вторых, авторы судебной реформы 1864 г. учли низкий уровень материального обеспечения судей дореформенного времени в системе новых судейских жалований, распределение которых обозначалось не по чинам, а по должностям. Оклады судей были повышены, что в том числе отражало реализацию принципа независимости судей. В-третьих, система вычетов из жалованья судей, системно оформившаяся в первой половине XIX в., явилась основой для дальнейшего развития института отчислений из жалованья судей, в том числе в эмеритальные кассы судебного ведомства. В-четвертых, опыт производства добавочного жалованья судьям из сумм земского сбора был востребован при организации материального обеспечения мировых судей. В-пятых, практика удержания части жалованья судей, состоящих под судом или следствием дореформенной эпохи, была распространена на мировые судьи с учетом того, что в подобных случаях жалованье им полностью не выплачивалось.

Таким образом, рассмотрение места жалованья в системе денежного обеспечения судей Российской империи позволяет сделать вывод о том, что оно играло ключевую роль в вопросе легального материального благополучия судейского корпуса.

Список литературы

1. Катаев И. М. Дореформенная бюрократия: по запискам, мемуарам и литературе. СПб. : Книгоизд-во типо-лит. «Энергия», 1914. 180 с.
2. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М. : Мысль, 1981. 252 с.
3. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России. М. : Мысль, 1978. 288 с.
4. Андриянова Д. В., Костомаров В. М. Чиновничество и служащие Тобольского и Томского губернских управлений конца XIX – начала XX вв. в пространственном измерении // Журнал фронтирных исследований. 2023. Т. 8, № 2. С. 62–80. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i2.410>

5. Иванов В. А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России : (по материалам Моск. и Калуж. губ.) : ист.-источниковед. очерки. Калуга : КГПИ, 1994. 229 с.
6. Иванов В. А. Уровень материального обеспечения местного чиновничества в России в середине XIX в. (опыт статистического анализа) // Власть. 2012. № 8. С. 122–124.
7. Мельникова И. Г. Чиновники губерний Верхнего Поволжья в первой четверти XIX в. // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 24–26.
8. Пашинцева У. В. Оплата и стимулирование труда государственных служащих дореволюционной России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1–2. С. 336–344.
9. Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 4. С. 147–158.
10. Шатохин И. Т. Поместное дворянство и провинциальное чиновничество первой половины XIX века // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (283). С. 165–170.
11. Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб. : Искусство-СПб, 1999. 480 с.
12. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2023. Т. 3. 992 с.
13. Высочайше утвержденная записка генерал-прокурора и государственного казначея «Об оставлении при казенных палатах по одному ассессору; об отмене уездных землемеров; о обращении штатных губернских и уездных конных драгун в пехотные; о распределении остающейся от того суммы на прибавку окладов ассессорам и прочим чинам, и о бытии особому секретарю при гражданских губерниях» // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 26, № 19281. С. 38.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1152 Департамент государственной экономики Государственного совета. Оп. 4 1851. Д. 113.
15. Воропанов В. А. Эволюция статуса судей в законодательстве Российской империи первой половины XIX в. // История государства и права. 2014. № 9. С. 15–19.
16. Устав о службе по определению от правительства // Свод законов Российской империи : в 15 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1857. Т. 3, кн. 1. С. 1–752.
17. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О назначении чиновникам на службе остающимся прибавочного жалованья в награду, а не пенсионера» от 29 апреля 1824 г. // ПСЗРИ. Собрание I : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 39, № 29884. С. 291–292
18. Сенатский «О непроизводнении жалованья за время сдачи дел» от 6 апреля 1825 г. // ПСЗРИ. Собрание I : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 40, № 30316. С. 196.
19. Подлесных С. Н. К вопросу об увеличении окладов судейскому корпусу Российской империи в 1859 г. // Наука и образование: актуальные вопросы теории и практики : материалы V междунар. науч.-метод. конф. (Оренбург, 27–28 марта 2025 г.). Оренбург : Оренбургский институт путей сообщения, 2025. С. 564–568.
20. Именной, объявленный Сенату министром юстиции, опубликованный 11 июня «Об усилении штатного содержания губернских и уездных мест и лиц ведомства министерства юстиции» от 4 июня 1859 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II : в 55 т. СПб. : Типогр. II отд. С.Е.И.В.К., 1861. Т. 34, № 34563. С. 528–530.
21. Устав о земских повинностях // Свод законов Российской империи (СЗРИ) : в 15 т. СПб. : Типогр. II отд. С.Е.И.В.К., 1857. Т. 5, кн. 2. С. 1–248.
22. Именной, данный Сенату «Об увеличении окладов жалованья председателей палат уголовного и гражданского суда, советников сих палат и губернских прокуроров» от 28 апреля 1837 г. // ПСЗРИ. Собрание II : в 55 т. СПб. : Типогр. II отд. С.Е.И.В.К., 1838. Т. 12, № 10185. С. 282.
23. РГИА. Ф. 1152. Оп. 2 1837. Д. 57.
24. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О предоставлении дворянским собраниям назначать председателям судебных палат добавочное жалованье» от 9 сентября 1837 г. // ПСЗРИ. Собрание II : в 55 т. СПб. : Типогр. II отд. С.Е.И.В.К., 1838. Т. 12, № 10542. С. 746–747.
25. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О производстве прибавочного жалованья председателям судебных палат, занимающим места сии по выборам, а равно и от короны, из общих сумм земского сбора» от 18 мая 1838 г. // ПСЗРИ. Собрание II : в 55 т. СПб. : Типогр. II отд. С.Е.И.В.К., 1839. Т. 13, № 11163. С. 315.
26. Высочайше утвержденные правила нового устройства земских повинностей от 13 июля 1851 г. // ПСЗРИ. Собрание II : в 55 т. СПб. : Типогр. II отд. С.Е.И.В.К., 1852. Т. 26, № 25398. С. 483–531.
27. Штаты кавалерийских и пехотных полков, с показанием расположения оных по губерниям от 19 февраля 1711 г. // ПСЗРИ. Собрание I : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 4, № 2319. С. 590–627.
28. Именной, объявленный из Сената «О взимании с пожалованных в дьяки по 100 рублей на лазареты» от 23 мая 1715 г. // ПСЗРИ. Собрание I : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 5, № 2911. С. 158.
29. Сенатский «О взносе чиновниками, Всемиловнейшее пожалованными в кавалеры, следующих в орденский капитул денег» от 9 декабря 1815 г. // ПСЗРИ. Собрание I : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 33, № 26015. С. 395–396.
30. Сенатский «О вычете денег, следующих за повышение чинов, при первой выдаче жалованья» от 31 июля 1802 г. // ПСЗРИ. Собрание I : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 27, № 20355. С. 211–212.

31. Устав о пошлинах // СЗРИ : в 15 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1857. Т. 5. С. 1–167.
32. Сулова Л. Н. Пенсионное обеспечение российских военнослужащих в XIX – начале XX века (по материалам Тобольской губернии) // Научный диалог. 2019. № 2. С. 326–337. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-2-326-337>
33. РГИА. Ф. 733 Департамент народного просвещения. Оп. 120. Д. 259.
34. Учреждение орденов и других знаков отличия // СЗРИ : в 15 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1857. Т. 1, кн. 6. С. 1–196.
35. РГИА. Ф. 1149 Департамент законов государственного совета. Оп. 2 1831. Д. 67.
36. РГИА. Ф. 1149. Оп. 2 1833. Д. 52.
37. РГИА. Ф. 1149. Оп. 2 1836. Д. 61.
38. РГИА. Ф. 1149. Оп. 2 1837. Д. 98.
39. Именной, данный Сенату «О выдаче гражданским чиновникам, находящимся под судом, половинного жалования по чинам их, в сравнении с военными» от 26 марта 1826 г. // ПСЗРИ. Собрание II : в 55 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 1, № 214. С. 315.
40. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О производстве жалования гражданским чиновникам, преданным суду с удалением от должностей» от 31 августа 1826 г. // ПСЗРИ. Собрание II : в 55 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 1, № 569. С. 922.
41. Сенатский «О производстве чиновникам, под следствием находящимся, половинного жалования» от 21 марта 1827 г. // ПСЗРИ. Собрание II : в 55 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 2, № 975. С. 269.
42. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О правилах удовлетворения жалованьем состоящих под судом чиновников, служащих по дворянским выборам» от 13 февраля 1832 г. // ПСЗРИ. Собрание II : в 55 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1833. Т. 7, № 5163. С. 81–82.
43. Боровков А. Д. Автобиографические записки // Русская старина. 1898. С. 331–362.
44. Именной, объявленный военному министру Президентом Государственного совета князем Салтыковым «О неопределении никого из чиновников в две или три должности; о непроизводнении столовых денег вдвойне, а квартирных тем чиновникам, кои пользуются казенными квартирами; о показании при представлениях к наградам, что оными чиновниками во время службы получено и о внесении также в формулярные списки всех получаемых наград» от 23 декабря 1815 г. // ПСЗРИ. Собрание I : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 33, № 26041. С. 415–416.
45. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О допущении медицинских чиновников к различным должностям, с производством им по оным жалования» 10 февраля 1831 г. // ПСЗРИ. Собрание II : в 55 т. Отд. I. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1832. Т. 6, № 4337. С. 139–143.
46. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О производстве жалования по нескольким должностям» от 22 декабря 1836 г. // ПСЗРИ. Собрание II : в 55 т. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1837. Т. 11, № 9801. С. 309–310.

Поступила в редакцию 01.11.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 01.11.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

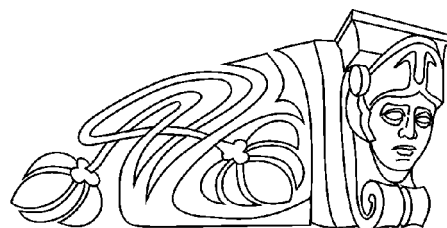
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 171–179
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 171–179
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-171-179>, EDN: FSWU FK

Научная статья

УДК [141.7:330.82](470+571)|185/186|+929Одоевский

В. Ф. Одоевский и Великие реформы: к характеристике либеральной программы мыслителя

Е. Д. Иванов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Иванов Егор Дмитриевич, аспирант кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, 79209292041@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3983-1761>, AuthorID: 1314119

Аннотация. Статья посвящена либеральному реформизму князя В. Ф. Одоевского 1850–1860-х гг. Показано, что защита князем русской общины в 1857 г. осложнила его продвижение к экономической свободе, сблизила с «охранительным» либералом Б. Н. Чичериным, но отдала от К. Д. Кавелина. Неуклонная либеральная последовательность в различных вопросах после наступления внутривнутриполитической реакции в 1866 г. свидетельствует о том, что вектор идеологического движения Одоевского происходил справа налево, что совпало со сдвигами в понимании князем личного начала и сущности свободы.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, М. Н. Катков, П. А. Валуев, И. С. Тургенев, С. С. Громека, М. П. Погодин, Великие реформы, либерализм, либеральный реформизм, консерватизм, славянофильство, русская крестьянская община, концепции политической и экономической свободы

Для цитирования: Иванов Е. Д. В. Ф. Одоевский и Великие реформы: к характеристике либеральной программы мыслителя // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 171–179. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-171-179>, EDN: FSWU FK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

V. F. Odovsky and the Great reforms: Toward a characteristic of the thinker's liberal program

E. D. Ivanov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod 603022, Russia

Egor D. Ivanov, 79209292041@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3983-1761>, AuthorID: 1314119

Abstract. This article examines the liberal reformism of prince V. F. Odovsky in the 1850s and 1860s. It is shown that the prince's defense of the Russian community in 1857 complicated his progress toward economic freedom, bringing him closer to the "conservative" liberal B. N. Chicherin, but distancing him from K. D. Kavelin. His steadfast liberal position on various issues was expressed through sympathy for S. S. Gromeka, and his defense of liberal institutions after the onset of the domestic political regime in 1866. While evolving to the left, he was a like-minded person of his friend M. P. Pogodin, who, while adopting liberal ideology, criticized the conservatively minded P. A. Vyazemsky in those years. This evolution coincided with changes in the prince's personal principle and the essence of freedom.

Keywords: V. F. Odovsky, K. D. Kavelin, B. N. Chicherin, M. N. Katkov, P. A. Valuev, I. S. Turgenyev, S. S. Gromeka, M. P. Pogodin, Great Reforms, liberalism, liberal reformism, conservatism, Slavophilism, Russian peasant commune, concepts of political and economic freedom

For citation: Ivanov E. D. V. F. Odovsky and the Great reforms: Toward a characteristic of the thinker's liberal program. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 171–179 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-171-179>, EDN: FSWU FK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Либеральный реформизм князя В. Ф. Одоевского 1850–1860-х гг. стал уже устоявшимся историографическим фактом. Он был очевиден таким дореволюционным авторам, как А. И. Кошелев [1, с. 3, 6], М. П. Погодин [1, с. 64],

К. П. Победоносцев [1, с. 81], Н. Ф. Сумцов [2, с. 43], А. П. Пятковский [3, с. 54–63], А. Ф. Кони [4, с. 28–29, 40–44], И. А. Кубасов [5, с. 128], Н. А. Котляревский [6, с. 152], Б. А. Лезин [7, с. 28]. Примечательно, что верный либе-

ральной трактовке проблем общественной мысли А. Н. Пыпин, характеризуя Одоевского 1860-х гг., с удовольствием отмечал его «живое сочувствие к лучшим движениям... общественного развития», имея в виду деятельность русских либералов эпохи Великих реформ [цит. по: 5, с. 128]. Движение в сторону либерализма было подмечено и отпевавшим князя священником К. Озеровым [8, с. 5]. Понятно, что, ограничиваясь рассуждениями общего характера, большинство дореволюционных авторов не ставило перед собой задачу дать пространную характеристику реформизма князя. К выполнению ее приблизился лишь П. Н. Сакулин. Характеризуя Одоевского как апологета крестьянской реформы, он подметил его отказ разрушить общину в конце 1850-х гг. [9, с. 218].

Существенно продвинули дело вперед советские исследователи. Так, у О. В. Цехновицера, проведшего большую работу в рукописном отделе ленинградской Публичной библиотеки, были все основания утверждать, что либерализм Одоевского, проблески которого были видны еще в николаевский период [10, с. 10, 16–17], окреп в эпоху Великих реформ. Отрекшись от «социальной близорукости» и перейдя к «научному реализму (т. е. позитивизму. – Е. И.)», Одоевский выступил теперь «решительным поборником близости с Европой», поверил в «благодетельность предпринимаемых правительством реформ», требовал устройства «суда гласного и беспощадного для воров, взяточников и бездельников». «Чутко реагирующий на дыхание времени, – заключает О. В. Цехновицер, – Одоевский не мог не ответить на отдельные этапы русской и европейской социальной жизни. Он следует течению эпохи, не боится пересмотра позиций прошлого и неустанно следит за всеми движениями и изменениями в духовных и социальных настроениях» [11, с. 37]. О. В. Цехновицеру, бесспорно, удалось весьма точно определить вектор эволюции Одоевского в эпоху Великих реформ. Его положения были развиты Б. П. Козьминым [12], М. А. Брискманом [13], Е. Ю. Хин [14, с. 34, 37], В. С. Виргинским [15, с. 197], причем несомненная удача сопутствовала здесь В. И. Сахарову [16, с. 26–28].

Современные авторы продолжили изучение Одоевского-либерала. Так, О. Д. Голубева [17, с. 163] и Ю. В. Манн [18, с. 193] развили положения своих предшественников. Е. Е. Дмитриева [19] и Е. Э. Вишневская [20, с. 309–327] существенно расширили наши представления о понимании князем крестьянского вопроса. Н. А. Жильцов, О. Н. Коржиков, О. И. Чердаков, анализируя оценку Одоевским судебной реформы 1864 г., поставили его в один ряд с поборником «чувства законности и справедливости» К. Д. Кавелиным [21, с. 63]. Некоторые же выводы требуют, на наш взгляд, корректировки.

Так, Е. Л. Рудницкая, анализируя позицию Одоевского, полагает, что ему всегда был присущ «эстетический гуманизм, где человек выступает как основополагающая ценность» [22, с. 366]. Князь, считает исследователь, всегда защищал «человеческую личность», «взгляд на которую свободен» у него «от фантома народности» [22, с. 367]. Уже из этих мыслей ясно, что Е. Л. Рудницкая не видит разницы между Одоевским 1830–1840-х и 1850–1860-х гг. Проблемы эволюции в понимании им личностного начала для нее не существует [23, с. 193–194, 200]. Спорным представляется нам и утверждение П. И. Федотовой о том, что апологетика князем Великих реформ была всего лишь восприятием «иллюзий либерального прогрессизма» [24, с. 18]. Ошибочен ее вывод о том, что поздний Одоевский несколько не эволюционировал в сторону западничества и, как следствие, являл собой «просветительскую ветвь славянофильства» [24, с. 7, 15]. Игнорируя данные источников, П. И. Федотова смело перечеркивает достижения советских историков, и в первую очередь О. В. Цехновицера, Б. П. Козьмина, М. А. Брискмана.

Нельзя не сказать и о работах зарубежных исследователей. Блестяще проанализировав философские и политические взгляды автора «Русских ночей», польский историк А. Валицкий фактически миновал рассмотрение эпохи Великих реформ, упомянув о ней лишь в одной из подстрочных сносок [25, с. 111]. Н. Корнуэлл, напротив, уделил ей значительную часть своей монографии [26, р. 183–196, 200–202, 206–209]. Защита буржуазных реформ, борьба за гражданские права и привлечение в Россию иностранного капитала, неуклонное стремление облегчить цензуру – таковы, по мнению автора, контуры либерализма Одоевского. Корнуэлл прав, называя князя «сторонником как монархии, так и реформ» одновременно [26, р. 190].

Подводя итог историографии вопроса, можно утверждать, что наибольшей популярностью у исследователей Одоевского пользуются оценки им крестьянской, судебной, цензурной реформ Александра II. Вместе с тем до сих пор нет ясности в том, как относился он к общине (особенно в 1860-е гг.), земской и университетской реформам. Картину его отношения к цензурному и судебному вопросам можно дополнить новыми данными. Мы не поймем особенностей либерального реформизма Одоевского, не сравним его позиции со взглядами идеологов как правого, так и левого изводов либерализма эпохи Великих реформ. Необходимо, естественно, выяснить, насколько устойчивым оказался либеральный реформизм князя после наступления внутривнутриполитической реакции в 1866 г. Также стоит проанализировать эволюцию понимания им сущности свободы и личностного начала, имевшую место в 1850–1860-е гг. Все это позво-

лит скорректировать, а в чем-то и опровергнуть выводы Е. Л. Рудницкой и П. И. Федотовой.

Цель исследования заключается, таким образом, в анализе либерального реформизма князя В. Ф. Одоевского 1850–1860-х гг., выявлении присущих ему особенностей. Источниками работы служат публицистика князя, его записные книжки и письма.

Начнем с крестьянского вопроса. Апологет правительственного курса, Одоевский совершенно неожиданно столкнулся с русской общиной и даже встал на ее защиту. «Он ревностно брал под защиту “целостность мира”, то есть противостоял появлению в общине, наряду с коллективной собственностью, частных земельных участков, – отмечают современные авторы. – Сохранение в неприкосновенности коллективной собственности на землю обещало, по мысли Одоевского, упрочение стабильности в русской деревне» [27, с. 97]. На заметку «Об устройстве быта поселян в Петербургской губернии» (11 декабря 1857 г.), проанализированную авторами статьи, впервые обратил внимание П. Н. Сакулин. Прочитав значительную часть документа, он указал на симпатии князя к издателю «Сельского благоустройства» А. И. Кошелеву и неприязнь к К. Д. Кавелину, – автору статьи «О новых условиях сельского быта» (1858 г.). «Статью Кавелина, – указывает Сакулин, – Одоевский затрудняется одобрить, несмотря на лучшие намерения ее автора. Она появилась слишком поздно прежде чем пускать ее в печать, Кавелину надлежало бы переработать ее применительно к новым условиям... изложенным в рескриптах» [9, с. 220]. Нам представляется, однако, что разница между Одоевским и Кавелиным была здесь куда более существенна. Автору следовало, конечно, обратиться к другой, более значимой статье русского либерала, увидевшей свет в 1859 г. Работа «Взгляд на русскую сельскую общину», которую мы имеем в виду, запечатлела результат серьезной эволюции либерала вправо. Русский «мир», признавал он, должен быть сохранен как противовес началу личной собственности. Общественная анархия становилась, таким образом, невозможной. Эти мысли вполне могли быть приняты Одоевским, поскольку проблема пролетаризации крестьянства, вставшая перед глазами русских либералов в преддверии реформы 19 февраля, бесспорно, тревожила и его. Но вот итоговые выводы Кавелина, конечно, не могли устроить князя. «За статьей Кавелина, – указывает В. А. Китаев, – стояло нечто большее, чем просто желание защитить общину как спасительную для России форму хозяйственного устройства крестьян. В конце 50-х гг. община была для него весомым аргументом в пользу построения новой историософии» [28, с. 55]. Предрекая гибель Европе, в которой «все мельчает, все изнашивается», Кавелин прямо признавался, что стал

«совершенным славянофилом» [29, с. 162–163]. Такой крен в сторону славянофильства был совершенно неприемлем для князя, беспощадно бичевавшего в своих письмах и публицистике рубежа 1850–1860-х гг. «татарщину», закоренелых «патриархов» [9, с. 220; 27, с. 96, 101; 30, с. 61]. Защита Одоевским коллективной собственности на землю в 1857 г. была, таким образом, не более чем формой экономической необходимости. Это свидетельствует об умеренном характере его либеральной программы, показывает близость ее к идейной позиции либерала-охранителя Б. Н. Чичерина, опасавшегося ломки «старого порядка» (союзник Кошелева Одоевский, однако, был принципиально не согласен с мыслью Чичерина о том, что община «не образовалась сама собой из естественного союза людей, а устроена правительством под... влиянием государственных начал» [29, с. 76, 188]).

П. Н. Сакулин не стал рассуждать о том, как относился Одоевский к русской общине в 1860-е гг. А здесь, на наш взгляд, имела место эволюция, аналогичная той, которую проделывал на рубеже 1850–1860-х гг. редактор «Русского вестника» М. Н. Катков [29, с. 190–193, 198–199]. «Мир есть неоцененное орудие, которое, елико возможно, должно охранить от всякого ослабления», – утверждал Одоевский в заметке «Об устройстве быта поселян в Петербургской губернии» (11 декабря 1857 г.) [цит. по: 9, с. 218]. Но тут же, ратуя за развитие крестьянского индивидуализма в записной книжке за 1857–1858 гг., опасался того, что излишнее консервирование общинных порядков может привести к коммунизму и социализму [31, л. 20, 49–50, 169]. В 1857 г. он делал выписки из «Экономического указателя» о том, что условия благосостояния заключаются в «самостоятельном труде, который был бы не стеснен в своих действиях», «личной независимости», «кредите», «учении и образовании» [32, л. 49–53]. Ратуя за буржуазно-капиталистическую модернизацию России, князь требовал «прекратить чинить обиды» «частному интересу» [26, р. 186; 31, л. 5, 7; 33; 34, л. 125]. Эти высказывания показывают, насколько ценной становилась для Одоевского-либерала человеческая индивидуальность. Вот почему, характеризуя общинные порядки летом 1864 г., он с горечью записывал в дневник, что «община... сделалась теперь тяжелым помещиком» [35, с. 183]. Свободная личность, как видим, оказалась сильнее общинного коллективизма.

Интересно, что борьба за свободу личности окончательно испортила отношения Одоевского со славянофилами в 1860-е гг. Принципиальный антииндивидуализм И. С. Аксакова был чужд князю. Разработанная славянофилом теория «общества» сразу же не понравилась Одоевскому прежде всего из-за игнорирования ее автором ценности «человеческого достоинства». Князь называл аксаковскую теорию «забавной

игрушкой» и «каламбуром», требуя «места для свободного действия» [27, с. 101]. Полемизируя со славянофилами, Одоевский все больше утверждался в своей апологии «свободного труда» и личности [27, с. 101; 30, с. 61; 36, с. 79; 37, л. 14 об.; 38, л. 66, 97], демонстрировал гораздо большую, чем в 1850-е гг., буржуазную последовательность. «Одним из главных препятствий против железных дорог было крепостное состояние», – утверждал он в статье «Значение судебной реформы» [39, л. 6], требуя «устранения отсталых последствий» его [цит. по: 12, с. 85]. Одоевский был уверен: сковывающий волю личности русский «мир» не мог более продолжать свое существование.

Известная осторожность была продемонстрирована Одоевским и в земском вопросе. Отпустивший на волю своих крепостных, бичевавший аристократическую партию «Вести», пожертвовавший своими дворянскими привилегиями, Одоевский приветствовал буржуазный принцип бессословности новой эпохи. Он искренне радовался учреждению земских учреждений «из всех сословий», восставал против стремления аристократов избавиться от «равноправной», то есть сословной свободы [3, с. 70–72, 75; 35, с. 248, 292]. Господство в земстве землевладельческой аристократии было для него, таким образом, совершенно недопустимо.

В статье «Недовольно» он писал, что новые учреждения местного самоуправления могут искоренить «вековые недоразумения» общественного быта России [36, с. 79]. Одобривший передачу хозяйственных вопросов из центра на места, Одоевский недоумевал в дневнике по поводу того, что местная администрация не желала расставаться с предоставленной ей ранее сферой деятельности [35, с. 224–225].

И все-таки земская самостоятельность имела, с точки зрения Одоевского, весьма определенные границы. Князь считал, что земцам не следует выходить за рамки правительственной инициативы [35, с. 203]. Вот почему, получив в начале 1867 г. телеграмму о закрытии петербургского земского собрания, он вздохнул с облегчением [35, с. 227]. Желая предупредить «школьничества» земцев, Одоевский смыкался с абсолютизмом в преследовании земского либерализма. Он не мог принять ни валуевской идеи об «увенчании» земского «здания» путем привлечения выборных в состав Государственного совета [40, с. 125–127], ни кошелевского «либеральничания в руку дворянства» [27, с. 99–100; 41, с. 169], ни навянутой Р. Гнейстом мысли М. Н. Каткова и И. С. Тургенева о том, что движение к парламентаризму необходимо начинать с постановки местного самоуправления [29, с. 115–118; 42, с. 97].

В сравнении с крестьянским и земским вопросами, Одоевский демонстрировал несравненно большую либеральную последовательность

в вопросе университетском. Полный либеральных надежд князь решительно приветствовал университетскую свободу новой эпохи. Наблюдая репрессии, которые правительство обрушило на петербургское студенчество осенью 1861 г., он, делая записи в дневнике, фиксировал «сильное в публике озлобление», укорял Н. П. Игнатьева за «излишнюю деятельность», переросшую в «искусственную революцию» [35, с. 138]. Рассуждая о репрессивных мерах правительства, Одоевский был готов оправдать поступок Игнатьева и заявить о том, что он «не мог действовать иначе». Но сдержанности не было места, когда князь анализировал идею министра народного просвещения Е. В. Путятина «придать университету совершенно школьный характер, – потому что так в Оксфордском университете, основанном английскими лордами». «Следствием этих идей, – опасался Одоевский, – было бы у нас усиление, или... искусственное образование сильной аристократической партии, столь несвойственной ни духу, ни условиям России и, сверх того, самой опасной для монархического правления» [35, с. 138]. Исключительно дворянский состав студенчества, исключавший разночинский элемент, был совершенно неприемлем для князя. Вот почему он не мог согласиться и с позицией П. А. Валуева, которая по содержанию своему совпадала с точкой зрения министра народного просвещения Е. В. Путятина [35, с. 140].

Нам неизвестно, как Одоевский воспринял университетский устав 1863 г. Занятый сенатской работой в Москве, он оказался далек от бурных студенческих манифестаций Петербурга. Но вероятно, что борющийся за университетскую свободу осенью 1861 г. князь был искренне рад предоставленной университетам широкой автономии (здесь он мог опереться на мнение своего друга – бывшего профессора истории М. П. Погодина, выглядевшего апологетом устава 1863 г. [43, с. 216, 231, 240–242, 246]). Во всяком случае, бесспорно, что ему была чужда позиция Каткова, боявшегося пускать в университеты «лиц недворянского происхождения» [29, с. 155]. Разногласия с редактором «Московских ведомостей» возникли и в сентябре 1865 г. Протестуя против катковской точки зрения на классическую систему образования [44], Одоевский, на наш взгляд, сблизился со своим давним другом А. А. Краевским – издателем газеты «Голос» [45, с. 206].

Либерализация цензуры в 1850–1860-е гг. вызвала одобрение Одоевского, который ранее служил цензором. Наиболее удачный вариант анализа данного вопроса представил, на наш взгляд, Н. Корнуэлл [26, р. 200–202]. Однако есть возможность дополнить сообщаемые им данные. Апологет гласности в период Крымской войны и после ее завершения [3, с. 54–55, 57–58],

Одоевский с восхищением отзывался о ее защитниках в новую эпоху. Одним из таковых оказался сотрудник образованного в 1856 г. «Русского вестника» С. С. Громека. В конце 1850-х гг. Одоевский решительно вступился за него, раскритиковав напечатанную в «Русском инвалиде» статью В. Александрова. Делая выписки из 2-й январской книжки «Русского вестника» за 1859 г., Одоевский восторгался английской гласностью [46, л. 34 об.–37]. «Гласность не в унижении власти» [46, л. 38], – писал Одоевский, полностью солидаризируясь с Громекой [29, с. 66].

Поддержка Громеки, а также бывшая служба в цензурном ведомстве заставила Одоевского уже в конце 1850-х гг. размышлять о целях и задачах будущей цензурной реформы. Вот почему в 1859 г. им подготовлено «Письмо сопроводительное о работе над новым цензурным уставом» с приложенной к нему запиской [47]. Интерес для нас представляет именно «Письмо...», более пространное и содержательное, законченное 8 ноября 1859 г. в 7 часов утра; адресатом его не мог быть Александр II, так как Одоевский пространно характеризует его в конце текста [47, л. 282]. Логичнее предполагать, что оно было написано министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому. В начале его автор вскрывал несостоятельность «мер принудительных и карательных», доказывая, что запрещение литературы только разжигало интерес к ней общественности. Расходившееся в списках «Горе от ума», всевозможные «изустные рассказы» на острую социально-политическую проблематику – этими примерами подкреплял он свой тезис. Вспоминал он и Крымскую войну, «возбуждающую против нас общее остервенение». Но хуже всего было то, что даже самая строгая цензура была не в силах сковать литератора [47, л. 276].

В основной части автор обозначал цель предстоящей реформы, конкретизировал ее причины, рассуждал о ее выгодах. «Один исход, – утверждал он, – смело выговорить слово: отмена цензуры. Это слово как зеркало может осветить всю дорогу» [47, л. 281]. К этому подталкивал не только «недостаток единства в цензурных действиях» и «частые изменения в направлении цензуры», но и необходимость охранить свободу литератора, без которой не могла развиваться «человеческая мысль». Собственно, в охране драгоценной свободы автор и видел главное преимущество реформы. Он уверял, что за ней неизбежно должны прийти «улучшение административного быта России», «уничтожение безнаказанности» и даже «усиление нашей торговой и промышленной деятельности» [47, л. 272–274].

Автор отдавал себе отчет в том, что мгновенная либерализация цензуры могла привести к хаосу в обществе. Но сделать шаг назад значило вернуться в прошлое, остановить симпатичный автору процесс «обновления России». «Какая

будет неожиданная нажива нашим врагам!» – предупреждал он [47, л. 286].

Опасность промедления проглядывает и в приложенной к «Письму...» записке. В ней автор уже не стеснялся сравнивать цензурный гнет с «пыткой», «тайной канцелярией», «словом и делом». «Дайте хоть что-нибудь!» – восклицал он и заключал свои рассуждения следующим образом: «Гласность правительству не опасна, а полезна. Потребность ее, при существующих злоупотреблениях тем сильна, что нет возможности остановить ее. Если ее запретить в одном виде, она явится в другом. Правительство приобретет приверженцев в большей части своих людей» [47, л. 293, 295]. Таковы мысли Одоевского по поводу проблемы цензурного гнета в 1859 г.

В контексте нашей темы любопытно отметить, что под давлением либеральной эпохи монархизм Одоевского все-таки стал уступать место защите интересов общества, стремившегося к свободе слова. Вот почему в 1859 г. он отправил Александру II письмо, в котором, солидаризируясь с мнением общественности, выразил недовольство репрессивной политикой правительства в печатной среде [48]. Итак, глубина прорываемой князем эволюции влево была настолько значительной, что на ее фоне стал ослабевать даже его монархизм. Не абсолютизм, а общество, жаждущее свободы слова и печати, гласности, – вот что приковывало его внимание в первую очередь.

Встретивший судебную реформу 1864 г. с «особенным сочувствием и горячими надеждами», Одоевский выглядел, по верному утверждению К. П. Победоносцева и А. Ф. Кони, убежденным защитником законности и буржуазного правового порядка новой либеральной эпохи. Неслучайно неутомимый князь желал заполучения должности председателя судебной палаты. «По долгу повиновения Государю я рад принять в нем (судебном деле. – Е. И.) участие», – писал он министру юстиции Д. Н. Замятнину в конце 1866 г. [49, л. 160]. Апологет Судебных уставов 20 ноября 1864 г. и английского суда присяжных, Одоевский чувствовал свою близость к англomanу Каткову. Вот почему «Московские ведомости» стали для него площадкой для публицистических выступлений [50, 51]. Наконец, Одоевский-либерал, характеризуя судебные учреждения в статье «Недовольно», жаждал всеохватывающего распространения гласности в судебной камере [36, с. 80]. Он утверждал, что малейший отход к «полугласности», был недопустим [46, л. 37 об.; 51]. В этой последней мысли Одоевского нельзя, конечно, не различить следов влияния уже знакомого нам Громеки.

Говоря об отношении Одоевского к Великим реформам, нельзя, разумеется, обойти стороной проблему ревизии преобразований, стремительно начавшуюся после каракозовского покушения 1866 г. У мыслителя были, конечно, основания

беспокоиться о судьбах самодержавия, оказавшегося в опасности вследствие нарастающей борьбы революционной демократии. Но это беспокойство вовсе не вело к отказу от впитанного им либерализма. Да, в 1866 г. он выступил апологетом абсолютизма и Н. М. Карамзина [35, с. 224, 227], празднование юбилея которого символически удачно совпало с началом реакции. Но и после этой даты он продолжил защищать свободу личности, суд присяжных и буржуазный правовой порядок, свободу мысли, слова и печати, университетскую свободу [35, с. 213; 52; 53; 54, л. 1, 7–8]. Нам представляется, что причина такой либеральной последовательности, среди прочего, заключается в близости Одоевского к вел. кн. Константину Николаевичу и вел. кн. Елене Павловне [3, с. 51–55; 35, с. 122, 126, 128, 130, 144, 146, 152, 191–192, 212; 54]. Защищая либерализм после 1866 г., Одоевский, кстати, был единомышленником своего друга М. П. Погодина, который также проделывал эволюцию влево [26, р. 187; 35, с. 241; 43, с. 259, 273, 284, 608; 55] и критиковал консервативно настроенного П. А. Вяземского [56, с. 321].

Особого разговора заслуживает проблема эволюции в понимании князем личностного начала и сущности свободы. Е. Л. Рудницкой, как мы видели ранее, не удалось почувствовать эту динамику, а потому итоговый вывод ее грешит статичностью. Его необходимо привести полностью. «В политическом плане, – пишет она, – путь Одоевского шел между консерватизмом, последовательным монархизмом и полным отрицанием сословности. Он ратовал за утверждение абсолютного равенства прав всех граждан, неукоснительное соблюдение законности, чему следовал на протяжении своей государственной деятельности». «И, за всем этим, – заключает автор, – собственный аристократизм духа, внутренняя свобода и их социальная ипостась – безусловный примат человеческой личности, взгляд на которую свободен у Одоевского от фантома народности» [22, с. 367]. Очевидно, что характеристики позиции князя, использованные здесь, принадлежат разным историческим периодам. Так, внутренняя свобода действительно влекла Одоевского в николаевский период. «Абсолютное равенство всех граждан», «неукоснительное соблюдение законности», «безусловный примат человеческой личности», – все это убеждения позднего Одоевского-либерала. Тезис о том, что мыслитель всю жизнь ратовал за «полное отрицание сословности» вообще ошибочен [9, с. 215; 10, с. 18; 12, с. 81; 25, с. 111]. Разговор о понимании Одоевским личностного начала и сущности свободы стоило, конечно, начинать с характеристики его увлечения Шеллингом в 1820–1830-е гг., что Е. Л. Рудницкая и делает. «Он, – правильно пишет автор, – переносит на него (человека. – Е. И.) шеллингианскую идею целостности сущего, целостности познания, целостности личности

и... в этом видит “идеальную задачу внутренней работы”» [23, с. 193]. По мнению автора, повлиял на Одоевского и «дух христианства». Следуя ему, князь «перенес центр тяжести из плоскости общественной в плоскость индивидуальную». «Только из частных совершенствований может составиться совершенствование общее», – полагал князь в 1830–1840-е гг. [цит. по: 22, с. 366]. Мысли князя переданы Е. Л. Рудницкой в целом верно. Но из них вовсе не следует, что Одоевский «придавал личностному началу абсолютную нравственную ценность». Увлечшись проблемами «эстетического гуманизма», автор явно уходит в сторону от идеологической сущности проблемы. Е. Л. Рудницкая утверждает, что именно человек был для Одоевского «основополагающей ценностью», видя в князе «продолжателя гуманистической линии развития русской мысли». Такое высказывание вполне можно истолковать в либеральном смысле. На самом деле, автору следовало заострить внимание на бесспорно консервативной сущности представленных ею рассуждений Одоевского 1830–1840-х гг. Ставка на личное, необщественное самосовершенствование, увлечение шеллингианской идеей «целостности личности» – это выбор консерватора [28, с. 77; 41, с. 24, 39], и в этом качестве Одоевский противостоит либералам-западникам николаевской эпохи. Такой консерватизм, понятно, был уже чужд Одоевскому-либералу «шестидесятых годов». Круто эволюционируя влево, князь ревизовал свое понимание личностного начала и сущности свободы. Вдохновленный вольной атмосферой «оттепели» 1855–1857 гг. [57, с. 13], он с удовольствием защищал теперь личную и экономическую свободу, требовал упразднения цензурного гнета, радовался тому, что Россия «стройно дышит вольным дыханием жизни». «Поселянин, отдохнувший от барщины, начинает в свободном труде сознать самого себя, понимать свое неведение и необходимость из него выйти, – писал Одоевский в статье “Недовольно”. – Русский человек... невольно распахивается, ... он как будто вспоминает залежные в глубине души его истины...» [36, с. 79, 81]. «Человек беспрестанно стремится сохранить свою личность», – утверждал князь в записной книге за 1863–1864 гг., восхваляя «гражданское стремление к индивидуальной свободе» и говоря о необходимости установления гражданского общества в России [38, л. 97, 66–66 об.]. Присоединяясь к либералам и бичуя славянофилов, он решительно требовал «места для свободного действия» «одного индивидуума» [27, с. 101; 31, л. 169]. Да, Одоевский рассуждал в 1850–1860-е гг. о «любви к себе как к агенту Божества», стремился «реализовать христианство в общественной жизни», «сообразить» его с «политическими условиями» [38, л. 81, 242; 39, л. 6]. Но тут же подчеркивал, что именно благодаря

христианству получили развитие «свобода и достоинство человека» [38, л. 241]. Эта мысль была, несомненно, созвучна эпохе. Неслучайно отпевавший князя священник К. Озеров, выступая на похоронах 29 февраля 1869 г., подчеркнул, что князь «любил и уважал в человеке душу разумную и свободную» [8, с. 5]. На место шеллингианской философии личности, как видим, пришла либеральная трактовка «индивидуума». Ничего не осталось и от внутренней свободы, поскольку Одоевский, как апологет Судебных уставов 20 ноября 1864 г., требовал теперь развития «общественной нравственности» в суде присяжных [4, с. 44; 36, с. 80–81; 58, л. 19; 59, л. 35–36 об.]. Таков результат глубокой идеологической эволюции влево, которую Е. Л. Рудницкая оставила без внимания.

Возвращаясь к выводам П. И. Федотовой, напомним, что у неё, как мы помним, нет никаких сомнений в том, что продвижение Одоевского влево было всего лишь восприятием «иллюзий либерального прогрессизма». Эти иллюзии позитивистского толка, утверждает она, легко сопрягались с самобытностью России, что сближало позднего Одоевского с Н. Я. Данилевским. Нисколько не эволюционируя в сторону западничества, считает автор, князь продолжал оставаться в 1850–1860-е гг. «славянофилом-просветителем». П. И. Федотова считает, что его разногласия с А. С. Хомяковым и К. С. Аксаковым «были разногласиями внутри славянофильской доктрины, а не вне ее» [24, с. 17–18]. Не будем рассуждать о степени близости позднего Одоевского и Н. Я. Данилевского – решить эту проблему не составляет труда для современных исследователей [60, с. 328]. Зададимся лишь вопросом о том, был ли совместим представленный нами либеральный реформизм Одоевского 1850–1860-х гг. со славянофильским учением? Важнейшими ценностями были для него, бесспорно, свобода личности и индивидуализм, западная наука, буржуазный правовой порядок. Этот глубинный либерализм бил в самое сердце консервативной утопии славянофилов. Он не вписывается в рамки славянофильской доктрины и составляет ей очевидную оппозицию. Отсюда гневное обличение Одоевским «китайско-татарского строя», «фантасмагорий закостенелых патриархов» [9, с. 220; 27, с. 96, 101; 30, с. 61; 37]. Отрицать этот либерализм значит в упор игнорировать источники. П. И. Федотова, кстати, уклоняется от анализа текстов, где содержатся прямые оценки Одоевским славянофильского кружка (мы имеем в виду статьи Одоевского «Стрелецкое толкование о всеобщем растлении» (1859 г.) [27, с. 96], «Что значит на самом деле слова: народный быт, народное бытовое воззрение, исторический народный быт» (1860-е гг.) [27, с. 101], «Несколько робких слов в защиту русского народа» (начало

1860-х гг.) [37]). Не потому ли, что либеральная сущность их очевидна?

Подведем итоги. Защита Одоевским общины в 1857 г. говорит об умеренном характере его либеральной программы, показывает, что движение его к экономической свободе было задержано необходимостью на время сохранить общину как спасительную форму хозяйственного устройства крестьян. Это сближало его с «охранительным» либералом Б. Н. Чичериным, но отдаляло от К. Д. Кавелина, для которого «мир» становился теперь «весомым аргументом в пользу построения новой историософии». Ревизуя свое отношение к общине на рубеже 1850–1860-х гг., он проделывал ту же эволюцию, что и редактор «Русского вестника» М. Н. Катков. Ратуя за буржуазный принцип бессловности в земстве, требуя даровать новым органам самоуправления свободу хозяйственной деятельности, князь, однако, фактически вступал в борьбу с земцами-либералами. Точка зрения прошедших школу Р. Гнейста либералов М. Н. Каткова и И. С. Тургенева о том, что движение к парламентаризму должно начинаться с постановки местного самоуправления, была, без всякого сомнения, чужда ему (как и мысль о возможности введения конституции в России вообще). С другой стороны, неуклонная либеральная последовательность в университетском, цензурном и судебном вопросах, симпатия к С. С. Громеке, стремление защитить либеральные институты после наступления внутривластной реакции в 1866 г. свидетельствуют о том, что общий вектор идеологического движения Одоевского происходил, несомненно, справа налево. Прodelывая эволюцию влево, он был единомышленником своего друга М. П. Погодина, который, усваивая либеральную идеологию, критиковал в данные годы консервативно настроенного П. А. Вяземского. Эволюция эта совпала и со сдвигами в понимании князем личностного начала и сущности свободы: шеллингианство и внутренняя свобода уступили место «общественной нравственности» и «гражданскому стремлению к индивидуальной свободе». Избегая крайностей левого либерализма в духе А. М. Унковского, Одоевский восхищался либерализмом правительственным, разумным и умеренным.

Список литературы

1. В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. Заседание общества любителей российской словесности 13 апреля 1869 года. М. : Типография «Русского», 1869. 123 с.
2. Сумцов Н. Ф. Князь В. Ф. Одоевский. Харьков : Типография М. Зильберберга, 1884. 63 с.
3. Пятковский А. П. Князь В. Ф. Одоевский и Д. В. Веневитинов. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1901. 167 с.

4. Кони А. Ф. Князь Владимир Федорович Одоевский (Очерк). СПб. : Типография Н. П. Собко, 1903. 48 с.
5. Кубасов И. А. Одоевский Владимир Федорович // Русский биографический словарь : в 25 т. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1905. Т. 12. С. 124–152.
6. Котляревский Н. А. Старинные портреты: Е. А. Баратынский, Д. В. Веневитинов, кн. В. Ф. Одоевский, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, гр. А. К. Толстой. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1907. 457 с.
7. Лезин Б. А. Очерк жизни и литературной деятельности кн. В. Ф. Одоевского. Харьков : Типография М. Зильберберга, 1907. 152 с.
8. Озеров К. Два надгробных слова: 1. Слово при погребении сенатора князя В. Ф. Одоевского 29 февраля 1869 года. 2. Слово при погребении княгини О. С. Одоевской 20 мая 1872 года. М. : Университетская типография (Катков и К^о), 1872. 10 с.
9. Сакулин П. Н. К истории крестьянского вопроса (по неизданным материалам) // Современник. 1912. № 11. С. 215–222.
10. Цехновицер О. В. Предисловие // Одоевский В. Ф. Романтические повести. Л. : Прибой, 1929. С. 5–20.
11. Цехновицер О. В. Силуэт // Одоевский В. Ф. Романтические повести. Л. : Прибой, 1929. С. 25–99.
12. Козьмин Б. П. Одоевский в 1860-е годы // Литературное наследство. М. : Журнально-газетное объединение, 1935. Т. 22–24. С. 79–89.
13. Брискман М. А. Одоевский и его дневник // Литературное наследство. М. : Журнально-газетное объединение, 1935. Т. 22–24. С. 89–91.
14. Хин Е. Ю. В. Ф. Одоевский // Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М. : ГИХЛ, 1959. С. 3–38.
15. Виргинский В. С. В. Ф. Одоевский как социолог и утопист // Вопросы истории. 1970. № 2. С. 196–204.
16. Сахаров В. И. О жизни и творениях В. Ф. Одоевского // Одоевский В. Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Художественная литература, 1981. Т. 1. С. 5–28.
17. Голубева О. Д. В. Ф. Одоевский. СПб. : Изд-во РНБ, 1995. 168 с.
18. Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М. : МАЛП, 1998. 379 с.
19. Князь Владимир Федорович Одоевский: переписка с великой княгиней Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах. М. : ИМЛИ РАН, 2006. 373 с.
20. Вишневецкая Е. Э. В. Ф. Одоевский в истории книжной культуры России (1820–1860-е годы). М. : Пашков дом, 2014. 485 с.
21. Жильцов Н. А., Коржииков О. Н., Чердаков О. И. Обоснование изменения правовой системы российского государства в философско-правовых доктринах второй половины XIX – начала XX в. // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 63–68.
22. Рудницкая Е. Л. Одоевский В. Ф. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. М. : РОССПЭН, 2005. С. 364–367.
23. Рудницкая Е. Л. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 270 с.
24. Федотова П. И. Философско-культурологические идеи в творчестве В. Ф. Одоевского : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Великий Новгород, 2004. 20 с.
25. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 701 с.
26. Cornwell N. V. F. Odoevsky. His life, times and milieu. L. : Bloomsbury Academic, 2015. 448 p.
27. Иванов Е. Д., Медоваров М. В. В. Ф. Одоевский и славянофилы в 1850–1860-е гг. // Соловьевские исследования. 2025. № 2. С. 94–104. <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2025.2.094-104>
28. Китаев В. А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.) Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 377 с.
29. Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М. : Мысль, 1972. 288 с.
30. Греков В. Н. В. Ф. Одоевский и славянофилы // Медиальманах. 2013. № 2. С. 54–64.
31. Одоевский В. Ф. Записная книжка за 1857 и 1858 гг. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (В. Ф. Одоевский) Оп. 1. Ед. хр. 34. 186 л.
32. Одоевский В. Ф. Тетрадь с заметками и выписками из газет за 1856–1857 гг. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 65. 62 л.
33. Одоевский В. Ф. Безвыходный круг: нет финансов без просвещения; бесплодно просвещение без гласного правосудия; невозможно правосудие без финансов. Статья, 7 января 1857 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 84–92.
34. Одоевский В. Ф. Письма чиновника, 1856 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 123–131 об.
35. Текущая хроника и особые происшествия. Дневник В. Ф. Одоевского 1859–1869 гг. // Литературное наследство. М. : Журнально-газетное объединение, 1935. Т. 22–24. С. 79–308.
36. Одоевский В. Ф. Недовольно. Посвящ. И. С. Тургеневу // Беседы в обществе любителей Российской словесности. 1867. № 1. С. 65–84.
37. Одоевский В. Ф. Несколько робких слов в защиту русского народа. Статья, начало 1860-х гг. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 12–14 об.
38. Книга записная, расположенная по алфавиту и содержащая в себе выписки из разных книг и газет, замечания и мысли князя В. Ф. Одоевского, 1863–1864 гг. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 22. 308 л.
39. Одоевский В. Ф. Значение судебной реформы. Статья, 1860-е гг. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 1–8.
40. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964. 511 с.
41. Китаев В. А. XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород : Изд-во Нижегородского ун-та, 2008. 355 с.
42. Китаев В. А. К истории либерализма в России: вторая половина XIX – начало XX века. Н. Новгород : Изд-во Нижегородской консерватории, 2023. 320 с.

43. *Погодин М. П.* Сочинения : в 5 т. М. : Синодальная типография, 1872. Т. 3. 627 с.
44. *Одоевский В. Ф.* Что для России нужнее – средневековая схоластика или классические науки? Статья, сентябрь 1865 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 122–123.
45. *Кругликова О. С.* «Московские ведомости» М. Н. Каткова в полемике о реформе образования в 1860–1870-х гг. // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2008. № 56. С. 205–209.
46. *Одоевский В. Ф.* Весьма важное замечание по весьма важному вопросу. Статья по поводу статьи В. Александрова в № 80 «Русского Инвалида» «Замечание на заметку г. Громеки, помещенную во 2-й январской книжке “Русского Вестника” 1859 г.», 1859 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 33–40 об.
47. *Одоевский В. Ф.* Письмо сопроводительное при записке о работе над новым цензурным уставом и проект этой записки, 1859 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 264–295.
48. *Одоевский В. Ф.* Письмо Александру II, 1859 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 64–65 об.
49. *Одоевский В. Ф.* Письма Д. Н. Замятнину, 28 октября, 27 декабря 1866 г. и б. д. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 154–161.
50. *Старый судья [Одоевский В. Ф.]* Великий день 20 ноября // Московские ведомости. 1867. № 255, 21 ноября.
51. [*Одоевский В. Ф.*] Гласность и полугласность – разница // Московские ведомости. 1868. 28 авг. № 186.
52. *Одоевский В. Ф.* Записка для Государя // Русский архив. 1895. № 5. С. 40–51.
53. *Одоевский В. Ф.* Девятнадцатое февраля // Русский архив. 1874. № 7. Стб. 39–42.
54. *Одоевский В. Ф.* Письма великому князю Константину Николаевичу. Письмо великой княгине Елене Павловне, 25 апреля и 21 мая 1866 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 101/9. 12 л.
55. *Сугако Н. А.* Оценка М. П. Погодиным реформ 60–70-х годов XIX века в России // Гісторыя: праблемы выкладання. 2007. № 1. С. 48–53.
56. *Гросул В. Я.* Русский консерватизм после Крымской войны (1856–1859 гг.) // От Древней Руси к новой России: юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Щапову / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Паломнический центр Московского патриархата, 2005. С. 309–327.
57. *Иванов Е. Д.* Трансформация общественно-политических взглядов В. Ф. Одоевского в 1850-е гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2025. № 2. С. 8–15.
58. *Одоевский В. Ф.* Великое дело. Статья, 1862 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 18–19.
59. *Одоевский В. Ф.* Путевые заметки, сделанные во время путешествия за границу в 1856–1857 гг. Кенигсберг, Берлин, Веймар, Париж, Кельн, 21 ноября 1856 г. – 28 июля 1857 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 47. 213 л.
60. *Иценко Н. С.* Историософия В. Ф. Одоевского с позиций учения о России как государстве-цивилизации // Тетради по консерватизму. 2025. № 2. С. 324–330.

Поступила в редакцию 16.11.2025; одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 16.11.2025; approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 180–186

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 180–186

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-180-186>, EDN: GXDWQK

Научная статья

УДК 323.26(575.3)|193|+929Ибрагим-Бек

Борьба с незаконными вооруженными формированиями на территории Таджикской ССР в начале 1930-х гг.

А. А. Климов¹, Н. К. Боранбаев²

¹ Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Россия, 119330, г. Москва, Университетский проспект, д. 14

² Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 100

Климов Андрей Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела, andrey_klimov1968@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6639-4901>, AuthorID: 902127

Боранбаев Нуржан Кабкенович, адъюнкт специального факультета, n.boranbaev@list.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1479-303X>, AuthorID: 1324381

Аннотация. Статья посвящена анализу военно-политического кризиса в Таджикской ССР начала 1930-х гг., вызванного активизацией незаконных вооруженных формирований под руководством Ибрагим-Бека. На основе архивных материалов (сводок ОГПУ, докладных записок командования Красной армии) исследуются причины возрождения басмаческого движения после его подавления в 1920-х гг., тактика прорыва банд на советскую территорию весной 1931 г. и стратегия СССР по ликвидации угрозы. Особое внимание уделено социально-экономическим факторам (голод, перегибы коллективизации), использовавшимся басмачами для мобилизации недовольного местного населения, а также комплексному подходу советской власти, сочетавшему военные операции, репрессии и экономические меры. Подчеркивается, что победа над бандформированиями ускорила интеграцию Таджикистана в СССР, но заложила основу для долгосрочных этнокультурных противоречий.

Ключевые слова: Таджикская ССР, Ибрагим-Бек, Красная армия, коллективизация, советская власть, ОГПУ, антисоветское сопротивление

Для цитирования: Климов А. А., Боранбаев Н. К. Борьба с незаконными вооруженными формированиями на территории Таджикской ССР в начале 1930-х гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 180–186. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-180-186>, EDN: GXDWQK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Fighting illegal armed groups in the Tajik SSR in the early 1930s

А. А. Klimov¹, N. K. Boranbayev²

¹ Scientific Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, 14 Universitetskii Prospekt, Moscow 119330, Russia

² Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, 100 Vernadsky Avenue, Moscow 119571, Russia

Andrey A. Klimov, andrey_klimov1968@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6639-4901>, AuthorID: 902127

Nurzhan K. Boranbayev, n.boranbaev@list.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1479-303X>, AuthorID: 1324381

Abstract. The article is devoted to the analysis of the military-political crisis in the Tajik SSR in the early 1930s, caused by the activation of illegal armed groups led by Ibrahim Bek. Based on archival materials (OGPU reports, reports of the Red Army command), the article examines the reasons for the revival of the Basmachi movement after its suppression in the 1920s, the tactics of the gangs' breakthrough into Soviet territory in the spring of 1931 and the USSR's strategy to eliminate the threat. Particular attention is paid to the socio-economic factors (famine, excesses of collectivization) used by the Basmachi to mobilize the dissatisfied local population, as well as the comprehensive approach of the Soviet government, which combined military operations, repression and economic measures. The conclusion emphasizes that the victory over the gangs accelerated the integration of Tajikistan into the USSR, but laid the foundation for long-term ethnocultural contradictions.

Keywords: Tajik SSR, Ibrahim-Bek, Red Army, collectivization, Soviet power, OGPU, anti-Soviet resistance

For citation: Klimov A. A., Boranbayev N. K. Fighting illegal armed groups in the Tajik SSR in the early 1930s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 180–186 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-180-186>, EDN: GXDWQK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Басмачество, возникшее в начале XX в. на территории Центральноазиатского региона, представляет собой исторический феномен, который в современной терминологии может быть охарактеризован как «незаконные вооруженные формирования». Это движение сформировалось в период Гражданской войны и становления советской власти как реакция части местного населения на политику централизации, антирелигиозные кампании и насильственную коллективизацию, проводимую большевиками. Басмачи, объединяясь в вооруженные отряды, вели партизанскую борьбу против советских органов власти, совершали нападения на военные объекты, инфраструктуру и местное население, что позволяло официальным властям квалифицировать их действия как бандитизм и терроризм.

Историография басмаческого движения довольно обширна, и в первую очередь авторы обратили внимание на военно-исторические труды военачальников и командиров, непосредственно воевавших с бандами басмачей: Д. Д. Зуев «Ферганское басмачество» (1924 г.) [1], С. Н. Севрюгов «Красная конница в малой войне в пустынях» (1931 г.) [2], С. П. Тимошков «Борьба с интервентами, белогвардейцами и басмачеством в Средней Азии» (1941 г.) [3] и др. Данные авторы привлекли множество фактических материалов для описания и анализа хода боевых операций Красной армии. Основываясь на личном опыте, архивных и штабных документах, военные историки попытались осмыслить также причины и характер басмаческого движения.

Последующие исследования по истории басмаческого движения в Центральноазиатском регионе известны следующими работами: Ю. А. Поляков, А. И. Чугунов «Конец басмачества» (1976 г.) [4]; А. И. Зевелев, Ю. А. Поляков, А. И. Чугунов «Басмачество: возникновение, сущность, крах» (1981 г.) [5]; Х. Ш. Иноятов «Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции» (1984 г.) [6] и др.

В отличие от советской историографии, важное место занимают исторические исследования современных российских авторов, так как после распада СССР они получили доступ к ранее засекреченным архивным документам. Теме басмачества посвящено множество российских научных публикаций и статей в различных изданиях. Но наибольшее внимание изучению вопроса посвятили такие российские историки, как Д. В. Шевченко «Басмаческое движение. Политические процессы и вооруженная борьба в Средней Азии. 1917–1931 гг.» (2006 г.) [7] и А. И. Пылев «Басмаческое движение в Средней Азии (1918–1934). Общие черты и региональные особенности» (2007 г.) [8].

Помимо указанных исторических работ, имеется большое количество научной литературы, в том числе в материалах периодической печати. Этот вопрос получил новое освещение

в работах последних лет О. Б. Сайфутдинова «Ликвидация басмачества на территории Средней Азии» (2018 г.) [9], В. А. Бармина «Причины возникновения басмаческого движения и его социальная база в оценках партийного руководства и командования Красной армии советского Туркестана (1918–1924 гг.)» (2024 г.) [10] и др.

Цель статьи – на основе оперативных сводок ОГПУ, архивных документов РГВА и докладных записок командования Красной армии проанализировать причины нападения незаконных вооруженных формирований басмачей, стратегию советского руководства по их разгрому и долгосрочные последствия кризиса для интеграции Таджикистана в СССР.

К началу 1930-х гг. Таджикская Советская Социалистическая Республика, образованная в 1929 г., оказалась в эпицентре остро военного-политического кризиса. Возрождение басмаческого движения, возглавленного лидером эмигрантских формирований Ибрагим-Бекком, поставило под угрозу стабильность региона. Вторжение вооруженных банд басмачей на советскую территорию весной 1931 г. стало кульминацией противостояния, корни которого уходили в социально-экономические просчеты коллективизации, слабость местных органов власти и сохранявшееся влияние традиционных клановых структур.

Военные поражения и отступление басмаческих формирований (незаконных вооруженных формирований) с территории Советских республик Центральноазиатского региона за рубеж в 1924–1928 гг., еще не означали полной ликвидации басмаческого движения. Часть отрядов в Среднеазиатских советских республиках ушла в подполье, чтобы при определенных условиях вновь активизироваться. После поражений, которые понесли басмачи во второй половине 1920-х гг., центр басмачества переместился за рубеж (Афганистан, Иран, Китай), откуда незаконные вооруженные формирования совершали нападения на советскую территорию. Только с 3 сентября 1926 г. по 7 января 1927 г. басмаческие отряды и группы, сформированные за границей, 21 раз переходили через советскую границу [5, с. 154].

Во второй половине 1920-х гг. во всех Центральноазиатских республиках были осуществлены массовые политические и социально-экономические мероприятия в соответствии с решениями XV съезда ВКП(б). После временных уступок коренному мусульманскому населению региона в начале 1920-х гг., уже в 1928 г. советское правительство начало борьбу против исламских религиозных основ общественного устройства и многовековых традиций народов Центральноазиатского региона. Были конфискованы мусульманские землевладения (вакуфы), закрывались мечети и медресе. Во всех республиках вводился официальный запрет на свободу

вероисповедания. Мусульманское духовенство не только лишалось прав, против них последовали репрессии. Попала под запрет и арабская письменность, которая была заменена латиницей, а позже кириллицей.

Коллективизация и хлопковая кампания, проводившаяся с 1928 г., привели к разрушению традиционного уклада дехканских хозяйств. Изъятие зерна и скота под предлогом «борьбы с кулачеством» спровоцировало голод, особенно в горных районах. По данным ОГПУ, к весне 1931 г. в ряде кишлаков Таджикистана дехкане питались суррогатами из травы и коры деревьев [11, л. 64].

Как известно, акции неповиновения в период коллективизации вспыхнули по всей стране: в 1930 г. в СССР произошло свыше 14 тысяч волнений, манифестаций, массовых беспорядков, бунтов, в которых приняли участие более 3 млн крестьян [12, с. 127].

Экономический кризис усугублялся культурным противостоянием: запрет шариатских судов и антирелигиозная пропаганда оттолкнули от советской власти значительную часть населения, сохранявшего связь с духовенством и родовыми вождями.

Лидер басмачей Ибрагим-Бек, бежавший в Афганистан в 1926 г., сумел консолидировать эмигрантские группы. К 1930 г. под его контролем находилось до 1,5 тыс. бойцов, базировавшихся в районах Файзабада и Кундуза.

С лета 1930 г. правительство Афганистана приступило к ликвидации вооруженной силы эмиграции, угрожавшей сепаратистскими тенденциями, и вступило в борьбу с Ибрагим-Бекем.

Ибрагим-Бек перемещался со своими отрядами вдоль советской границы неоднократно вплотную подходя к острову Урта Тугай, который был расположен на реке Пяндж, напротив Фархора в Таджикистане.

В марте 1931 г. он делает попытку соединиться с туркменской эмиграцией и войти в более тесный контакт с Абдурахим Ханом (Гератский генерал-губернатор) настроенному оппозиционно к правительству Афганистана.

Преследуемый афганскими войсками Ибрагим-Бек совершает рейд в Ахча, но, не найдя поддержки со стороны Туркменского населения и Абдурахим Хана, в конце марта 1931 г. вновь возвращается в наиболее освоенный им район к югу от острова Урта Тугая.

К этому времени насыщенность северных районов Афганистана афганскими войсками достигла высшего предела и создала большие трудности к дальнейшему существованию Ибрагим-Бека.

В свою очередь, Ибрагим-Бек имел информацию со стороны кулацко-байских элементов и своего пособнического аппарата, находившегося в Таджикской ССР, о наличии явно неблагоприятных настроений дехканства Таджикистана,

могущего поддержать его в борьбе с советской властью. Именно в это время бай, кулаки, ишаны в жестоких боях с советской властью вынуждены были сдавать позиции за позицией. Буквально по дням теряя свое влияние в хлопковых, наиболее советизированных районах, они искали опору в горных малосоветизированных районах, продолжая настойчивую антисоветскую пропаганду по всему региону, используя пережитки феодально-родовых отношений, силу и степень влияния духовенства, родовых вождей, имевшие место грубейшие перегибы в практике социалистического строительства. Появление басмачей на советской территории знаменовало бы новый подъем басмаческого движения.

Например, в оперативной сводке ОГПУ № 261113 от 25 февраля 1931 г. указывалось, что «перегибы при коллективизации и хлебозаготовках создали почву для антисоветской агитации. В случае прорыва Ибрагим-Бека возможен переход недовольных дехкан на его сторону» [13, л. 49].

При этом сводки ОГПУ фиксировали нехватку данных о перемещениях банд. Кроме того, совершенно неудовлетворительной была информация об афганских правительственных войсках. Сведения о численности и месте нахождения отдельных банд басмачей не давали ясного представления о фактическом положении дел. Оперативные данные были противоречивыми и не увязывались с обстановкой, затрудняя практические выводы.

В таком же положении, по существу, находилась информация о незаконных вооруженных формированиях басмачей, действующих уже на советской территории: сведения об их численности раздувались, сведения о направлении движения отличались крайней неточностью, все вместе взятое не только затрудняло, но и делало невозможным правильное применение советских отрядов [13, л. 104].

Под давлением афганского правительства Ибрагим-Бек был вынужден вновь перейти советско-афганскую границу, рассчитывая получить поддержку недовольных советской политикой дехкан. Ибрагим-Бек со своим отрядом 31 марта 1931 г. вторгся на советскую территорию и начал продвигаться вглубь территории СССР [14, с. 54].

В своей деятельности Ибрагим-Бек использовал стратегию «двойного удара»:

1. Резмиграция семей: 1618 семей (6580 человек) переселились в район острова Урта-Тугай, освободив боевые отряды от обременения и создав сеть поддержки внутри СССР. Семьи перешли со своим скотом, имуществом. Вместе с ними проникла в Таджикистан и часть басмачей.

2. Основная группировка (1200–1500 всадников) 2 апреля 1931 г. разделилась на мелкие

отряды, действовавшие в горных районах Джиланды-Тау и Чал-Тау. Каждая банда опиралась на родственные связи, вербуя сторонников через местных баев и мулл. На советской территории Ибрагим-Бек приказал своим курбаши, чтобы они со своими отрядами выдвигались в районы расселения своих соплеменников, с целью сгруппировать население, выступившее против советской власти [15, с. 63].

Необходимо подчеркнуть, что реэмиграция во всей последующей борьбе с басмачами сыграла огромную роль. Являясь вынужденным маневром Ибрагим-Бека, спасавшего семьи басмачей от истребления их афганцами, она была маскировкой для басмаческих намерений, а также возможностью переброски под видом реэмигрантов отдельных басмачей. Освободив банды басмачей от стариков, женщин и детей, имущества и скота, реэмиграция развязала руки Ибрагим-Беку, сняла с него заботы по окарауливанию и прокормлению семей, переложив эту работу, соответственно, на советскую власть, облегчила прорыв боевой части банды и значительно увеличила ее подвижность.

В дальнейшем передача басмаческих семей советской власти оказалась для Ибрагим-Бека моментом отрицательного свойства. Тяга басмачей к своим семьям была огромна. ОГПУ использовали ее крайне умело и опираясь на развертываемые боевые действия советских войск, успешно форсировали сдачу измотанных боями и преследованием басмачей, обещая им при сдаче свободу и возвращение к своим семьям.

В целом противостояние с незаконными вооруженными формированиями Ибрагим-Бека, начавшееся с локальных прорывов на советскую территорию, необходимо разделить на три этапа:

1) Первый этап (21 марта – 5 апреля 1931 г.): прорыв и сосредоточение.

Характеризовался рядом последовательных прорывов басмачей, произведенных на сравнительно узком фронте в 50 км и расчлененных по времени на 10–13 суток.

Прорвавшиеся банды приводились главарями в относительный порядок в горах Джиланды-Тау (50 км западнее с. Куляб) и частично уже отсюда расходились в указанные Ибрагимом-Беком районы боевых действий. Основная группа басмачей была сосредоточена в труднодоступном горном районе Чал-Тау, а также в малолюдных горных кишлаках. Именно этот район послужил для Ибрагим-Бека исходным районом всей задуманной им операции.

2) Второй этап (6–16 апреля 1931 г.): выход банд Ибрагим-Бека в район действий и борьба с ними на левобережье р. Вахш.

Данный период характеризовался выходом и маневрированием каждой банды в определенном районе, зависящем в основном от родственных связей и происхождения ее главаря

и джигитов, пришедших с ним из Афганистана. Наблюдавшиеся исключения в действиях банд в других районах, случались лишь в силу действий частей Красной армии, которые не пропускали банду в ее район или выбивали ее из него. Например, движение банды Курт-Артыка в Бальджуанский район и отход ее после поражения на путях к Бальджуану.

Незаконные вооруженные формирования басмачей опирались на свои кишлаки. Районы действий являлись одновременно районами укомплектования и снабжения. Родственные связи использовались для агитации, вербовки, укрывательства, шпионажа, дезинформации и снабжения бандформирований всем необходимым.

Политическая борьба на левобережье р. Вахш закончилась для Ибрагим-Бека поражением, так как масштабного восстания местного населения вызвать не удалось. К басмачам присоединялись десятки и сотни новых джигитов (в том числе из бедняцко-средняцких слоев), но основная масса населения осталась, если не враждебной Ибрагим-Беку, то, во всяком случае, нейтральной и ожидала исхода борьбы, сама в нее не ввязываясь. К тому же факт «нейтральности» местного населения региона объясняется скорее неумением советских работников поднять массы на борьбу с басмачеством, нежели сочувствием с их стороны Ибрагим-Беку.

Вопрос о военной победе являлся более спорным. Ибрагим-Беку было нанесено несколько частных поражений. Но свои основные силы, хотя и потрепанные, он все же сохранил, нанесенные потери возместил за счет местного населения и прорвался в Локайскую долину.

3) Третий этап (апрель – май 1931 г.): борьба с основной группировкой Ибрагима-Бека и ее поражение в районе между средним течением рек Вахш и Кафирниган, относительное затишье на востоке и одновременно значительное оживление, рост басмачества на западе (Бабатаг и Сурхан-Дарьинская долина) и севере Таджикистана.

Этот этап характерен новой волной усиленной деятельности незаконных вооруженных формирований басмачей в восточных районах и внешним затишьем в северных районах Таджикистана. Одновременно происходит увеличение количества оперирующих против бандформирований советских воинских частей и, соответственно, рядом дополнительных затруднений перед основными («кадровыми») бандами Ибрагим-Бека. Последние резко были стеснены в своих действиях и маневре сжимающим их кольцом воинских частей и естественной преградой рек Вахш и Кафирниган.

Прямым следствием этих трудностей стал распад основных банд центральной группировки Ибрагим-Бека, таких как отряды Али-Мардана Датхо, Бабаджана и других. Этот распад отчасти

был вольным, повторявшим старый маневр само-го Ибрагим-Бека: в трудную минуту распустить банды, чтобы сохранить их, дать отдых людям, а затем в нужный момент вновь собрать их под оружие. Отчасти же он был вынужденным. Результатом стало значительное число сдавшихся курбашей, уход рядовых джигитов и так называемых палочников по домам, а также постоянно растущие цифры убитых и раненых басмачей.

Всего потери банд басмачей в период с 20 марта по 14 мая 1931 г. составили 1613 человек, из них: убитых 1224, захваченных в плен 75, добровольно сдавшихся 314 человек [11, л. 71].

Для ликвидации угрозы со стороны басмачества советскими органами были приняты ряд комплексных мер:

1. Командованием Красной армии была создана Таджикская группа войск. Командующим группой был назначен И. К. Грязнов, начальником политотдела Г. С. Сафразбекян. К операции были привлечены части 7-й отдельной Туркестанской кавбригады, Таджикского стрелкового батальона, 83-го кавполка 8-й отдельной кавбригады, Узбекской кавбригады, Киргизского кавдивизиона, 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, 35-й отдельный авиаотряд, саперные подразделения, рота связи, автомобильный батальон и другие части [16, с. 139]. Кроме того, туда же входила авиагруппа в составе: от 35 отдельного авиаотряда 5 самолетов Р-3 и одного Ю-13, от 40 авиаотряда 4 самолета Р-3 и Ю-13, от штаба бригады один Р-3 и один Ю-13, общим количеством 10 самолетов Р-3 и 3 – Ю-13.

Район действия Таджикской группы был разбит на два сектора – восточный и северо-западный, и каждый сектор делился на три боевых участка. Авиагруппе ставилась задача – разведка, наводка своих частей, бомбежка, штурмовые действия и связь. Кроме того, в непосредственное распоряжение начальников секторов выделялись одиночные самолеты.

Из боевых действий Таджикской авиагруппы следует отметить два случая, характеризующих работу авиации по борьбе с бандами.

Первый случай, когда обнаруженная банда Али-Мардан-Датхо численностью 400–450 чел. в течение 5 часов была подвергнута непрерывному бомбометанию и преследованию штурмовыми действиями тремя эшелонами самолетов, неся большие потери, банда басмачей была сильно деморализована и повела переговоры о сдаче.

Второй случай с бандой Кур-Артыка, которая была подвергнута бомбометанию и штурмовым действиям 9 самолетами. Банда, неся значительные потери, рассыпалась, бросая седла и вьюки, была атакована подоспевшим эскадром (наведенным самолетами). Всего было уничтожено более 100 басмачей [17, л. 26 об.].

Из боевых действий советских войск особо отмечаются успешные действия 80-го кавалерийского полка, где один эскадрон в 75 сабель

действовал 24 марта 1931 г. в районе Кызыл-Мазар, разбившись на две группы.

В боевом отчете указывалось, что «одна группа в 50 сабель, при 3-х пулеметах под командованием товарища Синельникова двинулась в направлении Зироки (12 км к северо-востоку от с. Куляба), где имел бой с бандой отступившую в направлении Пушиона (14 км от с. Куляба). После чего, отряд Синельникова в районе кишлака Ходжа Исак настиг вторично банду, в результате боя банда потеряла 35 убитыми 11 винтовок и др.» [17, л. 83].

Данные о потерях свидетельствовали, что войска Красной армии наносили ощутимые удары по противнику, однако следует учесть разный уровень вооружения и обеспечения (прежде всего боеприпасами) противоборствующих сторон. Именно дефицит стрелкового оружия и боеприпасов вынуждал басмачей использовать так называемых палочников – плохо вооруженных местных жителей из числа дехкан, примкнувших к восстанию [18, с. 185–186].

Кроме того, необходимо отметить работу партийных органов на местах, где проводилась решительная борьба с проявлением трусости отдельных красноармейцев и начальствующего состава, критиканства, нарушения дисциплины для усиления бдительности, поощрения смелых и инициативных действий советских войск.

Так, согласно резолюции военно-политического совещания группы войск о политикоморальном состоянии частей следовало «широко развернуть партийно-политическую работу, поставив основным условием необходимость решительной борьбы с трусостью, борьбы с контрреволюционными элементами, случаями снов на постах и неисполнения приказаний, с потерями оружия и снаряжения, великодержавным шовинизмом, кулацкими настроениями, своевременного улавливания положительных и отрицательных настроений, быстрого реагирования на них и своевременности информации, активизируя в этом отношении начсостав, особенно беспартийный. Потребовать от начсостава партийцев и комсомольцев примерности в несении службы, дисциплины, смелости, инициативы и решительности и бдительности и товарищеской взаимовыручки в боевой обстановке. Принять все меры к исключению возможности к смыканию кулацких настроений отдельных красноармейцев с антисоветскими и басмаческими элементами (особенно в национальных частях)» [11, л. 12].

В окончательной ликвидации басмачества местное население сыграло исключительную роль. Основная масса трудящихся кишлаков региона оставалась верна советской власти и заняла явно враждебное положение по отношению к басмачам. Активность трудящихся, в силу недостаточности работы по их организации

на борьбу с басмачеством, вначале была не на должной высоте.

Поэтому во всех районах Таджикской ССР были проведены специальные совещания по вопросу организации борьбы с басмачеством с широким участием населения кишлаков. Для проведения разъяснительной работы и организации отрядов местной самообороны были откомандированы на места представители советской власти начиная с секретарей райкомов и председателей райисполкомов. Например, только по одному сектору было организовано около 15 тыс. человек. Районными комитетами партии были организованы в каждом кишлаке пятерки для борьбы с басмачами и содействия частям Красной армии [11, л. 24].

С организацией отрядов местной самообороны доступ бандам басмачей в кишлаки затруднился, осложнился вопрос с получением продовольственного фуража. Одиночные басмачи начали вылавливаться и доставляться в ближайšie войсковые подразделения. На банды, скрывающиеся в горах, устраивались форменные облавы с участием местных жителей. Случаи участия в розыске банд 2500–3000 человек местных жителей были частыми явлениями.

Районы, где предполагалось нахождение той или иной банды, оцеплялись и тщательно осматривались. Не оставалось таких уголков, где басмачам можно было укрыться и остаться незамеченными. Например, при обследовании горы Джиланы-Тау шестеро басмачей, не пожелавших сдаться, были убиты отрядом самообороны. Бандит Курартык, бывший глава крупного бандформирования, в течение нескольких дней преследовался и, в конце концов, вынужден был сдаться [11, л. 51].

В связи с усилением военного нажима на банды, улучшением участия местных гражданских органов в деле борьбы с басмачеством и ростом активности населения против банд, во второй половине мая 1931 г. басмачество резко пошло на убыль, разбившись на мелкие группы, ушло в труднопроходимые места региона.

Таким образом, к маю 1931 г. основные силы Ибрагим-Бека были разгромлены, однако некоторые локальные банды басмачей сохраняли активность в Сурхан-Дарьинской долине и Бабатаге.

Подавление сопротивления незаконных вооруженных формирований на территории Таджикской ССР в начале 1930-х гг. стало для руководства СССР уроком, продемонстрировавшим необходимость комплексного подхода к интеграции национальных окраин. Однако методы, применявшиеся в ходе этой борьбы, заложили основу для будущих противоречий, связанных с игнорированием культурно-религиозной специфики региона.

В происходящей борьбе с басмачами характерным являлось резкое отставание политико-

экономических мероприятий от военных. Создавалось положение, при котором лишь присутствие и боевые действия воинских частей Красной армии сдерживали новые выступления басмачей.

С разгромом банд Ибрагим-Бека был ликвидирован очередной очаг незаконных вооруженных формирований на юге Центральноазиатского региона и басмачество фактически прекратило здесь свое существование.

После 1931 г. границу СССР время от времени пересекали лишь малочисленные группы басмачей. Отдельные бои басмачей с воинскими частями пограничных войск продолжались до конца 1930-х гг., но они не могли повлиять на ситуацию в Центральноазиатском регионе.

Список литературы

1. Зуев Д. Д. Ферганское басмачество (1918–1922 гг.) // Гражданская война : в 4 т. Т. 3 : Материалы по истории ферганского басмачества и боевых операций в Бухаре. М. : Высший военный редакционный совет, 1924. С. 11–88.
2. Севрюгов С. Н. Красная конница в малой войне в пустынях: Хорезм, 1925 год. М. : Воентиз, 1931. 104 с.
3. Тимошков С. П. Борьба с интервентами, белогвардейцами и басмачеством в Средней Азии. М. : ВАФ, 1941. 132 с.
4. Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Конец басмачества. М. : Наука, 1976. 184 с.
5. Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М. : Наука, 1981. 244 с.
6. Иноятлов Х. Ш. Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. М. : Мысль, 1984. 463 с.
7. Шевченко Д. В. Басмаческое движение. Политические процессы и вооруженная борьба в Средней Азии. 1917–1931 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 232 с.
8. Пылев А. И. Басмаческое движение в Средней Азии (1918–1934). Общие черты и региональные особенности : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 174 с.
9. Сайфутдинов О. Б. Ликвидация басмачества на территории Средней Азии // Ученые записки. Кыргызско-Российский Славянский университет. Бишкек, 2018. № 4 (57). С. 23–26.
10. Бармин В. А. Причины возникновения басмаческого движения и его социальная база в оценках партийного руководства и командования Красной армии советского Туркестана (1918–1924 гг.) // СибСкрипт. 2024. Т. 26, № 3. С. 379–388. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-379-388>
11. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25895. Управление Средне-Азиатского военного округа. Оп. 1. Д. 405. Политическое управление Средне-Азиатского военного округа, 1931 г.
12. Сеницын Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991. М. : Центрполиграф, 2019. 318 с.

13. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 718. Отчет об операции Таджикской группы войск САВО по разгрому банд Ибрагим-Бека в апреле – июне 1931 года.
14. *Акрамов М. И.* Борьба с басмаческим движением и упрочнение Советской власти в центральном и южном Таджикистане в 1920–1923 гг. // *Историк (Муаррих)*. 2025. № 1 (41). С. 43–56.
15. *Ганковский Ю.* Персонажи с «той стороны»: Ибрагим-бек Локай (1889–1932) // *Азия и Африка сегодня*. 1994. № 4. С. 60–63.
16. *Краснознаменный Туркестан* / под общ. ред. С. Е. Белоножко. М. : Воениздат, 1976. 438 с.
17. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 720. По Таджикистану. Отчеты частей округа о действиях войск в операциях против Ибрагим-бека, 1931 г.
18. *Мильбах В. С.* Разгром басмаческих формирований Ибрагим-Бека в 1931 г. // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2018. Т. 14, № 3. С. 181–191. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2018-3-181-191>

Поступила в редакцию 28.09.2025; одобрена после рецензирования 15.10.2025;
принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 28.09.2025; approved after reviewing 15.10.2025;
accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 187–191
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 187–191
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-187-191>, EDN: IAAFDU

Научная статья
УДК 323.269.6(438+470+571)|17/18|:930(47+57+438)

Память о польских восстаниях в контексте празднования 1000-летия Польши в Академии наук СССР (по материалам Архива РАН)

С. В. Панов

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы, Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82

Панов Сергей Валерьевич, аспирант кафедры всеобщей истории Института общественных наук, rontonak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0794-9983>, AuthorID: 1107976

Аннотация. В статье рассматриваются особенности репрезентации истории польских восстаний конца XVIII–XIX вв. в рамках юбилейных торжеств в Академии наук СССР, посвященных Тысячелетию Польского государства в 1966 г. Проанализировав архивные документы о симпозиуме и научной сессии, прошедшей в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, автор приходит к выводу, что советская историография рассматривала польские восстания как проявления классовой борьбы, в то время как польские историки считали первичным их «национально-освободительные» мотивы.

Ключевые слова: польские восстания, историческая память, историография, Тысячелетие Польши, Академия наук СССР, Польская Академия наук

Для цитирования: Панов С. В. Память о польских восстаниях в контексте празднования 1000-летия Польши в Академии наук СССР (по материалам Архива РАН) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 187–191. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-187-191>, EDN: IAAFDU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Memory of the Polish uprisings in the context of the celebration of the 1000th anniversary of Poland in the USSR Academy of Sciences (based on materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences)

S. V. Panov

Russian Academy of National Economy and Public Service, 82 Vernadsky prospect, Moscow 119571, Russia

Sergei V. Panov, rontonak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0794-9983>, AuthorID: 1107976

Abstract. The article examines the specifics of the representation of the history of the Polish uprisings of the late 18th – 19th centuries within the framework of the jubilee celebrations at the USSR Academy of Sciences dedicated to the Millennium of the Polish State in 1966. Having examined archival documents about the symposium and the scientific session held at the Institute of Slavic and Balkan Studies of the USSR Academy of Sciences, the author concludes that Soviet historiography viewed the Polish uprisings as manifestations of class struggle, while Polish historians considered their “national-liberation” motives to be primary.

Keywords: Polish uprisings, historical memory, historiography, Millennium of Poland, USSR Academy of Sciences, Polish Academy of Sciences

For citation: Panov S. V. Memory of the Polish uprisings in the context of the celebration of the 1000th anniversary of Poland in the USSR Academy of Sciences (based on materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 187–191 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-187-191>, EDN: IAAFDU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

1966 г. стал для Польши временем двух больших юбилеев, соперничавших между собой по масштабности празднований. Первым из них был тысячетный юбилей Крещения Польши, произошедшего при князе Мешко I из династии Пястов в 966 г. В конце 1950-х гг. Католическая церковь в Польше, возглавляемая примасом кардиналом Стефаном Вышиньским,

начала подготовку к празднованию Тысячелетия Крещения.

В период социализма в этой стране Католическая церковь оставалась единственным крупным общественным институтом, неподконтрольным государственной власти, и скрыто, а зачастую и открыто нелояльной политической силой [1, с. 136–146]. Сам примас (предстоятель

Католической церкви в стране) С. Вышинский в 1953–56 гг. находился в заключении и был освобожден только после прихода к власти В. Гомулки и общей либерализации режима в 1956 г.

В силу высокой религиозности населения и популярности Церкви государственные и партийные власти ПНР не могли открыто запретить праздновать Тысячелетие Крещения Польши. Поэтому было решено организовать конкурирующее празднество, посвященное тысячелетию Польского государства – ведь историческое упоминание о крещении Польши было одновременно и первым упоминанием о Польше как государстве. Строились памятники Тысячелетию, юбилею посвящались вновь создаваемые архитектурные сооружения, в частности реализовывалась программа по постройке тысячи школ к тысячелетию государства. Апофеозом празднования стал проведённый 22 июля 1966 г. масштабный парад, представивший польских воинов из всех исторических эпох с X по XX в. и десятки единиц военной техники. Праздновали Тысячелетие и академические учреждения Польши.

Разумеется, Академия наук Советского Союза также присоединилась к празднованию юбилея государственности дружественной социалистической страны.

Основной исторической темой, призванной сплотить народы Советского Союза и Польской Народной Республики, была избрана проблематика связей польских и российских революционеров в XIX в. и начале XX в.

Разумеется, тема польских восстаний – близкая к теме связей между польскими и российскими революционерами, но в то же время – противоречивая и сложная с политической точки зрения – не могла быть обойдена вниманием исследователей. За период разделов Польши с 1772 по 1918 г. поляки трижды восставали против российской власти. Первым восстанием ещё в независимой Речи Посполитой было восстание Т. Костюшко против второго раздела Польши в 1794 г. [2, с. 289–293], затем, уже после Наполеоновских войн, случилось Ноябрьское восстание 1830–1831 гг., охватившее все Царство Польское, Литву, Вольнь и Белоруссию [3] и, наконец, в 1863–1864 гг. Царство Польское, Литву и Белоруссию потрясло так называемое Январское восстание [2, с. 321–351].

Тема репрезентации восстаний в историографии и исторической памяти к настоящему времени уже неоднократно освещалась разными исследователями. Тем не менее, говоря о восстании 1794 г. и предшествовавшем ему второму разделу Польши, польский историк Л. Кондзеля в 1999 г. отметил, что тематика второго раздела в целом остаётся недоисследованной и слабо раскрытой в современной историографии [4].

Исследователи А. А. Крих и С. А. Мулина в статье «“Польша держится беспорядком”:

образ Речи Посполитой эпохи разделов в отечественных учебниках истории XX–XXI вв.» [5] осветили тему репрезентации в том числе и восстания Т. Костюшко в советских учебниках истории.

Историография и историческая память о восстании 1830–1831 гг. в советский период пользовалась меньшим вниманием исследователей. В качестве примера одной из немногочисленных работ на данную тему можно назвать статью И. П. Юшкова «Польское восстание 1830–1831 гг. в дореволюционной и советской историографии» [6].

Современные исследователи сделали больший акцент на изучении политики исторической памяти в отношении данного события. Так, в частности, в сборнике «Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши», вышедшем в 2014 г., было опубликовано сразу несколько работ. Среди них – статья О. С. Каштановой «Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике» [7], в которой автор рассматривает ключевые исследования по данной тематике, написанные в дореволюционное и советское время. Л. Е. Горизонтов в работе «Январское восстание в нарративах истории России» [8] представил общий обзор взглядов на Январское восстание, бытовавших в российской общественной мысли последней трети XIX в., и их отражение в более поздней историографии и публицистике. Польский историк М. Кулик в статье «Проблемы военной истории Январского восстания 1863 г. в польской и российской историографии» [9] предоставил обзор историографии военных аспектов истории событий 1863 г. Л. С. Лыкошина в статье «150-летие Январского восстания в свете исторической политики современной Польши» [10] рассмотрела политику памяти современной, постсоциалистической Польши в отношении восстания 1863–1864 гг.

В данной работе, опираясь на неопубликованные архивные материалы, мы рассмотрим особенности празднования Тысячелетия польского государства в Академии наук СССР. Как отмечает немецкий теоретик исследований исторической памяти А. Ассман, подобные празднования, наряду с текстами, картинами, скульптурами и памятниками являются одними из носителей культурной памяти, т. е. долговременной социальной памяти, укорененной в культуре общества и предназначенной для передачи памяти из поколения в поколение [11, с. 231].

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР с 4 по 8 октября 1966 г. был проведён научный симпозиум «Революционные связи народов СССР и Польши в XIX – начале XX века» [12]. Затем была проведена научная сессия, посвященная юбилею Польского государства [13].

На симпозиуме первым выступил с общим обзором проблем истории русско-польских революционных связей главный советский специалист по данной теме И. С. Миллер [12, л. 2], затем историографический обзор представил специалист по польским восстаниям В. А. Дьяков [14]. Далее на симпозиуме с тематическими докладами выступили такие известные историки, как специалист по истории польского рабочего движения А. Я. Манусевич, исследователи польской истории XIX–XX вв. П. Н. Ольшанский и Н. П. Митина, советские полонисты, среди которых были как ученые Инслава, так и представители других организаций, например научный сотрудник Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма Р. А. Ермолаева [12, л. 2]. Выступали ученые и из других городов Советского Союза, в том числе из Белорусской, Литовской и Украинской ССР, чья региональная история имела прямое отношение к обсуждаемым вопросам, а также польские историки [12, л. 68].

И. С. Миллер отметил, что польско-русские революционные связи не имеют аналогов в истории подобных связей народов России по глубине и продолжительности, а польское и русское революционное движение были взаимозависимыми и фактически едиными. С его точки зрения польское освободительное движение имело гигантское значение для русской революционной демократии, и симпозиум помог ярче осветить это [12, л. 69].

Польский историк С. Кеневич, специалист по истории Польши XIX в., начинавший свою карьеру ещё в межвоенной Польше, занимавшийся польским национальным движением в Галиции [15] и спустя несколько лет выпустивший книги об истории Польши эпохи разделов [16] и восстании 1863–1864 гг. [17], занял более скептическую позицию.

Он подверг несколько идеализированное представление о сотрудничестве русских и польских революционеров мягкой критике. Он отметил, что всё-таки невозможно отрицать очевидные трудности, имевшиеся на пути объединения общероссийского и польского революционного движений. Прежде всего это несовпадение этапов их наибольшей активности, кроме того, как подчеркнул С. Кеневич, значительную роль сыграло и то, что польское движение настаивало на возрождении Речи Посполитой в границах 1772 г. (т. е. с Белоруссией, Литвой и большей частью Правобережной Украины) [12, л. 76].

Доцент Кировского пединститута В. И. Фоменкова и сотрудник Института славяноведения и балканистики П. Н. Ольшанский отметили, что в современной им советской историографии доминирует идея о русско-польском революционном союзе, заключенном в 1820-е гг., признавая, что остаются и критические мнения о том,

существовал ли он вообще [12, л. 78]. Ленинградский ученый С. С. Ланда, развивая данную тему, рассказал о необходимости дальнейшего исследования дворянской революционности, в том числе роли социальных и национальных мотивов дворян-революционеров [12, л. 79].

Сотрудник Инслава, видный советский полонист И. М. Белявская [18], выступила с критикой традиционного советского представления о восстании 1863–1864 гг. в Литве и Белоруссии как о крестьянском. Она настаивала, что это было «восстание против национального угнетения», т. е. прежде всего – преследующее национальные цели движение, а роль крестьянского элемента в восстании была незначительной. С ней полемизировала З. Я. Тальвирская, ссылавшаяся на пропагандистскую работу в крестьянской среде революционной интеллигенции Литвы и Белоруссии [12, л. 80–81].

Исследователи В. Е. Фильгус и О. П. Морозова выступали с докладами о тесном сотрудничестве русских и польских революционеров в ссылке [12, л. 82]. О. П. Морозова в качестве примера сотрудничества польских и русских революционеров рассказала о польском повстанце Б. Шварце, который выступал за сотрудничество русского и польского революционных движений.

Затем участники симпозиума В. Б. Рожновский и Т. Г. Снытко перешли к дискуссии о роли старого революционно-демократического польского движения в формировании польского социализма последней трети XIX в. В. Б. Рожновский настаивал на прямом преемстве, в то время как Т. Г. Снытко предлагал более сложную схему, в которой влияние старых польских революционеров на новый польский социализм было лишь частичным. Тезисы Т. Г. Снытко были поддержаны польскими историками Л. Базилевичем и Я. Канцевичем [12, л. 82–83].

Я. Канцевич, в отличие от многих коллег, не был ученым, получившим образование в старой Польше. Он, как сын активистки Коминтерна, жил с 1930 г. в СССР, окончил истфак МГУ, отсидел 5 лет в сталинских лагерях и только в 1945 г. вернулся в Польшу. Его темой была история польского рабочего движения [19].

В своём докладе он подчеркнул, что в социалистическом революционном движении участвовали не только представители Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, но и представители левой фракции Польской Социалистической партии (ППС) [12, л. 87].

На симпозиуме были представлены доклады по частным аспектам сотрудничества польских революционеров с белорусскими [12, л. 86] и украинскими [12, л. 89] движениями и отмечено, что данная тема в целом остаётся недоисследованной [12, л. 79]. Недостаточно изученной оказалась и позиция ППС в отношении связей с русскими революционерами [12, л. 90].

Участники симпозиума признали его успешным, по итогам научной встречи было решено издать сборник, было также внесено предложение издать собрание документов по теме русско-польских революционных связей [12, л. 91].

Через две недели после открытия симпозиума, 18 октября 1966 г., в Отделении истории АН СССР началась научная сессия, посвященная Тысячелетию Польши. Участие в ней приняли Президент АН СССР академик М. В. Келдыш, Маршал Советского Союза И. С. Конев, директор Института марксизма-ленинизма академик П. Н. Поспелов и министр высшего образования ПНР академик Генрик Яблоньский [13, л. 1]. Выступили в ней и ведущие ученые Института Славяноведения и Балканистики, такие как И. С. Миллер и А. Я. Манусевич.

Открывавший сессию академик М. В. Келдыш [13, л. 1] в своем вступительном слове упомянул в позитивном ключе польских революционеров – участника восстания 1863–1864 гг. и Парижской Коммуны Я. Домбровского и видного деятеля марксистской Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, основателя ВЧК Ф. Дзержинского – как символов дружества польских и российских революционеров [13, л. 3]. Также он подчеркнул, что в истории освободительного движения двух народов русско-польские революционные связи занимают особое место: «Первые русские революционеры-декабристы провозгласили в качестве одного из своих основных требований независимость Польши. Это требование, вошедшее в проект конституции, разработанный Южным обществом, в пестелевскую “Русскую правду”, явилось прочной основой для совместной борьбы русских и польских революционеров за свободу и независимость, против общего врага – царизма» [13, л. 4].

Выступавший далее историк культуры И. Ф. Бэлза заявил, что даже восстание 1830–1831 гг. не прервало дружбы между поляками и русскими и «передовая польская общественность всегда различала Россию Николая I и Россию Пушкина» [13, л. 92].

Делая выводы об итогах мероприятий и особенностях репрезентации истории польских восстаний в юбилейных научных мероприятиях, стоит отметить, что советские историки в большей степени были склонны преуменьшать значение национального фактора в польских восстаниях, делая упор прежде всего на тот факт, что восстания имели классовую природу. Выдвигалась теория о русско-польском революционном союзе между декабристами и польскими революционерами, а также и о прямой преемственности между польской социал-демократией конца XIX в. и польскими повстанцами середины века. Польские историки, такие как С. Кеневич, напротив, более стремились рассматривать восстания именно как этнополитический конфликт. Во многом

это можно было бы связать с тем, что они начинали свою карьеру во Второй Речи Посполитой, и, следовательно, сформировавшись как исследователи ещё в те времена, были менее подвержены влиянию советской государственной идеологии. Однако даже выпускник первого набора истфака МГУ, ставший историком в СССР и уже социалистической Польше, Я. Канцевич был более склонен к этой концепции и поддерживал доминирующие в польской науке представления. В то же время лишь меньшинство их советских коллег (таких как И. М. Белявская) поддерживали эту доминирующую в польской науке концепцию.

Можно сделать вывод о том, что для советской стороны в целом было важно выстроить непротиворечивый нарратив, в котором польские и российские революционеры были частью единого революционного движения, нацеленного, прежде всего, на реализацию классовых задач, на борьбу за права трудящихся. Факты, свидетельствовавшие об обратном, о том, что польское революционное движение стремилось прежде всего к достижению собственных целей в виде воссоздания польского государства, а также факты о том, что повстанцы были всё-таки националистами, не были приоритетны для официального нарратива. В куда большей степени говорилось об общих чертах у польского и российского движений, а не о различиях между ними.

Доминировавшая среди советских историков на юбилейных научных мероприятиях точка зрения была очередным примером того, как в советской историографии международных и межэтнических отношений традиционно игнорировался вопрос о национальных интересах России, в отличие от национальных интересов других стран, особенно ситуативно дружественных.

Следствием классового подхода, а также желания представить в более выгодном свете историю дружественных государств и народов было то, что польское национальное движение интерпретировалось как безусловно прогрессивное и имеющее в первую очередь классовую природу, в то время как действия русского правительства и русской армии критиковались, описываясь исключительно как реакционная политика национального и классового угнетения.

Вместе с тем нельзя утверждать, что не говорилось о националистическом акценте во взглядах и деятельности польских революционеров – это отмечали такие исследователи, как И. М. Белявская. О том, что в советской историографии остаются критики теории русско-польского революционного союза, говорили В. И. Фоменкова и П. Н. Ольшанский.

Более критический взгляд на историю польских восстаний, по нашему мнению, до сих пор недостаточно представлен в отечественной

историографии, и данное упущение требует корректировки в работах современных российских историков.

Список литературы

1. Смирнов А. И. Взаимоотношения власти и католической церкви в Польше в 1956–1968 гг. // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 136–146.
2. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши / пер. с польск. М. : Весь Мир, 2004. 544 с.
3. Кунц Г. Русско-польская война 1831 года / пер. с нем. СПб. : Евразия, 2023. 320 с.
4. Кондзеля Л. Польша и Европа в XVIII веке. Россия и второй раздел Польши: состояние изучения вопроса и исследовательские задачи // Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой / под ред. Б. В. Носова. М. : Институт славяноведения РАН, 1999. С. 159–168.
5. Крих А. А., Мулина С. А. «Польша держится беспорядком»: образ Речи Посполитой эпохи разделов в отечественных учебниках истории XX–XXI вв. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 161–169. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.161-169>
6. Юшков И. П., Хорева Н. В. Польское восстание 1830–1831 гг. в дореволюционной и советской историографии // Пироговские чтения : материалы XXIV научной конференции студентов и молодых исследователей (Нижний Новгород, 26 ноября 2018 г.). Нижний Новгород : Издательство Приволжского исследовательского медицинского университета, 2018. С. 182–185.
7. Каштанова О. С. Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / под ред. Н. А. Макарова. М. : Индрик, 2014. С. 51–80.
8. Горизонтов Л. Е. Январское восстание в нарративах истории России // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / под ред. Н. А. Макарова. М. : Индрик, 2014. С. 96–104.
9. Кулик М. Проблемы военной истории Январского восстания 1863 г. в польской и российской историографии // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / под ред. Н. А. Макарова. М. : Индрик, 2014. С. 228–238.
10. Лыкошина Л. С. 150-летие Январского восстания в свете исторической политики современной Польши // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / под ред. Н. А. Макарова. М. : Индрик, 2014. С. 382–392.
11. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 552 с.
12. Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 1965 (Институт славяноведения и балканистики Российской академии наук). Оп. 1. Д. 362.
13. РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 361.
14. Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995) / отв. ред. М. А. Робинсон. М. : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. 94 с.
15. Kieniewicz S. Ruch chłopski w Galicji w 1846. Wrocław : Ossolineum, 1951. 369 s.
16. Kieniewicz S. Historia Polski 1795–1918. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1968. 616 s.
17. Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1972. 804 s.
18. Рацеева М. Н. Белявская Ирина Михайловна // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / под общ. ред. С. П. Карпова. М. : Изд-во Моск. ун-та ; РОССПЭН, 2004. С. 46–47.
19. Kancewicz J. Rozłam w polskim ruchu robotniczym na początku lat dziewięćdziesiątych XIX w. Warszawa : Książka i Wiedza, 1961. 62 s.

Поступила в редакцию 01.11.2025; одобрена после рецензирования 06.11.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 01.11.2025; approved after reviewing 06.11.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 192–196
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 192–196
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-192-196>, EDN: ISVKLC

Научная статья
УДК 821.14'01+930.2(3)+929Геродот

Самосский логос в «Истории» Геродота

И. О. Гуд

Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 140

Гуд Иван Олегович, аспирант кафедры археологии и истории древнего мира, ivan.9ud@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2466-6977>, AuthorID: 1324727

Аннотация. Статья посвящена исследованию образа острова Самос в труде Геродота «История». Особый акцент сделан на оценке роли Самоса в общей картине исторического повествования Геродота. Поднимаются вопросы соотношения художественного вымысла и исторической реальности. Автор приходит к выводу о том, что Геродот прибегает к гиперболизации, часто романтизируя исторические события. Использование подобных методов является одной из характерных черт эпохи, и их нельзя считать попыткой ввести читателя в заблуждение.

Ключевые слова: Древняя Греция, Самос, Геродот, Поликрат, античная литература

Для цитирования: Гуд И. О. Самосский логос в «Истории» Геродота // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 192–196. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-192-196>, EDN: ISVKLC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Samian logos in Herodotus's Histories

I. O. Gud

Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 140 Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia

Ivan O. Good, ivan.9ud@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2466-6977>, AuthorID: 1324727

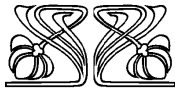
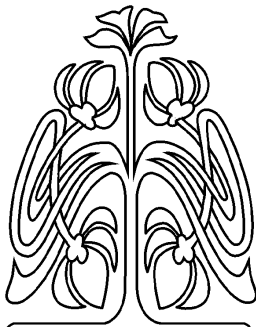
Abstract. The article is devoted to the study of the image of the island of Samos in Herodotus's work "History". Particular emphasis is placed on assessing the role of Samos in the overall picture of Herodotus's historical narrative. The issues of the relationship between fiction and historical reality are raised. The author concludes that Herodotus resorts to hyperbolization, often romanticizing historical events. Using such methods is one of the characteristic features of the epoch, and they should not be considered as an attempt to mislead the reader.

Keywords: Ancient Greece, Samos, Herodotus, Polycrates, ancient literature

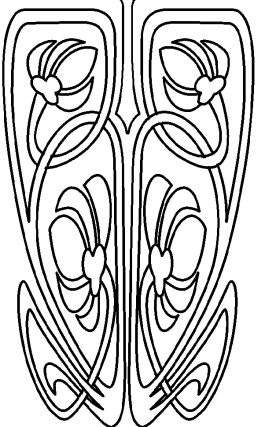
For citation: Gud I. O. Samian logos in Herodotus's Histories. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 192–196 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-192-196>, EDN: ISVKLC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одним из наиболее часто упоминаемых в «Истории» Геродота географических объектов, без сомнения, является остров Самос. Хотя Геродот родился в Галикарнасе, многие ученые полагают, что значительную часть жизни он провёл на Самосе. Впрочем, этот вопрос все еще остается дискуссионным [1, р. 395]. Но одно ясно точно: Геродот

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

побывал на острове и прекрасно знал местные реалии. Об этом свидетельствуют частые упоминания Самоса в его знаменитой «Истории». Порой кажется, что автор даже испытывает особую симпатию к островитянам [2, с. 465], а некоторые упоминания выглядят порой даже избыточными.

Отсюда возникает вопрос: почему Геродот так много писал о Самосе? Связано ли это исключительно с личными чувствами и опытом автора? Насколько он вообще объективен в описании острова или порой сознательно пренебрегает объективностью ради эмоционального акцента? Какую роль Самос в целом играет в общем повествовании Геродота? Все эти вопросы не раз поднимались в литературе [1, р. 397–399; 3, р. 40–45; 4, р. 80–82; 5, р. 3–5].

Одним из значимых моментов, связанных с Самосом в «Истории» Геродота, является упоминание находящегося на острове храма богини Геры. Этот храм упоминается автором несколько раз, иногда такое упоминание сопровождается нотками восхищения. Особое внимание уделяется богатствам, хранящимся в виде жертвенных даров внутри святилища.

Первое упоминание храма Геры в тексте весьма лаконично [6, с. 127] (Hdt., Hist. II.148). Описывая знаменитый лабиринт неподалёку от египетского города Хавара, Геродот подчёркивает грандиозность постройки, отмечая: «Ведь если бы собрать все стены и великие сооружения, воздвигнутые эллинами, то, в общем, оказалось бы, что на них затрачено меньше труда и денежных средств, чем на один этот лабиринт» [6, с. 127] (Hdt., Hist. II.148). Среди выдающихся греческих построек, все же уступающих этому сооружению, Геродот выделяет два храма: эфесский и самосский [6, с. 127] (Hdt., Hist. II.148). Это упоминание наглядно демонстрирует уверенность Геродота в величии самосской архитектуры. Тот факт, что он считал её способной укрепить престиж греков перед лицом чужеземцев, подчеркивает сильное влияние, которое оказали на него памятники Самоса.

Во второй раз Геродот восторгался храмом Геры уже в третьей книге, называя его «величайшим из известных нам храмов». Он добавляет, что этот храм входит в тройку крупнейших архитектурных объектов во всей Элладе [6, с. 157] (Hdt., Hist. III.60).

Такая оценка вызывает ряд сомнений. Археологические исследования подтверждают, что храм действительно отличался впечатляющими размерами и роскошью отделки. Вместе с тем сооружение неоднократно подвергалось разрушению и реконструкции, и, судя по всему, версия храма, которую мог видеть Геродот, была третьей по счёту, и она так и осталась незавершённой [7, р. 507]. Максимум, что успели построить, – это фасад, выходящий на священ-

ную дорогу, и произошло это уже после визита Геродота [8, р. 391].

Поскольку земля на месте храма была мягкой и болотистой, сооружение не смогло выдержать собственную массу и было разобрано. Таким образом, Геродоту довелось увидеть храм в процессе строительства, а никак не в завершённом виде. Почему же он предпочёл обойти стороной этот нюанс, остаётся загадкой.

При этом Геродот прекрасно информирован о происхождении ряда ценных предметов, хранящихся в храме Геры. Особенно ярко историк рассказывает о гигантской медной чаше объемом в 300 амфор, преподнесенной жителями Самоса богине. Чаша поражала размерами и искусством исполнения – вся ее поверхность была покрыта изысканным орнаментом [6, с. 32] (Hdt., Hist. I.70). Однако обстоятельства появления на Самосе столь ценного предмета также вызывают интерес.

Геродот приводит несколько версий произошедшего. По утверждениям лакедемонян, чаша изначально предназначалась в дар царю Лидии Крезу, но, когда корабль проходил мимо Самоса, местные жители, узнав о ценности груза, напали на суда лакедемонян и захватили чашу.

Со слов самосцев, лакедемоняне узнали по пути, что Сарды захвачены персами, и приняли решение продать чашу на Самосе, где местные жители, выкупив её, посвятили храму Геры [6, с. 32] (Hdt., Hist. I.70).

Помимо медной чаши, Геродот также упоминает панцирь, полученный лакедемонянами в дар от египетского царя Амасиса. По утверждению лакедемонян, этот панцирь был похищен самосцами ещё раньше, чем чаша. Описание самого панциря отличается невероятной точностью: Геродот подчёркивает, что это льняной панцирь, покрытый многочисленными изображениями, инкрустированный золотом и украшенный хлопковой бахромой. Особенное восхищение автора вызывают нити панциря, каждая из которых, несмотря на свою тонкость, состояла ровно из 360 отдельных волокон [6, с. 153] (Hdt., Hist. III.47). Что касается дальнейшей судьбы панциря, то здесь возникает неопределённость. Вполне вероятно, что он также стал одним из вотивных даров в храм Геры.

Этот сюжет ярко иллюстрирует уровень осведомленности Геродота о событиях, происходящих на Самосе [4, р. 84]. Автор приводит различные версии одного события и даёт крайне точное описание внешности ценных объектов, попавших на остров. Читатель может предположить, что Геродот имел личный опыт наблюдения над этими реликвиями или контактировал с людьми, непосредственно присматривающими за ними.

Однако внимательное изучение приводимых сведений порождает определённые сомнения. К примеру, Геродот исчисляет объём знаменитой

чаши в 300 амфор. Учитывая стандартный объём древнегреческой амфоры примерно в 40 литров [9, с. 108], получается, что лакедемоняне везли в дар Крезу целую цистерну вместимостью в двенадцать тонн. Такая информация кажется скорее фантастичной, нежели реальной.

К тому же чрезмерная детализация, красочность описаний и мифологический ореол вокруг упоминаемых священных даров наводят на мысль, что Геродот нередко пересказывал услышанные рассказы, существенно их преувеличивая или вовсе позволяя себе художественную фантазию.

Несмотря на наличие очевидных несоответствий, автор явно выражает симпатию к самосцам. В частности, рассказывая историю о дарах для царя Креза, Геродот, больше доверяя версии самосцев, резюмирует: «Возможно также, что люди, действительно продавшие чашу, по прибытии в Спарту объявили там, что их ограбили самосцы» [6, с. 32] (Hdt., Hist. I.70).

Подобный сюжет наблюдается и в описании истории лидийских царей в первой книге. Геродот рассказывает о великолепных дарах, отправленных в храм Дельф Гигесом, Алиатгом и Крезом, выделяя среди них два кратера – золотой и серебряный [6, с. 25] (Hdt., Hist. I.51).

Золотой кратер был помещён в хранилище храма города Клазомены, тогда как серебряный располагался в самом дельфийском святилище и использовался во время церемоний праздника Феофании. Геродот особо отмечал, что серебряный кратер был выполнен известным мастером Феодором из Самоса, который стал единственным ремесленником, на которого он специально указал. Автор выражает свое уважение к ремесленному искусству самосцев, так преподнося информацию об авторстве работы: «Как утверждают в Дельфах, чаша эта – изделие Феодора из Самоса. И я тоже так думаю, так как она, видимо, на редкость чудесной работы» [6, с. 25] (Hdt., Hist. I.51). Геродот указывает, что сам факт производства чаши самосцем – уже показатель ее качества.

Рассматриваемый фрагмент вновь ставит перед нами проблему объёма серебряного кратера. Геродот утверждает, что она «...вмещает... 600 амфор» [6, с. 25] (Hdt., Hist. I.51). Даже если брать за единицу измерения одной амфоры не указанные выше 40 литров, а значительно меньший объём, например 20 литров (все-таки амфора – довольно условная единица измерения), то получается, что серебряная чаша имела совершенно фантастический и нереальный объём.

Ещё более фантастичным выглядит рассказ Геродота о правителе Самоса Поликрате. Автор повествует о том, как египетский царь Амасис, внимательно наблюдавший за успехами Поликрата, искренне предупреждал его, что

непомерная удача неизбежно обернётся несчастьем, если незамедлительно не принести добровольную жертву, расставшись с самым дорогим имуществом [6, с. 151] (Hdt., Hist. III.40). Поликрат, как сообщается, прислушался к совету и распорядился отплыть на корабле подальше в открытое море, где сбросил в воду свой любимый перстень, рассчитывая всегда с ним распрощаться. Несколько дней спустя местный рыбак поймал крупную красивую рыбу и преподнёс её Поликрату. Во время приготовления рыбы повара обнаружили внутри неё потерянный перстень с личной печатью правителя. Узнав об этом событии, Поликрат сообщил обо всём Амасису, после чего последний разорвал союз с Поликратом, опасаясь стать невольным свидетелем неизбежного падения друга, ведь божественная сила помешала Поликрату освободиться от рокового кольца [6, с. 152] (Hdt., Hist. III.42).

Какие же выводы можно извлечь из рассмотренного эпизода? Прежде всего, история с перстнем представляется целиком литературным вымыслом, создающим яркий образ главного героя, отчаянно сражающегося с неумолимой судьбой, подобно трагедии Софокла «Царь Эдип». Несмотря на всю её выразительность, абсолютная мифологичность сюжета предполагает, что подобные рассказы могли восприниматься даже современными слушателями как чрезмерно гипертрофированные.

Важно подчеркнуть, что, хотя сюжет обладает существенными признаками литературного вымысла, Геродот не пытается эксплуатировать его для придания фигуре Поликрата положительного облика. Скорее напротив, он сознательно формирует образ тирана, далекий от похвалы и одобрения. Один из примеров негативного освещения можно увидеть в следующем высказывании: «Поликрат разорял без разбора земли друзей и врагов. Ведь лучше, говорил он, заслужить благодарность друга, возвратив ему захваченные земли, чем вообще ничего не отнимать у него» [6, с. 151] (Hdt., Hist. III.39). Такое поведение заставляет усомниться в надёжности Поликрата, как союзника. Дополнительное подтверждение негативной характеристики можно найти в дальнейшем эпизоде, где Поликрат публично объявляет о готовности поддержать персов в военном противостоянии против своего недавнего друга Амасиса [6, с. 152] (Hdt., Hist. III.44).

Второй значимый вопрос, возникающий при изучении данного материала, заключается в причинах вступления Амасиса в союз с Поликратом, известным своими грабежами союзников ничуть не реже, чем противников. Историю их дружественных связей и последующего прекращения сотрудничества, обусловленного нежеланием видеть падение друга, сложно принять всерьёз, поскольку она вызывает немало сомнений и оставляет множество открытых вопросов.

Объяснения на этот счет могут быть таковы: возможно, Поликрат не являлся столь одиозной фигурой, какой его представил Геродот, а проявлял себя как надежный союзник, что стало причиной искренних тревог Амасиса. Хотя, более вероятно, разрыв договора между Самосом и Египтом произошел совсем по другим причинам. С политической точки зрения гораздо логичнее представить, что сам Поликрат решил прекратить сотрудничество, поскольку успехи кампании Камбиза снизили стратегическое значение египтян как союзников, либо Амасис осознанно прекратил союзнические отношения, понимая, что подобный партнер станет источником больших проблем, чем пользы [10, р. 14].

Раскрывая обстоятельства гибели Поликрата, Геродот продолжает придерживаться критического тона в отношении тирана [6, с. 175–176] (Hdt., Hist. III.120–125). Рассказчик представляет Поликрата как алчного и своевольного правителя, пренебрегающего любыми знаменами и предупреждениями, когда дело касается материальной выгоды. Сообщается, что Поликрат не совершал никаких злодеяний против сатрапа Сард Орета, назначенного Киrom, однако Орет испытывал чувство зависти и стремился уничтожить соперника. Геродот объясняет причины вражды тем, что перс Митробат высмеял Орета за неспособность покорить Самос, в то время как Поликрат сумел захватить власть на острове силами всего пятнадцати гоплитов. Дополнительно предлагается вторая версия конфликта, согласно которой Поликрат проявил грубость в обращении с послом Орета [6, с. 175] (Hdt., Hist. III.120–121).

Далее Орет отправляет второе посольство, предлагая Поликрату огромные суммы золота и серебра. Послы уверяют, что благодаря этим средствам Поликрат сможет укрепить свою власть и добиться полного морского господства во всей Ионии. Они предлагают Поликрату приехать в Магнезию и забрать золото, говоря при этом, что Орет якобы хочет спрятаться от гнева Камбиза и получить безопасное укрытие на Самосе [6, с. 175–176] (Hdt., Hist. III.122).

Поликрат восторженно принял предложение Орета, пренебрегая предупреждениями советников и тревожным сном собственной дочери. Следуя призыву, он отправляется в Магнезию, где его пленят и казнят столь жестоко, что Геродот отказывается описывать детали казни [6, с. 176] (Hdt., Hist. III.123–125).

Вся история Поликрата, созданная Геродотом, воспринимается скорее как литературная трагедия, нежели документальная хроника жизни реального политика. Создается ощущение, что автор целенаправленно создает образ «фаворита судьбы», неоднократно подчёркивая богатство, амбиции и стремление к власти тирана. Итогом становится гибель героя, проигнориро-

вавшего знаки судьбы и предсказания окружающих.

Этот пассаж резко контрастирует с общим отношением Геродота к населению Самоса и острову в целом, которым он обычно сочувствует и хвалит за проявленные добродетели. Образ Поликрата выступает своеобразным нравственным уроком, демонстрирующим последствия высокомерия и неверия в предостережения.

Возникают серьёзные сомнения в объективности Геродота при освещении раздела о Поликрате. Если предыдущие фрагменты зачастую выглядели реалистичными, небольшие вопросы вызывали лишь отдельные детали, то здесь каждое сообщение вызывает недоумение. Так, например, не совсем понятна история дружбы с Амасисом, мотивы разрыва союза, несвойственное поведение Поликрата, готового riskнуть жизнью ради наживы, хотя сам Геродот признает, что Поликрат был очень богат и уступал лишь сиракузским тиранам [6, с. 176] (Hdt., Hist. III.125).

Современные исследования подтверждают богатство полиса Самос, но археологические данные показывают, что оно было значительно скромнее, чем его изображал Геродот, стремящийся создать мощнейший драматургический эффект, подчеркнув крайнюю дерзость и бесславный финал персонажа [7, р. 505–509; 11, S. 57–62; 12, S. 84–88] [13, с. 160].

Таким образом, история Поликрата у Геродота выстраивается по канонам классической античной драмы, где герой достигает высот, сталкивается с враждебными знаменами, пытается обмануть судьбу, и в конце концов гибнет, предавшись собственным страстям и заблуждениям.

Переходя к более простым сюжетам, хочется упомянуть один эпизод, отлично характеризующий взгляд Геродота на самосцев. Речь пойдет об осаде Самоса лакедемонянами. В ходе повествования Геродот ненадолго отвлекается, чтобы рассказать о героизме двух спартанцев – Архия и Ликопа, сумевших проникнуть внутрь осажденного города, но вскоре погибших в неравном сражении [6, с. 155–156] (Hdt., Hist. III.55).

Интерес здесь представляют не столько герои-спартанцы, сколько реакция на поведение самосцев. Большая часть данного раздела посвящена поведению самосцев, достойно захоронивших обоих воинов и устроивших торжественные похороны. Вот как комментирует это Геродот: «С внуком этого Архия, сыном Самия (его также звали Архием), я сам познакомился в Питане, спартанском округе, откуда он был родом. Он говорил о самосцах с большим уважением, чем обо всех прочих чужеземцах. Его отец получил имя Самия, потому что дед нашел на Самосе доблестную смерть. По его словам, он уважает самосцев за то, что те похоронили его деда и воздвигли ему

памятник за счет города» [6, с. 155–156] (Hdt., Hist. III.55).

Складывается впечатление, что основной замысел данного фрагмента состоял не в прославлении подвига Архия и Ликопа, а в том, чтобы выразить одобрение благородным действиям самосцев, сумевших защитить свой город и одновременно проявить уважение к поверженным врагам [4, р. 86].

Проанализировав представленный материал, мы приходим к выводу, что Геродот систематически прибегает к гиперболизации и романтическому восприятию реальных исторических событий, касающихся Самоса. Он активно подчеркивает исключительные способности и достижения самосцев, будь то архитектура храма Геры, мастерство местных мастеров или культурные особенности населения. Каждое упоминание связано с заметным приукрашиванием, часто достигающим уровня фантастики.

Ярким примером служит случай с драгоценной чашей, подаренной богине Гере, объемы которой описаны настолько преувеличенными, что ставят под сомнение саму возможность существования подобного артефакта. Подобные описания характерны и для других сюжетов, включая знаменитую архитектуру храма, славящуюся своей масштабностью и роскошью.

Очевидно, что подобная манера изложения преследует ясную цель – заинтересовать аудиторию и увековечить память о Самосе, превратив обычные события и объекты в яркие символы величия и мудрости. Гиперболизация и риторика, используемые Геродотом, становятся инструментом, помогающим сделать рассказ живым и привлекательным. Эта техника характерна не только для Самоса, она распространяется и на другие народы, отражая общую тенденцию древних авторов создавать нарочито живописные картины мира. Следовательно, подход Геродота нельзя считать ни попыткой ввести читателя в заблуждение, ни ошибочным методом. Напротив,

он отражает характерные черты эпохи, когда литература служила главным средством передачи опыта и ценностей с использованием методов, отличных от современных стандартов научной достоверности.

Список литературы

1. Irwin E. Herodotus and Samos: Personal or Political? // *The Classical World*. 2009. Vol. 102, № 4. P. 395–416.
2. Борухович В. Г. Научное и литературное значение труда Геродота // *Геродот. История*. Л. : Наука, 1972. С. 457–499.
3. Shipley G. *A History of Samos, 800–188 BC*. Oxford : Clarendon Press, 1987. 352 p.
4. Mitchell B. M. Herodotus and Samos // *The Journal of Hellenic Studies*. 1975. Vol. 95. P. 75–91.
5. Pelling C. Herodotus and Samos // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2011. Vol. 54, № 1. P. 1–18.
6. *Геродот. История в девяти книгах*. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Л. : Наука, 1972. 599 с.
7. Clerc M. A. Fouilles à l'Héraion de Samos // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1885. Vol. 9, № 1. P. 505–509.
8. Girard P. F. L'Héraion de Samos // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1880. Vol. 4, № 1. P. 383–394.
9. Древнегреческо-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий : в 2 т. М. : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 1. 1043 с.
10. Cole E. E. *The Samos of Herodotus*. Berkeley : University of California Library, 1879. 44 p.
11. Henke J.-M., Kouka O., Niemeier W.-D. Samos, Griechenland: Heraion und Heilige Straße // *E-Forschungsberichte des DAI*. 2015. Fas. 1. S. 57–62.
12. Fuchs J. Samos, Griechenland. Wasser und Kult im Heraion von Samos. Die Arbeiten der Jahre 2016 bis 2017 // *E-Forschungsberichte des DAI*. 2017. Fas. 2. S. 84–88.
13. Шергина Н. А. Внешняя политика Поликрата Самосского // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 2 : История. 2014. Вып. 3. С. 158–166.

Поступила в редакцию 08.08.2025; одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

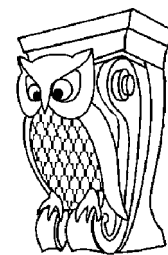
The article was submitted 08.08.2025; approved after reviewing 01.09.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 197–201
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 197–201
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-197-201>, EDN: JMCJY

Научная статья
УДК [141.336:28](575)|15/16|

Подражание Пророку ислама в позднесредневековом мавераннахрском суфизме

Л. Э. Исмоилов, С. У. Магомедова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420111, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55

Исмоилов Лутфулло Эшонович, кандидат исторических наук, доцент кафедры арабистики, исламоведения и афро-азиатских исследований Института международных отношений, истории и востоковедения, ismoilov-62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8675-349X>, AuthorID: 995816

Магомедова Сумбель Усмановна, старший преподаватель кафедры арабистики, исламоведения и афро-азиатских исследований Института международных отношений, истории и востоковедения, sabitova.sumbel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9514-3853>

Аннотация. В работе исследуется практика почитания Пророка ислама, широко распространенная среди суфиев разных мистических братств позднесредневекового Мавераннахра. Данная практика имела длительную историю в суфизме. Показано, что, опираясь на хадисную литературу, суфии в своей повседневной жизни стремились во всем подражать Пророку или соизмерять свои действия с его деяниями. Делается вывод о том, что мусульманские мистики своими актами почитания не только стремились выразить беспрекословное уважение к Пророку, но и старались совершенствовать и обновить свое благочестие и святость. Источниковедческой базой исследования послужили персоязычные мусульманские агиографические сочинения Мавераннахра, написанные в XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Мавераннахрский суфизм, почитание Пророка, подражание, пещера, хиджра, сновидение, шамал

Для цитирования: Исмоилов Л. Э., Магомедова С. У. Подражание Пророку ислама в позднесредневековом мавераннахрском суфизме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 197–201. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-197-201>, EDN: JMCJY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Imitation of the Prophet of Islam in late medieval Maverannahr Sufism

L. E. Ismoilov, S. U. Magomedova

Kazan (Volga Region) Federal University, 1/55 Pushkin St., Kazan 420111, Russia

Lutfullo E. Ismoilov, ismoilov-62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8675-349X>, AuthorID: 995816
Siumbel U. Magomedova, sabitova.sumbel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9514-3853>

Abstract. This paper examines the practice of venerating the Prophet of Islam, a practice widespread among Sufis of various mystical brotherhoods in late medieval Transoxiana. This practice has a long history in Sufism. It is shown that, drawing on hadith literature, Sufis sought to emulate the Prophet in their daily lives or to align their actions with his. It concludes that, through their acts of veneration, Muslim mystics not only expressed unquestioning respect for the Prophet, but also sought to refine and renew their piety and holiness. The source material for this study was Persian-language Muslim hagiographic works from Transoxiana, written in the 16th and 17th centuries.

Keywords: Maverannahr Sufism, veneration of the Prophet, imitation, cave, hijra, dream, shamail

For citation: Ismoilov L. E., Magomedova S. U. Imitation of the Prophet of Islam in late medieval Maverannahr Sufism. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 197–201 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-197-201>, EDN: JMCJY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Задача настоящего исследования состоит в анализе различных форм чрезмерного почитания Пророка ислама среди суфиев позднесредневекового Мавераннахра. Такая распространенная практика, наряду с другими строгими требованиями школы суфизма, является неотъемлемой частью самосовершенствования суфия

путем неукоснительного почитания и подражания Пророку. В этическом плане Пророк ислама являлся для суфиев образцом безупречного, идеального поведения и ориентиром в их повседневной жизни.

Тема особого почитания Пророка среди суфиев затронута более подробно в известной

работе М. Шодкевича [1], где он исследует вопросы статуса «прекрасного примера», который всецело принадлежит только Пророку, и образ «совершенного человека», воплощением которого является Пророк ислама. Далее, как справедливо отмечает М. Шодкевич, подражание Пророку для суфиев (и для большинства верующих) имело и имеет относительно внешний характер, но их благочестивое стремление не ограничивается этим. Они всячески стараются создать свой внутренний мир «в соответствии с идеальным примером» [1, с. 199–201].

Известно, что все идейное содержание хадисов заключается в призыве к подражанию Пророку (мутабиат). Суфии, в зависимости от различных жизненных ситуаций стремились руководствоваться хадисами о Пророке. Рассказы о Пророке (хадисы) – это образец того, как правильно строить и регулировать отношения в обществе. Суфии считали, что человек должен быть настоящим последователем пророка Мухаммада, так как, по их мнению, он является самым благонравным и воспитанным человеком. Они стремились последовать примеру Пророка и сосредотачивались на его поучительных эпизодах жизни. Одновременно среди суфиев бытовало изречение, что если кто-то любит Пророка и стремится подражать ему во всем, то должен готовиться к предстоящим вероятным трудностям.

По мнению средневекового историка Хафиз-и Таныш Бухари (умер в 1596 г.), существует особое правило ведения речи о суфиях: вначале необходимо сообщать об их генеалогии, затем об их достоинствах. При упоминании благочестивых особ на людей нисходит Божья милость. И главное – необходимо довести генеалогию суфия до Пророка – как знак его почитания [2, с. 107].

Исследователи суфизма отмечают, что суфии, как и все мусульмане, преклонялись перед благочестивым образом жизни Пророка, что считалось самым верным путем к обретению спасения в будущей жизни [3, с. 114]. Стоит отметить, что суфии придавали большое значение изучению жизнедеятельности и изречений Мухаммада, поскольку стремились во всем подражать его примеру и делать это наиболее точно. Известно, что само суфийское учение зиждется на следовании Корану и примеру Пророка, а также на подражании моральным качествам его сподвижников и известных в прошлом суфиев.

В этом контексте автор позднесредневекового житийного произведения (манакиб) «Зийа ал-кулуб» («Сияние сердца»), посвященного самаркандскому накшбандийскому шейху Ходже Исхаку Дахбиди (умер в 1599 г.), пишет, что нравственные качества этого шейха полностью совпадали с высокими нравственными качествами Пророка. Автор данного сочинения утверждает, что Его Святейшество обладал шамаилем

пророка Мухаммада (хазрат-и эшон шамоил-и Мухаммад пайгамбар доштанд) [4, л. 16 а]. Суфии были больше сосредоточены на вопросе сравнения и подражания. Жанр манакиб (мусульманское агиографическое сочинение) должен был служить эталоном для подражания. Прошлое для суфиев являлось подсознательным ориентиром, который формировал их мысли и действия о будущем. Им было свойственно естественное человеческое стремление мыслить линейно.

Суфии в качестве внешнего признака своего благочестия носили особую одежду, но некоторые из них доводили это до крайностей. Видимо, их внешне неряшливое, неопрятное одеяние вызывало неодобрение определенной части общества. Внешний облик дервишей и впечатления окружающих был контрастными. Вероятно, суфии предпочитали, чтобы скорее на их репутацию была брошена тень порицания (маломат), чем из-за почестей быть отверженными от Бога. Поэтому автор манакиба порицает этих посторонних «невежественных и невоспитанных людей» (беодобон), и в оправдание своей позиции констатирует, что пророк Мухаммад в свои последние годы одевался без особого соблюдения этикета (он беодобон намедонанд, ки Мухаммад пайгамбар дар авохир бетакаллуф либос мепушиданд) [5, л. 226 а]. Кстати, жить без искусственных форм общения и взаимоотношений (бетакаллуф зиндаги кардан) было одним из лозунгов позднесредневекового суфизма, который в свою очередь, мог противоречить принципам адаба.

В целом суфии стремились при выборе своей одежды, подражать (по их мнению) Пророку. Судя по хадисам, Пророк носил самую простую одежду: он был одет в два старых куса ткани: одним оборачивал ноги, другим свои плечи [6, с. 55].

Суфии даже при организации своего питания стремились подражать Пророку. В частности, пища Бахауд-дина Накшбанда состояла из плодов земледелия. Каждый год он сеял немного ячменя и маша (бобовое растение) и сам обрабатывал поля. Он употреблял ячменную муку, как делали в доме Пророка [7, с. 64].

Из контекста вышесказанного вытекает другая тема, вокруг которой часто и эмоционально обсуждается вопрос о подражании Пророку. Это тема «адаб» (свод поведенческих правил в исламе, и в частности, в суфизме). Хусейн Воиз Кошифи в своем сочинении «Футувват-намайи султони» («Царская благородность») перечисляет многочисленные формы, виды и условия адаба в зависимости от социальных связей: особенности нормы адаба с родственниками, соседями, чужими людьми и прочее [8, с. 72–77]. Тот, кто не усвоит и не соблюдает правил адаба, лишен милости Бога [9, с. 24–87]. Его обсуждение и интерпретации в различных житейских

ситуациях занимают важное место в мусульманских агиографических сочинениях. Их авторы утверждают, что все содержание и суть тасаввуфа есть адаб, который означает, в частности, стремление к порядку и осмысленности. Цель тасаввуфа – возвышение нравственности. Поэтому тасаввуф и адаб находятся в тесной взаимосвязи. Адаб отличает человека от других творений Всевышнего [10, с. 54–57].

На фоне бесконечных споров и дискуссий по поводу правильного поведения в мусульманском обществе пророк Мухаммад являлся образцом правил вежливости и учтивости (адаб). И все благочестивые люди, достигшие святости, достигли этих высоких степеней благодаря знанию вежливости и учтивости и главное, вследствие подражания Пророку.

Правило соблюдения адаба – это проявление благородного поведения в обществе, гармонизация речи и нрава. По мнению суфиев, благородное поведение в обществе является обязательным. Необходимо воспитывать хорошее, красивое поведение в социуме. Плохой поступок (беодоби) вызывает неодобрение среди истинных верующих. Далее, само понятие адаб означало вопросы индивидуальной и семейной этики в рамках религиозного понимания добра и зла.

Суфии не только вплоть до мелочей подражали благородным поступкам Мухаммада (шамаил), но и старались постоянно сохранять его образ в мыслях и ощущениях. У них происходили «духовные» встречи с Пророком, и при таких «встречах» Пророк давал им полезные советы по различным животрепещущим вопросам жизни. В частности, Пророк часто являлся в сновидениях суфиев и давал им соответствующие наставления. Когда вышеуказанный Ходжа Исхак Дахбиди вырос, он женился на дочери накшбандийского лидера Маулана Лутфулло Чустии (умер в 1573 г.), притом инициатором брака был сам Маулана, ибо однажды ему приснилось, будто пророк Мухаммад советует (талкин мекунад) ему выдать дочь за Ходжу Исхака [4, л. 54 а, б]. После этого сна Маулана Чустии пригласил Ходжу Исхака Дахбиди в ферганский город Ахсикет (Ахси), отдал за него дочь и объявил его полноправным суфийским шейхом.

По представлению автора манакиба, после смерти Пророка ислама единственным средством его связи с членами общины оставалось сновидение любого мусульманина, при помощи которого происходило постоянное общение между сторонами [11, р. 163–184]. Собственно, в большинстве суфийских биографических сочинений особую тематику составляет установление суфиями контактов с Пророком ислама через свои сновидения. Такие сны обычно имеют поучительное и рекомендательное значение [12, р. 10]. В жанре мусульманской агиографии

такая тематика сохранилась и в последующие века.

Следует отметить, что в мусульманских средневековых сборниках по сновидениям особо подчеркивается значение сна в жизни Пророка, особенно на раннем этапе его пророческой жизни. В них специально констатируется, что самое начальное качество, которым Всевышний отличил Пророка ислама, был сон. И первую благую весть (вахй) Пророк получает во сне [13, р. 57].

Обычно появление Пророка в сновидениях суфиев происходило при складывании различных непредвиденных ситуаций, допустим, при смерти какого-либо суфия, возникновении сложностей в жизни суфиев и прочее. Пророк давал советы суфиям при поиске подходящей невесты, напоминал им о постройке мечети или ханаки в какой-то конкретной местности, подсказывал суфию о его духовной зрелости и предстоящих задачах.

Известный мухаддис Абу Иса Мухаммад ибн Иса ат-Тирмизи (умер в 892 г.) посвятил последнюю главу своего труда «О видении Посланника Аллаха (мир ему и благословение Аллаха)» данному вопросу [6, с. 281]. В этой главе сборника хадисов речь идет о сновидениях близких к Пророку людей, во снах которых появляется Пророк и дает им нужные советы относительно возникших жизненных ситуаций. Основная особенность данной главы о видении Пророка выражается в следующем изречении самого Пророка: «Кто видел меня во сне, видел именно меня, потому что Сатана не может выступать в моем облике» [6, с. 282]. Этим изречением Пророка обеспечивается процесс взаимного духовного общения. Листы мусульманских агиографических сочинений пестрят рассказами о видении суфиями Пророка во сне и беседе с ним. Среди суфиев было распространено поверье, каким суфийским шейхам (машаих) удалось увидеть Пророка во сне. Одним из них был Ибн Араби, который получил свою книгу «Фусус ал-хукм» из рук Пророка [11, р. 180].

В общем, в ходе такого общения Пророк обычно давал разные советы и наставления мусульманам. Среди мусульманских мистиков существовало правило (кажется, негласное), как устанавливать контакт с Пророком. Чтобы установилась духовная связь с Пророком, человеку непременно надо выполнить ряд условий. Прежде всего, человек на ночь понеделника или пятницы должен в состоянии ритуальной чистоты тысячи раз прочитать суру «Кавсар» (Изобилие) и одновременно в таком же количестве произнести формулу салават. И главное, чтобы этот человек на протяжении своей жизни всегда употреблял только дозволенную еду.

Известные в то время суфии стремились во всем подражать Пророку, важным событиям

его жизни и деятельности. В частности, для суфиев событие хиджры (рассказ об уходе Пророка из Мекки и триумфальном его возвращении в город) и ее трактовки имело важное символическое значение¹. В 1549 г. шейх Хусейн Хорезми (известный руководитель братства, умер в 1551 г.) при отправлении из Самарканда в хадж тщательно старается, чтобы дата его отъезда совпадала именно с днем ухода Пророка из Мекки. Мавераннахские суфии-паломники во время хаджа мечтали и стремились непременно посетить те места и те культовые объекты, в которых когда-то пребывал Пророк, и найти там свою смерть.

История пребывания Пророка в пещере Хира стала для суфиев Мавераннахра важным примером для подражания. В частности, многие суфии из братства джахрийа пребывали в разбросанных пещерах вокруг Самарканда. Одним из них был джахритский суфий Куки-шейх б. Мустафа Ориф, родом из Алиабада (селение, лежащее по дороге из Самарканда в Джизак, расстояние от Алиабада до Самарканда – два фарсаха). Недалеко от этого селения находилась глубокая пещера, в которой долгое время жил Куки-шейх [5, л. 184 а–186 а].

Далее другой житийный пример. В 90-е гг. XV в. молодой Хусейн Хорезми первый раз приехал из Хорезма в Бухару и стал учеником шейха Джамал ад-дина Азизона (умер в 1513 г.) из братства джахрийа. Однако вскоре был вынужден уехать из города из-за недоброжелательного поведения некоторых адептов. Но спустя несколько лет Хусейн Хорезми, будучи уже популярным суфийским шейхом, приехал снова в Бухару. Здесь он первым делом произнёс проповедь в городской пятничной мечети при огромном стечении публики и прочитал суру «Инна Фатахна» (название суры в манакибе). Как пишет автор житийного сочинения «Джодат-ул-ошикин» (Широкая дорога влюбленных), посвященного вышеуказанному кубравийскому шейху, под влиянием эмоционального чтения этой суры многие присутствовавшие пришли в экстаз и впали в беспамятство. Вероятно, сила эмоционального воздействия той проповеди заключалась прежде всего в её речевом выражении, в чём проявлялось искусство проповедника [14, л. 104 б].

Известно, что главной победой Мухаммада стало завоевание Мекки, из которой он когда-то был вынужден бежать. Это событие отражено в откровении, которым начинается сура 48 «аль-Фатх» (Победа): «Мы даровали тебе явную победу» (инна фатахна лак фатхан мубинан). По мнению М. Пиотровского, в сурах Корана, в частности в суре 48, слово «фатх» имеет иное значение, чем «завоевание» и «военная победа».

Оно скорее означает «окончательное решение вопроса» [15, с. 75–85].

Автор «Джодат-ул-ошикин» сравнивает прибытие шейха Хусейна Хорезми в Бухару с кораническим событием и раскрывает успешную миссию последнего в Бухарском оазисе. Хотя в конечном итоге шейх Хусейн не обосновался в Бухаре, исторически у братства кубравийа в Бухарском оазисе были глубокие корни. Этот житийный сюжет еще раз указывает на такое распространенное явление в суфизме, как факт подражания Пророку в словах и делах. В таком же смысле приведен и сюжет о возвращении шейха Хусейна в Бухару.

Таким образом, суфии, как и другие практикующие мусульмане, в своей повседневной жизни стремились подражать Пророку при различных жизненных ситуациях, при общении с другими людьми, приеме еды, ношении одежды, посещении больного человека и прочее. Суфии всецело старались делать это более точно и последовательно. Подражание Пророку является частью теории мусульманской святости. Суфии стремились привести свое повседневное поведение в соответствие с той идеальной моделью, которая была присуща только Пророку.

Практическая сторона суфийского принципа подражания Пророку – это попытка возвращения к истинному, первоначальному исламу. Она нацелена на гармонизацию в первую очередь межличностных и социальных отношений в тогдашнем мусульманском обществе.

Список литературы

1. Шодкевич М. Модели совершенства в исламе и мусульманские святые // Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока / отв. ред. М. Т. Степанянц. М. : Наука, 1993. С. 199–218.
2. Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-нама-йи шахи : в 2 ч. / пер. с перс., введение, примечания и указания М. А. Салахетдиновой. М. : Наука, 1983. Ч. 1. 245 с.
3. Прозоров С. М. Пророк Мухаммад в суфийской традиции как совершенное воплощение мистической любви к Богу // Письменные памятники Востока. 2009. № 2. С. 114–125.
4. Мухаммад Аваз. Зийа ал-кулуб : рукопись (инв. № 122). Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН РТ.
5. Мухаммад Алим ас-Сиддики ал-Алави. Ламахат мин нафахат ал-кудс : рукопись (инв. № 1629). Национальная библиотека Таджикистана.
6. Абу Иса Мухаммад б. Иса ат-Тирмизи. Книга о благородных чертах Пророка Мухаммада Посланника Аллаха. Аш-шама'ил ал-Мухаммадийа / пер. с араб. А. Нирша. СПб. : Диля, 2007. 293 с.
7. Абул Мухсин Мухаммад Бакир ибн Али. Макаमत Ходжа Бахауддин Накибанд. Ступени суфийского

¹В истории ислама понятие «хиджра» имело разнообразное толкование в идейных трактовках его последователей.

- пути великого шейха Бахауддина Накшбанда / пер. с фарси Р. Х. Чепкунова. Уфа : Каусяр, 2013. 272 с.
8. Хусейн Воиз Кошифи. *Футувватномаи султони Ахлоки Мухсини*. Рисолаи «Хотамия». Душанбе : Адиб, 1991. 332 с.
 9. Мухаммад Садик Кашгари. Кодекс приличий на Востоке / пер. с тюркского Н. Лыкошин // Сборник материалов по мусульманству : в 2 т. / ред. В. П. Наливкин. Ташкент : Тип. Братья Перцевых, 1900. Т. 2. С. 24–87.
 10. Якупов М. Т., Шутова Н. С. Адаб как нравственный компонент исламской культуры // *Исламоведение*. 2012. № 2. С. 54–57.
 11. *Mohsen Mohamadi Fashoraki, Mohamad SHahormahali. Tajalii payambar dar khobi sufiya. Motoleoti 'erfoni*. 1391 (2012). № 15. P. 163–184.
 12. *Ahmad Rezai, Baha'addin Eskandari. Tahlili khobhoi sufiyon dar Resolai Qosheyri // Faslnamei adabiyat erfani ve ostoreshenosi*. 1393 (2014). № 34. P. 67–92.
 13. *Khobgozori: Matne qadime ba asosi noskhai monhasir / bo tashih va moqadimae Iraj Afshor. Tehron : Intishoroti bonyodi farhangi Iron, 1346 (1967)*. 455 p.
 14. *Шариф ад-дин Хусейн Хорезми. Джодат-ул-ошикин : рукопись (инв. № 1838)*. Национальная библиотека Таджикистана.
 15. *Пиотровский М. Б. Коранические сказания*. М. : Наука, 1991. 219 с.

Поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 18.10.2025;
принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 18.10.2025;
accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 202–207

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 202–207

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-202-207>, EDN: NBXTIH

Научная статья

УДК 342.8(410)|18|:930(470+571)|18/19|

Процессы демократизации в Великобритании XIX в. в работах историков «русской исторической школы» конца XIX – начала XX в.

Е. О. Науменкова

Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет, Россия, 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 14

Науменкова Екатерина Олеговна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, enaumenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5692-5913>, AuthorID: 1018954

Аннотация. В статье проанализированы взгляды дореволюционных историков конца XIX – начала XX в. на демократизацию Британской избирательной системы через три парламентских реформы 1832, 1867 и 1884 гг. Делается вывод, что данные реформы рассматривались представителями «русской исторической школы» в контексте общего политического развития страны. Выявлено, что наибольшее внимание историки уделяли первой парламентской реформе 1832 г., которой приписывали революционное значение, тогда как последующие реформы рассматривались более фрагментарно. Констатируется, что в целом исследователи высоко оценивали все три парламентские реформы, видя в них шаги, приближавшие Великобританию к системе представительной демократии. Выявлено, что в отношении третьего билля о правах 1884–1885 гг. мнения разделились: одни исследователи считали его введением принципа всеобщего избирательного права, другие – продолжением ранее начатых преобразований.

Ключевые слова: Кареев, Мижуев, Виппер, Ковалевский, Дерюжинский, Острогорский, Великобритания, демократизация, избирательные реформы

Для цитирования: Науменкова Е. О. Процессы демократизации в Великобритании XIX в. в работах историков «русской исторической школы» конца XIX – начала XX в. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 202–207. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-202-207>, EDN: NBXTIH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The processes of democratization in Britain in the works of pre-revolutionary historians

Е. О. Naumenkova

Saint Petersburg State University of Chemistry and Pharmacy, 14 St. Professora Popova, Saint Petersburg 197376, Russia

Ekaterina O. Naumenkova, enaumenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5692-5913>, AuthorID: 1018954

Abstract. The article examines the views of historians of the late XIX and early XX centuries on the democratization of the British electoral system through three parliamentary reforms in 1832, 1867 and 1884. It is concluded that these reforms were considered by representatives of the “Russian historical school” in the context of the general political development of the country, without deep analysis. It is revealed that historians paid the most attention to the first parliamentary reform of 1832, which was attributed a revolutionary significance, while the subsequent reforms were considered more fragmentary. It is stated that, in general, researchers highly appreciated all three parliamentary reforms, seeing them as steps that brought the Great Britain closer to a system of representative democracy. However, opinions were divided regarding the reform of 1884–1885: some considered it to be the introduction of the principle of universal suffrage, while others considered it to be a continuation of earlier reforms.

Keywords: Kareev, Mizhuev, Whipper, Kovalevsky, Deryuzhinsky, Ostrogorsky, Great Britain, democratization, electoral reforms

For citation: Naumenkova E. O. The processes of democratization in Britain in the works of pre-revolutionary historians. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 202–207 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-202-207>, EDN: NBXTIH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Отечественная историческая наука конца XIX – начала XX в. занимала ведущие позиции в мире в области англоведения. В фокусе внимания её представителей Н. И. Кареева, М. М. Кова-

левского, П. Г. Мижуева и др. находился широкий круг проблем: колониальная политика, социально-экономическое и политическое развитие страны. Придерживаясь умеренно-либеральных

взглядов, исследователи, естественно, интересовались формированием парламентаризма. В своих научных трудах историки популяризировали демократические институты, анализировали возможность применения зарубежного опыта на российской почве, проводили аналогии и сравнения с отечественными реалиями. В свете создания в России Государственной думы и предоставления населению Манифестом 17 октября 1905 г. гражданских прав и свобод процесс становления демократии в Британии стал особенно актуальным. М. М. Ковалевский в предисловии к курсу лекций для студентов Санкт-Петербургского университета писал: «Если в 80-х гг. протекшего столетия вопрос о происхождении и начальном периоде в развитии конституционных учреждений был коренным, то в настоящее время, — когда у нас имеется уже, правда, пока один остов представительных учреждений и много обещаний насчет обращения его в живой организм, — задача преподавателя государственного права европейских держав рисуется мне в несколько ином свете. Мне кажется, что ему (преподавателю. — Е. Н.) необходимо сопоставлять только что возникшие у нас порядки с теми, какие существуют или существовали еще недавно на западе Европы или Америке» [1, с. 4]. Поэтому вполне естественно, что избирательные реформы 1832 г., 1867 г. и 1884 г., становление тайного голосования нашло отражение в работах вышеназванных исследователей. В данной статье мы ставим задачу проанализировать их взгляды на реформирование избирательного права.

Давая обзор всем трем избирательным реформам, наибольшее внимание дореволюционные исследователи уделяли Великой реформе 1832 г. Так, П. Г. Мижуев и Н. И. Кареев даже посвятили ей отдельную главу в своих научных трудах [2, 3]. Анализируя причины реформирования системы парламентского представительства, ученые прежде всего обращали внимание на изменения, вызванные промышленным переворотом конца XVIII — начала XIX в. Избирательное право, основанное на архаичных средневековых принципах, не соответствовало более тем бурным изменениям, под влиянием которых «старая добрая Англия» стремительно превращалась в «мастерскую мира». Депутатский корпус избирался преимущественно из южной Англии «в старину самой населенной и богатой части королевства» [4, с. 12]. С развитием промышленности на севере Англии, богатом углем, необходимым для машин, вырос ряд крупных фабричных городов, таких как Манчестер, Бирмингем, Лидс. Тогда как «гнилые местечки» посылали по два депутата, динамично развивающиеся города были практически лишены представительства в палате общин. Хрестоматийным примером служит район Корнваллис, где 13 сёл посылали в парламент больше депутатов, чем все промышленные

города Великобритании вместе взятые. Характеризуя коммонеров конца XVIII — начала XIX в., М. Я. Острогорский справедливо отмечал, что в основном они «обязаны были своим избранием патронам, их рекомендации или их прямому назначению и, понятно должны были вотировать в палате согласно их желаниям. Дорожившим своей независимостью оставалось только открыто купить свое депутатское звание за деньги в городах, где избрание депутатов было наследственной привилегией небольшой плебейской группы» [4, с. 11].

Стремление представителей зарождавшихся новых классов — буржуазии и пролетариата — отстаивать свои требования через парламент, стало важнейшей причиной реформирования избирательного права. Однако исследователи справедливо подчеркивали, что стремление к реформированию избирательной системы было единственной точкой соприкосновения между этими классами. В целом буржуазия со временем все больше и больше склонялась к альянсу с аристократией [2, с. 73; 3 с. 79–80; 5, с. 405]. В числе стимулов к проведению парламентской реформы историки называли смерть консервативного Георга IV и вступление на престол либерального Вильгельма IV; реакцию правящей элиты Великобритании на июльскую революцию во Франции и поддержку революции радикальной и либеральной частью британского общества; осознание передовой общественностью, включая часть аристократии, необходимости обновления состава палаты общин. Давление на парламентариев оказала и активная агитация на митингах и со страниц прессы. Ведущую роль в народном движении сыграл крупный промышленный город — Бирмингем, где после июльской революции во Франции был создан «Политический союз для защиты народных прав», организовавший первый крупный митинг в поддержку реформы. Затем проведение многотысячных митингов было подхвачено другими крупными промышленными городами. Ситуацию обострял экономический кризис 1829–1830 гг., сопровождавшийся безработицей и неурожаем, что, с одной стороны, провоцировало беспорядки в стране, с другой — стимулировало общественное движение за реформу, с которой рабочие связывали самые радужные надежды на улучшения своей судьбы [3, с. 85, 87; 4, с. 17–18]. Определенную роль сыграла и эмансипация католиков, открывшая перед последними двери парламента и заставившая тори опасаться, «как бы католики не скупили все “гнилые местечки” и не приобрели большинство в палате общин» [2, с. 73–76; 3, с. 73, 79–80, 84–86]. Проводя параллели с российскими реалиями, П. Г. Мижуев с горечью отмечал, что даже после Манифеста 17 октября Россия не получила такой свободы собраний и союзов, которая была предоставлена ирландцам¹ по акту об эмансипации католиков 1829 г. [3, с. 77].

Представляет интерес попытка последнего разобраться в причинах, по которым англичане долго мирились с отсутствием перемен и анахронизмом избирательной системы. Прежде всего, по мнению П. Г. Мижужева, английская аристократия не была сплошь реакционной по своему составу и «проникнута враждой к народу». Данный тезис он обосновывает тем, что через парламент проводились весьма прогрессивные законопроекты в интересах народа. Кроме того, англичане имели возможность воздействовать на правительство с платформ, со страниц прессы, через собрания и тред-юнионы. Следовательно, стремясь удержаться у власти коммонеры были вынуждены идти на постоянные серьезные уступки народу. В качестве примера, П. Г. Мижуев называет билли о подвижной шкале хлебных законов 1828 г. и эмансипации католиков 1829 г. [3, с. 84–85].

Исследователи высоко оценивали значение парламентской реформы 1832 г., видя в ней «грань, отделяющую старую Англию от новой» [4, с. 10–11]. Реформа заключалась в расширении избирательных прав на новые категории подданных и перераспределении избирательных округов. Число избирателей возросло почти в 2 раза, с 344 250 человек до 620 тыс. человек. Изменилось само восприятие избирательного права. Если раньше, по словам М. Я. Острогорского, оно было «личной привилегией, именным правом», то «реформа 1832 г. сделала из него право на предъявителя» [4, с. 17]. Избирателем теперь становился каждый, кто владел недвижимостью и уплачивал определенный ценз. Однако главное новшество заключалось в том, что произошло уравнивание прав разных форм собственности.

В результате перераспределения было ликвидировано 56 «гнилых местечек», 42 крупных промышленных города – Манчестер, Бирмингем, Лидс и др. – получили право посылать своих представителей в парламент [6, с. 121]. Н. И. Кареев полагал, что виги провели перераспределение парламентских округов исключительно в своих интересах и ликвидировали прежде всего те «гнилые местечки», которые посылали в парламент тори. Отчасти этим ученый объясняет последующее длительное нахождение вигов у власти [2, с. 77]. Реформа открыла доступ к парламентским креслам представителям среднего класса с либеральными принципами, фактически отсутствовавшими у господствовавшей ранее поземельной аристократии. Этим исследователи объясняют ряд мер либерального характера, принятых министерством Грея и Мельбуерна. Прежде всего, в 1833 г. было отменено рабство во всех английских колониях. Принятый в том же году закон о фабриках положил начало рабочему законодательству. Запрещался труд детей младше 9 лет, продолжительность рабочего дня детей 9–13 лет составляла не более 8 часов в день,

подростков 13–18 лет и женщин – не более 12 часов. Закон также обязывал детей младше 13 лет посещать школу по 2 часа в день. Важной стороной акта стало образование фабричной инспекции для контроля за соблюдением закона и наложения штрафов.

Новый парламент обратил внимание на развитие образования. И хотя на постройку новых школ было выделено всего лишь 20 000 ф. ст., П. Г. Мижуев подчеркивал, что тем самым английское правительство в первый раз признало за собой обязанность оказывать материальную поддержку делу народного образования, которое до этого было всецело частной инициативой [3, с. 194]. В. Ф. Дерюжинский подводит итог таким образом: «В своей политике реформированный парламент стал более либеральным и прогрессивным, более активным и восприимчивым к влиянию общественного мнения, более чутким ко многим вопросам, которые прежде даже не могли возникать» [7, с. 189–190].

Исследователи обращали внимание и на значительные изменения в политической культуре выборов: открытый подкуп избирателей и продажа мест в парламенте постепенно стали уходить в прошлое. И хотя полностью победить коррупцию не удалось – сохранялись косвенные способы подкупа избирателей и давления на них со стороны лендлордов и владельцев фабрик – в целом предвыборная атмосфера на выборах стала гораздо более здоровой [2, с. 84].

Не прошло мимо внимания ученых и изменение состава парламента – аристократия постепенно начала размываться буржуазией. Последняя, получив допуск к избирательным урнам, стала активно отстаивать свои интересы в палате общин, ведя борьбу с набиравшим силу рабочим движением и все больше склоняясь к альянсу с аристократией. Таким образом, буржуазия быстро забыла, что «билль 1832 г. был вынесен на плечах рабочих», принимавших активное участие в общественном движении за реформу [2, с. 73, 79–80, 84; 4, с. 19; 5, с. 189–190, 402–405; 7, с. 101].

П. Г. Мижуеву революционное значение реформы виделось в изменившихся отношениях между палатами парламента – палата общин стала занимать доминирующее положение. Лорды отныне могли лишь отсрочивать законопроекты, одобренные нижней палатой, но в конце концов были вынуждены их принимать [3, с. 99], поскольку за палатой и министерством стояла народная поддержка. Таким образом, исследователь отмечает, что «в неписаную английскую конституцию был внесен новый и важный элемент». Сильное влияние реформа 1832 г. оказала на характер и лозунги партий. Так, передовая часть тори под предводительством Р. Пиля поспешила заявить о поддержке нового порядка, отмежеваться от «отживших принципов торизма»² и стала называть

себя консерваторами. Виги, не желавшие связывать себя с радикалами, взяли себе название либералы³ [3, с. 103].

Обращает на себя внимание сравнение Н. И. Кареевым британского и континентального консерватизма. Тогда как британские консерваторы после проведения реформ не просто смирились со сложившимся порядком, а выступали его защитниками, консерваторы на европейском континенте представляли в роли реакционеров, выступающих за ликвидацию нововведений и возврату к отжившим формам [2, с. 85]. Положительно оценивая парламентскую реформу 1832 г., ученые признавали ограниченность франшизы, по-прежнему считавшейся привилегией, принадлежащей графствам, городам или обладателям высокого имущественного ценза и исключавшей основную массу населения. Данное обстоятельство, как справедливо замечали историки, уже спустя несколько лет вылилось в чартистское движение конца 1830-х – начала 1840-х гг. [2, с. 84–85; 3, с. 102; 4, с. 19–20]. Кроме того, по мысли Н. И. Кареева, реформирование политической системы оказало влияние на внешнюю политику Великобритании, поскольку произошло сближение с Францией – государством с конституционной формой правления [2, с. 77].

Вторая половина XIX в. была отмечена дальнейшей демократизацией избирательной системы. Смерть лорда Пальмерстона в 1865 г., бывшего противником любых внутривыборных реформ, открыла дорогу сторонникам реформирования избирательной системы. На следующий год, в условиях нарастающего общественного движения, проходившего под лозунгом всеобщего избирательного права, либеральный кабинет лорда Рассела внес проект снижения избирательного ценза для городских избирателей с 10 до 7 ф. ст. Отсутствие единства в либеральном лагере и усилия оппозиции привели к провалу билля и отставке правительства. Пришедшие к власти консерваторы поначалу отложили рассмотрение данного вопроса, однако, как верно было отмечено исследователями, под влиянием «грандиозных народных митингов», стремясь заполучить голоса новых избирателей [3, с. 215; 8, с. 415], приступили к преобразованиям. Ключевую роль сыграло, по мнению П. Г. Мижужева, стремление консервативной партии, и прежде всего Дизраэли, любой ценой удержаться у власти после отставки либералов. Этим он объясняет внесение в парламент проекта билля, гораздо более радикального, нежели проект, внесенный ранее либералами.

В итоге в 1867 г. консервативный кабинет Дерби-Дизраэли провел новую избирательную реформу. Важную роль в ее проведении ряд исследователей отводил лидеру оппозиции Гладстону, сумевшему заставить консерваторов внести в билль ряд серьезных поправок [5, с. 522; 7, с. 215, 260]. Суть реформы сводилась к следующему: некоторые «гнилые местечки» лишились сво-

его представительства в парламенте, и их места были переданы крупным городам. Избирательный ценз в городах был понижен с 10 до 6 ф. ст. Таким образом, в состав выборщиков были включены городские рабочие, жившие в отдельных квартирах. В данной реформе историки видели важный шаг в сторону демократии, отмечая, что произошло не просто увеличение избирателей⁴, но и вступление «в парламент людей мелкого дохода и чисто трудовых профессий» [5, с. 522]. В то же время историки осознавали, что избирательное право по-прежнему оставалось привилегией, и до введения всеобщего избирательного права было еще очень далеко [7, с. 217; 8, с. 415].

Важным аспектом в процессе демократизации исследователи считали введение тайного голосования в 1872 г. Прежняя открытая подача голосов часто «совершенно искажала идею народного представительства», поскольку рабочие и мелкие служащие из-за боязни лишиться места не могли выбирать кандидата, ориентируясь лишь на личные предпочтения [3, с. 217, 416; 10, с. 51].

Кульминационным моментом в процессе демократизации стала парламентская реформа 1884–1885 гг., причины которой виделись в намерении все более набирающих политическую силу тред-юнионов ввести своих представителей в палату общин и стремлении обеих партий приобрести симпатии и голоса нарастающего рабочего движения [3, с. 415; 5, с. 522]. Среди других причин П. Г. Мижуев выделяет необходимость исполнения предвыборных обещаний Гладстона во время Мидлотианской кампании [3, с. 260], а Р. Ю. Виппер был убежден, что лидер либералов «спешил с проведением реформы для всех частей государства, чтобы примирить в демократическом порядке все слои населения» [5, с. 529].

Реформа быстро прошла через палату общин, однако встретила отпор в верхней палате, большинство в которой было в руках консерваторов, требовавших внесения билля о франшизе одновременно с биллем о перераспределении мест. Поскольку либералы отказались рассматривать вкуче два билля, ситуация зашла в тупик и грозила перерасти в серьезный конфликт между палатами. В сложившейся ситуации ведущую роль в примирении сторон дореволюционные историки единогласно отводили королеве Виктории. Так, монархиня выступила в качестве парламентаря и настояла на неформальной встрече лидеров консервативной и либеральной партий (Солсбери и Норткота – с одной стороны и Гладстона и Гривилля – с другой), для выработки компромиссного решения. По мнению ученых, королева, оказав давление на Солсбери, фактически вынудила его встретиться с Гладстоном и пойти на компромисс. В итоге, соглашение между партиями было достигнуто, конституционный конфликт удалось предотвратить. Подмечая такт и чисто британское

самообладание, проявленное обоими лидерами в ходе решения данного вопроса, симпатии исследователей все же были на стороне «великого старца» Гладстона, что можно объяснить либеральными взглядами ученых [9, с. 332–333].

Парламентская реформа 1884–1885 гг., так же как и предыдущие реформы, заключалась в расширении электората и перераспределении избирательных округов. Была введена единая система представительства – жители сельской местности были уравнены в правах с горожанами. В избирательный корпус были включены сельскохозяйственные рабочие и мелкие фермеры, имеющие ценз оседлости в течение 12 месяцев. В итоге число избирателей удвоилось и возросло до 5 700 000 чел.⁵

Закон о перераспределении изменил границы 170 округов и создал 12 дополнительных. Вся территория страны была разделена на одномандатные округа. Исключение составляли несколько крупных городов, Лондон-Сити и элитные университеты – Оксфорд, Кембридж и Дублин, посылавшие двух депутатов [6, с. 152]. М. Я. Острогорский, характеризуя реформу, писал: «И избирательное право, и представительство были почти выравнены, основное различие между городскими и сельскими избирательными округами, считавшиеся почти конституционным догматом, было стерто, и вся традиционная английская система “местного” представительства, рассматривавшая каждую местность как организационное целое, независимо от ее населения, окончательно стухивалась перед системой арифметического представительства» [4, с. 60].

Давая оценку избирательной реформе, большая часть исследователей (Р. Ю. Виппер, В. Ф. Дерюжинский, П. Г. Мижухев) несколько преувеличивали ее значение, полагая, что, хотя принцип всеобщего голосования не был объявлен, билль 1884 г. стал равноценен введению всеобщего избирательного права и завершил процесс демократизации британской политической системы. Р. Ю. Виппер полагал, что данная мера «полностью соответствовала моменту и времени». Более критично реформу оценивали Н. И. Кареев и М. Я. Острогорский. Они хотя и признавали, что реформа серьезно демократизировала английскую избирательную систему, все же всеобщее избирательное право введено не было. Оно по-прежнему оставалось привилегией владельцев собственности, а не правом каждого гражданина. Реформа лишь уравнивала условия получения избирательных прав для городских и сельских жителей. Среди недостатков избирательной системы исследователи называли множественное голосование, запутанную систему регистрации выборщиков, ценз оседлости, наличие недвижимости. Причины ограниченного характера преобразований 1884–1885 гг. ученые отчасти объясняли необходимостью правительства Гладстона пойти на компромисс с консерваторами

с целью предотвращения серьезного конституционного конфликта [4, с. 61–62; 8].

Расширение избирательного права и включение в электорат значительного количества новых выборщиков оказывало серьезное влияние на политику парламентских партий, их лозунги, программы, вынуждало партийных лидеров совершенствовать организацию. Данный процесс находит освещение в работах Н. И. Кареева и особенно М. Я. Острогорского. Исследователи отмечали, что формирование партийно-политических структур началось в ответ на Великую реформу 1832 г. с появлением Карлтон и Реформ клубов – первых партийных клубов и «центров объединения политической деятельности» [10, с. 104–105]. До этого «единственные партийные организации общенационального характера имелись только в недрах самого парламента, и депутаты, входившие в состав его партий, оставались совершенно независимыми от своих избирателей» [11, с. 323]. Ограниченность электората приводила к тому, что «избиратели представляли собой только личный кортеж соперников, вступивших в единоборство, они были как бы их вассалами или продавались им за деньги в день выборов» [11, с. 323]. Парламентская реформа заставила партии пересмотреть свои взгляды и начать взаимодействовать с выборщиками.

Особое внимание вышеназванные исследователи уделяли Бирмингемской организации, целью которой было создание сплоченной либеральной организации и помощь кандидатам на выборах в парламент. Бирмингемский опыт стал быстро распространяться по стране, что способствовало победе либералов на выборах 1868 и 1880 гг. Консерваторы также понимали необходимость трансформации партийной системы и создавали свои ассоциации, объединенные в 1867 г. в «Национальный союз консервативных и конституционных ассоциаций».

Анализируя организационную структуру, Н. И. Кареев явно симпатизирует либералам, поскольку бирмингемская модель подразумевала равенство «голоса последнего бедняка ... и голоса первого богача» [11, с. 327], тогда как Национальный союз консерваторов виделся ему излишне аристократически-иерархическим. Исследователь подчеркивает, что «патроны» по большей части были лордами, герцогами, а в исполнительном совете организации наряду с делегатами местных ассоциаций видную роль играли члены, попавшие в него не по избранию. Более того, стремясь избежать смешения представителей обеспеченных слоев (обеспеченной публики) с рабочими, консерваторы для последних создавали отдельные клубы. В этом историк видит определенный снобизм тори, который «не совсем гармонировал с национальной теорией Дизраэли» [8, с. 566.].

Острогорский в свою очередь весьма настойчиво относился к созданию разветвленной партийной организации. «Кокус... становится фракционной крепостью для группы, полной сектантского духа», он становится все более нетерпимым и притязательным, поскольку «народная форма его организации дает ему повод выдавать себя за единственного и законного представителя либеральной партии» [10, с. 127]. Диктат партийных ассоциаций виделся ученому прежде всего в подборе и назначении кандидатов для парламентских выборов, которые должны были беспрекословно выполнять волю партии и следовать строгой партийной дисциплине, теряя свое мнение и свою индивидуальность. Следовательно, статус депутата менялся, он больше не был народным избранником, выразителем их чаяний и интересов, а представлял собой «делегата, агента для поручения, получающего приказы от партии, или выражаясь более конкретно от лидеров» [10, с. 331].

Итак, подведем итоги. Парламентские реформы XIX в. рассматривались представителями «русской исторической школы» в контексте общего политического развития страны. Наибольшее внимание историки уделяли первой парламентской реформе 1832 г., которой приписывали революционное значение. Последующие избирательные реформы 1867 и 1884 гг. рассматривались более фрагментарно. Основная причина реформы 1832 г. историкам виделась в изменениях, вызванных промышленным переворотом и стремлением английской буржуазии стать полноправным участником политического процесса. Причины последующих реформ крылись в намерении все более набирающих политическую силу тред-юнионов ввести своих представителей в палату общин и стремлении обеих партий приобрести симпатии и голоса набиравшего силу рабочего движения.

Важной особенностью британской политической культуры ученые считали политическую активность населения, под воздействием которой власть предрешающие были вынуждены проводить социально-экономические и политические преобразования. В целом исследователи высоко оценивали все три парламентские реформы, приближавшие страну к представительной демократии. Однако в отношении третьего билля о правах 1884–1885 гг. мнения разделились. Одни видели в нем введение принципа всеобщего избиратель-

ного права, другие рассматривали ее лишь как продолжение начатых прежде преобразований.

Примечания

- ¹ Большинство ирландцев были католиками.
- ² Имелось в виду категорическое непринятие реформ и отстаивание исключительно интересов крупных землевладельцев.
- ³ Либералы в том момент полагали, что билль о реформе составляет предел, до которого может быть допущено участие народа в управлении страной. Радикалы же выступали за дальнейшие коренные преобразования.
- ⁴ Количество избирателей было увеличено на 1 млн и стало составлять примерно 2.5 млн человек.
- ⁵ В 1880 г. было зарегистрировано 3 млн избирателей, в 1886 г. их число достигло почти 6 млн.

Список литературы

1. Ковалевский М. М. Государственное право Англии. СПб. : Типография Богданова, 1906. 321 с.
2. Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время : в 7 т. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1898. Т. 5. 888 с.
3. Мижуев П. Г. Политическая история Англии в XIX веке. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1908. 280 с.
4. Острогорский М. Я. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека. Пг. : Типография П. П. Усова, 1916. 183 с.
5. Винтер Р. Ю. Новая история. 1500–1917 гг. М. : Мир, 1919. 594 с.
6. Айзенштадт М. П. Британия нового времени. Политическая история. М. : Книжный дом Университет, 2007. 203 с.
7. Дерюжинский В. Ф. Из истории политической свободы. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1906. 333 с.
8. Кареев Н. И. Общий курс истории XIX века. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1910. 415 с.
9. Науменкова Е. О. Российские дореволюционные историки и публицисты о третьей парламентской реформе (1884 г.) в Великобритании // Британия: история, культура, образование. Тезисы докладов международной научной конференции 28–29 мая 2008 г. / сост. и отв. ред. А. Б. Соколов. Ярославль : ЯГПУ, 2008. С. 331–333.
10. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М. : РОССПЭН, 2010. 757 с.
11. Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время : в 7 т. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1898. Т. 6. 630 с.

Поступила в редакцию 19.09.2025; одобрена после рецензирования 28.10.2025; принята к публикации 10.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 19.09.2025; approved after reviewing 28.10.2025; accepted for publication 10.01.2026; published 30.06.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 208–212

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 208–212

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-208-212>, EDN: MOMQQC

Научная статья

УДК [327.81:061](73)|1961|+929Кеннеди

Джон Кеннеди и становление USAID

С. Ю. Шенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>, AuthorID: 71950

Аннотация. Статья посвящена изучению роли президента США Джона Кеннеди в разработке и становлении Американского агентства международного развития в начальный период его президентства. Основное внимание уделяется идеологическим подходам Кеннеди к проблеме места стран третьего мира в планах построения глобальной экономики, а также его представлениям и законодательной активности в отношении становления AID как главного инструмента глобализации.

Ключевые слова: Дж. Кеннеди, Агентство международного развития, прогрессизм, страны третьего мира, «помощь развитию», Закон об иностранной помощи 1961 г., Фонд займов развития, Экспортно-импортный банк

Для цитирования: Шенин С. Ю. Джон Кеннеди и становление USAID // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 208–212. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-208-212>, EDN: MOMQQC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

John F. Kennedy and the rise of USAID

S. Yu. Shenin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergei Yu. Shenin, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>, AuthorID: 71950

Abstract. The article is devoted to the study of the role of John F. Kennedy in the development and formation of the American Agency for International Development in the early period of his presidency. The main focus is on Kennedy's ideological approaches to the problem of the place of the Third World countries in the plans for building a global economy, as well as his ideas and legislative activity regarding the formation of AID as the main instrument of globalization.

Keywords: John F. Kennedy, Agency for International Development, progressivism, Third World countries, "development aid", the Foreign Aid Act of 1961, Development Loans Fund, Export-Import Bank

For citation: Shenin S. Yu. John F. Kennedy and the rise of USAID. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 208–212 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-208-212>, EDN: MOMQQC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одним из самых заметных событий в США и мире, связанных с приходом к власти в 2025 г. новой администрации Д. Трампа, стала ликвидация в Вашингтоне Американского агентства международного развития (United States Agency for International Development, USAID). По словам нового президента, это произошло потому, что им руководили «радикальные безумцы» из Демократической партии, а одна из соратниц Трампа, М. Т. Грин, откровенно заявляла, что организация «годами финансировала смену режимов по всему миру» [1]. Тем не менее хотелось бы отметить, что, не имея устойчивой двухпартийной основы, подобная организация не смогла бы

функционировать на протяжении более чем шести десятилетий.

Агентство международного развития было сформировано в 1961 г. по инициативе только что пришедшего в Белый дом президента-демократа Дж. Кеннеди. Предназначение этой структуры заключалось в оказании помощи слаборазвитым странам. Конечно же, Кеннеди был не первым руководителем США, который был обеспокоен этой проблемой. Начало американской государственной помощи отстающим странам относят, как правило, к 1949 г., когда президентом Г. Трумэном была инициирована программа «пункта-4», которая получила на тот

момент очень скромное финансирование. Однако на протяжении следующего десятилетия, особенно в период президентства Д. Эйзенхауэра и под предлогом необходимости сдерживания коммунизма, финансирование помощи резко выросло и составило около 5 млрд долл. Такая сумма потенциально была способна стать серьезным фактором решения многих важнейших задач внешней политики США.

Проблема заключалась в том, как использовать эти деньги. Если республиканская администрация Эйзенхауэра была нацелена на применение помощи для решения срочных задач борьбы с экспансией Москвы в регионе стран третьего мира, а также продвижения там американских экономических интересов (концепция «взаимной безопасности»), то Кеннеди представлял себе использование инструмента помощи иначе.

Необходимо отметить, что Дж. Кеннеди являлся одним из лидеров прогрессистского крыла Демократической партии. Данная политическая группировка ориентировалась на цели и идеалы либерального глобализма, т. е. задачей номер один для ее членов была не победа в холодной войне и ликвидация социалистического лагеря, а построение основ глобального и универсального миропорядка, в первую очередь экономического, в рамках которого страны третьего мира должны играть важнейшую роль. Как предполагалось, распространение на этот регион принципов свободного рынка и либеральной демократии приведет к укреплению суверенитета освободившихся государств и росту уровня жизни населения, что обеспечит их прочные экономические и политические связи с Соединенными Штатами и Западом в целом (концепция «помощи развитию»). В качестве побочного результата можно было ожидать снижения популярности идей социализма, остановку «советского экономического наступления» и в конечном итоге – победу США в глобальном конфликте.

В контексте особого видения глобальной стратегии Вашингтона у новой администрации сформировалось и свое собственное представление о роли помощи. Если для республиканцев-консерваторов она была второстепенным инструментом во внешнеполитическом арсенале, то у Кеннеди экономическая помощь становилась главным оружием формирования глобализации и обеспечения американской гегемонии. В представлении нового президента она должна способствовать развитию, а не решать политические задачи в рамках конфликтов, которые вели США. И для того, чтобы сделать это оружие по-настоящему эффективным, он сразу после прихода к власти предпринял важнейшие организационные шаги. В первую очередь это касалось создания новой административной структуры иностранной помощи.

Необходимо отметить, что к моменту прихода в Белый дом Дж. Кеннеди программа аме-

риканской помощи уже прошла определенную эволюцию структурных трансформаций. При этом характер этой эволюции напоминал колебания маятника, т. е. помощь неоднократно меняла свою направленность – с проблем социально-экономического развития на вопросы военно-политического характера и обратно. Если в 1949 г. в рамках программы «пункта-4» президенту Г. Трумэну удалось направить скудные ресурсы на решение проблем развития слабо развитых стран через так называемую Администрацию технического сотрудничества (Technical Cooperation Administration, TCA), то сразу после начала Корейской войны его оппоненты из Демократической партии сумели переориентировать программу на решение вопросов военной безопасности, создав для этого могущественное Агентство национальной безопасности (Mutual Security Agency, MSA). Затем, в 1954 г., либеральное крыло республиканской администрации Д. Эйзенхауэра смогло добиться создания новой структуры – Администрации зарубежных операций (Foreign Operation Administration, FOA) и снова направить помощь на поддержку экономического развития стран третьего мира. Однако реванш консерваторов не заставил себя ждать – уже в 1955 г., создав Администрацию международного сотрудничества (International Cooperation Administration, ICA), они вновь изменили направленность американской помощи в сторону обеспечения краткосрочных интересов корпоративного сектора и борьбы с «коммунистической угрозой».

В конечном итоге ICA, сделав на протяжении второй половины 1950-х гг. несколько политико-экономических разворотов, досталась администрации Кеннеди. В начале 1961 г. во главе этой структуры стоял Г. Лабуазье, который являлся сторонником стратегических идей нового президента и концепции «помощи развитию». Однако Кеннеди считал, что в существовавшем виде ICA не сможет обеспечить реализацию его радикальных планов, поскольку многие виды американской зарубежной экономической помощи также предоставлялись автономно в рамках таких структур, как Фонд займов развития (Development Loan Fund, DLF), Экспортно-импортный банк (Export-Import Bank, EIB), программы продовольственной помощи (PL 480) и т. д. Такая разрозненность не позволяла сконцентрировать все имевшиеся у правительства США ресурсы на эффективном стимулировании процесса развития в странах третьего мира.

Именно поэтому Кеннеди сразу после победы на ноябрьских выборах 1960 г., не дожидаясь инаугурации, сформировал целевую группу из таких известных экономистов, как К. Гелбрэйт, У. Росту, М. Милликан, которые должны были определить важнейшие шаги для новой администрации в сфере внешнеэкономической политики. Одним из выводов, которые были

сделаны членами группы, стала рекомендация объединить все существовавшие механизмы оказания помощи странам третьего мира в единое агентство с целью «направить энергию национализма в конструктивное русло государственного строительства» [2, р. R-6].

Вторая целевая группа, которая была сформирована уже в феврале 1961 г., должна была предложить конкретные планы в отношении новой структуры помощи. В нее входили такие представители администрации, как Дж. Болл, Т. Соренсен, Ф. Коффин, Дж. Белл, а также руководитель ICA Г. Лабуазье. В результате члены группы согласились, что все функции по оказанию иностранной помощи должны быть сосредоточены в руках руководства одного нового государственного ведомства и что вместо серии разрозненных проектов, решавших самые разные задачи, в рамках стратегии развития в странах-получателях необходимо применять комплексный подход. Для этого необходимо объединить DLF, ICA и EIV в единое новое агентство оказания «помощи развитию». Правда, когда речь зашла об интеграции в новую структуру программы продажи пшеницы PL 480, вмешался президент, который не согласился с этим решением. Он считал, что такому шагу будут препятствовать аграрные комитеты Конгресса, которые могут лишить администрацию значительных средств (от 1 до 2 млрд долл.) в рамках проекта «Продовольствие ради мира» [3, р. 8].

Было также выражено общее согласие с тем, что (в отличие от предыдущих этапов) международная экономическая помощь должна быть отделена от военной помощи и что ее предоставление не должна обуславливаться поддержкой политики США. Кеннеди утверждал: «Если мы предпримем эти усилия в неправильном духе или по неправильным причинам или неправильным образом, то любые финансовые меры окажутся напрасными» [4, р. 550]. «Помощь развитию» должна быть долгосрочной планируемой программой, не зависящей от краткосрочных военно-политических намерений США. Иначе подход не будет поддержан самими странами третьего мира, которые не хотят, чтобы ими манипулировали за счет инструмента помощи.

Еще одним важным вопросом, требовавшим решения, были взаимоотношения нового агентства с госсекретарем и Государственным департаментом. «Было сильное ощущение, – объяснял один из руководителей программы помощи Д. Белл, – что ранее решения об оказании помощи были ненадлежащим образом подчинены взглядам и суждениям помощников госсекретаря и руководителей офисов госдепартамента». В конечном счете целевой группой было решено, что глава нового агентства должен был подчиняться и отчетываться перед госсекретарем напрямую, а не через промежуточный слой чиновников госдепартамента, которые были заинтересованы

в использовании программ помощи для решения своих достаточно локальных задач [3, р. 1–11].

На основе всех этих рекомендаций 22 марта 1961 г. Дж. Кеннеди обратился к Конгрессу со специальным посланием о помощи иностранным государствам. Президент заявил, что хочет создать единое агентство, отвечающее за зарубежную помощь, «новое агентство с новым персоналом», комплектующимся как из уже работавших сотрудников, так и из лучших специалистов, которых можно найти в стране. Экономическая помощь будет предоставляться на основе долгосрочных и тщательно продуманных региональных или национальных планов, адаптированных к местным условиям и потребностям. Она будет отделена от военной помощи, поскольку «развитие должно рассматриваться само по себе». Кеннеди призвал уделять особое внимание странам, которые готовы мобилизовать свои собственные ресурсы и осуществить реальные либеральные реформы. Наконец, он заявил о необходимости вовлечь в процесс поддержки американских усилий как можно больше стран, в первую очередь западных, в рамках международной программы «Десятилетие развития» [5, р. 509].

26 мая 1961 г. один из ближайших сподвижников Дж. Кеннеди сенатор-демократ от штата Арканзас У. Фулбрайт представил в Конгрессе Закон о международном развитии, который являлся ключевым документом для создания нового агентства. В тот же день президент обратился с очередным посланием к законодателям, в котором впервые официально указывал на то, что организационной структурой, реализующей программу помощи его администрации, должно стать Агентство международного развития (Agency for International Development, AID), которое будет функционировать в рамках Государственного департамента. Новая структура заменит ICA и DLF, которые будут упразднены. Новое агентство – AID – будет возглавляться администратором в ранге заместителя государственного секретаря, подчиняющимся непосредственно госсекретарю и президенту. Внутренняя организация AID будет построена на географическом принципе, который позволит реализовать страновой (национальный) подход к проблеме долгосрочного планирования экономического развития. Вертикаль подчинения внутри агентства должна проходить от администратора к его помощникам, возглавляющим четыре региональных бюро (латиноамериканское, ближневосточное, африканское и азиатское), и через послов в конкретных странах к руководителям национальных миссий по оказанию помощи [6].

Предлагаемая административная схема подчеркивала фундаментальный факт: помощь в экономическом развитии больше не должна была подчиняться или рассматриваться просто

как удобный инструмент для решения краткосрочных политических задач, поскольку долгосрочный, самоподдерживающийся экономический рост слаборазвитых стран становится главной целью США. Таким образом, «помощь развитию» стала важнейшим инструментом реализации американских стратегических планов. Что касается товаров аграрного характера (по линии PL 480), то министерство сельского хозяйства США должно было координировать свою деятельность в направлении экономического развития стран третьего мира с AID самостоятельно через государственный департамент и Белый дом [6].

Таким образом, новое агентство должно было объединить в своих руках практически все инструменты экономической помощи и работать на новых принципах: координировать все виды помощи на страновом и региональном уровне для обеспечения экономического развития, программы и планы должны быть долгосрочными, разработанными с участием самих стран-реципиентов (принцип «самопомощи») и с существенной долей инвестирования их собственных ресурсов.

После ожесточенных дебатов, которые прошли в Конгрессе летом 1961 г., 4 сентября того же года президент Кеннеди подписал Закон об иностранной помощи 1961 г. В нем были зафиксированы важнейшие параметры радикального разворота американской программы помощи в сторону прогрессивной модели строительства глобальной экономики, в первую очередь это касалось втягивания в нее стран третьего мира. Эти параметры легли в основу работы AID на десятилетия вперед [7].

В рамках принятого закона агентство должно было ориентироваться на реализацию планов, носящих эволюционный и долгосрочный характер. При этом необходимо было учитывать, что американская помощь могла быть только одним из компонентов, требуемых для развития, остальные компоненты должны были обеспечиваться страной-реципиентом, а именно компетентное высшее руководство, квалифицированная рабочая сила, некоррупцированная бюрократия, материальные ресурсы и практический план, позволяющий объединить все эти факторы вместе, чтобы направить на конструктивные цели. Таким образом, внешняя американская помощь не могла предоставляться без «самопомощи» [8].

Кроме того, в законе подчеркивалось, что страны-реципиенты должны действовать на основе долгосрочного планирования с четкими целями и ясными приоритетами. Однако этот процесс не должен базироваться на принципах плановой социалистической экономики, его главной задачей должен стать рост частного предпринимательства. Для разработки странами-реципиентами долгосрочных планов американское агентство должно гарантировать предоставление им «длинных» кредитов. Конгресс поддержал

возможность выделения таких кредитов в рамках DLF, но при этом возвращаться они должны были в долларах, а не в местной валюте, как это практиковалось в предыдущие годы.

В законе указывалось также на необходимость обеспечения не только экономического роста, но и социального прогресса слаборазвитых стран, поскольку «способность наций управлять собой и реализовать свой потенциал зависит от состояния народных масс». Соответственно, для страны-реципиента важно было сохранить возможности развития образования, здравоохранения, сельского хозяйства, проведения налоговых реформ и т. п. [9].

В контексте недовольства значительной части американской элиты огромными затратами бюджета на поддержку слаборазвитых стран Конгресс признал, что иностранная помощь должна все больше становиться общим мероприятием для всех стран «свободного мира». Особенно активно к проекту Кеннеди должны были подключиться европейские страны, успешно восстановившие свои экономики в рамках плана Маршалла. Их пример и возможности должны снять все сомнения стран третьего мира в необходимости двигаться по предлагаемому американскими прогрессистами пути развития. Международным организациям, особенно работавшим под эгидой ООН, также рекомендовалось поддерживать американскую программу помощи.

Наконец, Конгресс согласился с идеей президента о том, что самой важной частью американской помощи должна стать программа «Союз ради прогресса», о создании которой Дж. Кеннеди заявил 13 марта 1961 г. Данная программа включала в себя 19 стран Латинской Америки. При этом страны-участницы в рамках «самопомощи» обещали в течение десяти лет инвестировать 80 млрд долл. в свое экономическое и социальное развитие. Предполагалось также, что дополнительные 20 млрд долл. инвестируют страны «свободного мира» [9].

Что касается нового агентства, то принятый закон требовал сформировать его структуру и начать работу в течение 60 дней после подписания его президентом [8].

Таким образом, принятый американским Конгрессом Закон об иностранной помощи 1961 г. полностью отвечал той идеологической программе прогрессизма, которая стала основой революционного внешнеполитического разворота Дж. Кеннеди. Идеи либерального глобализма в форме «экономического национализма» и «экономического роста» проводились президентом в жизнь жестко и бескомпромиссно, хотя и с учетом «духа двухпартийности», без которого в США невозможно осуществление любой внешней политики.

При этом Агентство международного развития, становилось ключевым инструментом осуществления указанного разворота, поскольку

должно было выполнять функции координатора усилий администрации в отношении отказа от военно-политических приоритетов в пользу «помощи развитию». В конечном итоге благодаря настойчивости и последовательности Кеннеди, законодательная основа агентства оказалась настолько жизнеспособной, что позволила агентству преодолевать политические штормы в американской внешней политике на протяжении шести с половиной десятилетий. Тем не менее создававшееся в начале 1960-х гг. как инструмент строительства глобализации USAID оказалось ненужным и было с позором ликвидировано в момент, когда Америка столкнулась с крахом глобализации, а проигравший конкурентную борьбу прогрессизм ушел в глухую оборону.

Список литературы

1. Maurer T. Georgia's Rep. Greene pushes bill to abolish USAID amid legal hurdles // Fox 5 Atlanta. URL: <https://www.fox5atlanta.com/news/georgias-rep-greene-pushes-bill-abolish-usaid-amid-legal-hurdles> (дата обращения: 05.11.2025).
2. Foreign Economic Policy Task Force Reports, 31 December 1960 // John F. Kennedy Presidential Library

- & Museum. URL: https://www.jfklibrary.org/assetviewer/archives/jfknsf-297-017#?image_identifier=JFKNSF-297-017-p0001 (дата обращения: 05.11.2025).
3. David E. Ball, recorded interview by Robert C. Turner, July 11, 1964, John F. Kennedy Library Oral History Program // John F. Kennedy Presidential Library & Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/assetviewer/archives/jfkohdeb-01> (дата обращения: 05.11.2025).
4. Schlesinger A. A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Boston : Houghton Mifflin Harcourt, 1965. 1087 p.
5. Kennedy J. F. Special Message to the Congress on Foreign Aid // Department of State Bulletin. 1961. Vol. XLIV, № 1137. P. 507–514.
6. Kennedy Letter on Foreign Aid // The New York Times. 1961. May 27.
7. President Signs Foreign Aid Bill: Sees Authorization Setting Commitments for Funds // The New York Times. 1961. September 4.
8. Foreign Assistance Act of 1961 // GovInfo. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1071/pdf/COMPS-1071.pdf> (дата обращения: 05.11.2025).
9. Belair F. New foreign Aid Plan Getting Underway // The New York Times. 1961. September 17.

Поступила в редакцию 12.11.2025; одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 12.11.2025; approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 213–216
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 213–216
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-213-216>, EDN: NMPBFL

Научная статья
УДК [323.276(83):327.8(73)]|1973|+929[Альенде+Пиночет]

Роль США в военном перевороте в Чили

В. О. Бархаткина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Бархаткина Василина Олеговна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, hohlova-vasilina@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1335-2615>, AuthorID: 1311567

Аннотация. Статья описывает события чилийского переворота 1973 г. и его последствия. Основное внимание уделяется роли США в организации переворота. Анализ основан на недавно рассекреченных американских документах, что позволяет предложить полную картину американского вмешательства в дела Чили. Исследование подробно рассматривает степень и характер участия США, используя новые исторические источники для более точного и объективного анализа событий.

Ключевые слова: Латинская Америка, США, Чили, Сальвадор Альенде, Аугусто Пиночет, ЦРУ

Для цитирования: Бархаткина В. О. Роль США в военном перевороте в Чили // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 213–216. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-213-216>, EDN: NMPBFL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of the United States in the military coup in Chile

V. O. Barkhatkina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vasilina O. Barhatkina, hohlova-vasilina@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1335-2615>, AuthorID: 1311567

Abstract. This article describes the events of the 1973 Chilean coup and its aftermath, presenting a brief chronology. It focuses on the role of the United States in organizing the coup. The analysis is based on recently declassified American documents, providing a comprehensive picture of American intervention in Chilean affairs. The study examines in detail the extent and nature of US involvement, using new historical sources for a more accurate and objective analysis of the events.

Keywords: Latin America, United States, Chile, Salvador Allende, Augusto Pinochet, Directorate of National Intelligence, CIA

For citation: Barkhatkina V. O. The role of the United States in the military coup in Chile. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 213–216 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-213-216>, EDN: NMPBFL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Чили на протяжении своей истории заслуженно считается одной из наиболее динамично развивающихся стран в Латинской Америке. С XIX в. страна смогла значительно укрепить свою экономику, которая основывалась на сельском хозяйстве, а также на добыче полезных ископаемых. Эти ресурсы стали основой для ее экономического роста. В 1920-х и 1930-х гг. Чили приобрела репутацию стабильной демократии, что сделало ее одним из самых устойчивых государств региона.

Однако в 1959 г. победа кубинской революции оказала значительное влияние на политическую обстановку не только в самой Кубе, но и в других странах Латинской Америки, включая

Чили. В результате этого события в стране начали набирать популярность коммунистические идеи и лозунги. Такое развитие событий вызвало обеспокоенность как у политических сил внутри Чили, так и у администрации Соединенных Штатов Америки.

В тот период США были готовы предпринять любые меры для борьбы с растущей коммунистической угрозой, что подчеркивало важность Чили в контексте холодной войны и борьбы идеологий. В ответ на эти тревожные изменения американская администрация предприняла попытки повлиять на ситуацию в стране.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что переворот в Чили в 1973 г.

является одним из самых известных случаев вмешательства США в дела другого государства. Установление военной диктатуры во главе с генералом Аугусто Пиночетом привело к многочисленным нарушениям прав человека, включая пытки, убийства и исчезновения людей. Диктатура также нанесла серьёзный ущерб экономике страны. Изучение роли Вашингтона в чилийском перевороте важно для понимания истинной направленности политики США в Латинской Америке в период холодной войны, а также для выявления последствий американского вмешательства во внутренние дела других стран.

В период с середины 1960-х гг. до начала 1970-х гг. США активно проявляли заинтересованность в контроле над ситуацией в Чили, стремясь предотвратить приход к власти левых сил, особенно после победы Сальвадора Альенде на президентских выборах в 1970 г. Американское руководство опасалось, что страна может стать «второй Кубой» и способствовать дальнейшему распространению коммунистических идей в Латинской Америке. В целях достижения своих стратегических интересов США применили экономические меры давления на Сантьяго, направленные на дестабилизацию экономической ситуации в стране, что должно было вызвать недовольство населения. Эти меры включали в себя сокращение финансовой поддержки правительства, препятствование получению кредитов и инвестиций, ограничение торговли [1]. Вашингтон активно вмешивался во внутренние дела Чили, поддерживая оппозиционные политические партии и движения, финансируя кампании, направленные против президента С. Альенде и его правительства [2].

В конечном итоге США оказали поддержку чилийским военным, которые свергли С. Альенде в 1973 г. Несмотря на то, что Вашингтон официально отрицал свою причастность к перевороту, существует множество доказательств того, что ЦРУ и другие американские ведомств активно сотрудничали с чилийскими военными для организации и осуществления переворота.

Надо отметить, что президент Р. Никсон активно демонстрировал свою заинтересованность в недопущении прихода к власти С. Альенде. Еще 15 сентября 1970 г. он отдал прямой приказ директору ЦРУ Р. Хелмсу «спасти Чили», спровоцировав военный переворот, чтобы заблокировать инаугурацию избранного президента. Согласно записям Р. Хелмса, сделанным во время совещания в Белом доме, Никсон приказал: «Заставьте экономику кричать!» [3]. Уже после инаугурации Альенде, 3 ноября 1970 г. глава Белого дома созвал свой Совет национальной безопасности (СНБ), чтобы отдать приказ правительству США о широких усилиях по дестабилизации ситуации в Чили. «Если есть какой-то способ сместить Альенде, – советовал Никсон своей команде, – лучше сделать это сейчас» [3].

В конце 1970 г. и начале 1971 г. в администрации под руководством Г. Киссинджера проходили еженедельные совещания «рабочей группы» СНБ по Чили. Обычно хорошо информированная газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Целью всех этих совещаний, проводившихся в течение двух месяцев после избрания С. Альенде, было позаботиться о том, чтобы ни одно правительственное ведомство ... не дало С. Альенде ни цента» [4, с. 78].

По итогам одного из заседаний, 6 ноября 1970 г., был принят меморандум СНБ 93, который формулировал политику США в отношении Чили. Она должна была быть «корректной, но прохладной, чтобы не дать правительству С. Альенде оснований для мобилизации внутренних и внешних сил для консолидации режима». Кроме того, Соединенные Штаты должны были «стремиться максимально ужесточить давление на правительство Альенде, чтобы предотвратить его консолидацию и ограничить способность проводить политику, направленную против интересов США и стран Западного полушария» [5].

При этом основной упор в борьбе против С. Альенде было решено сделать на меры экономического давления. Так, США практически полностью свернули всю экономическую помощь Чили. Во времена предыдущего президента Э. Фрея Чили занимала первое место в Латинской Америке по американской помощи на душу населения, получив, например, в 1964–1970 гг. более 1 млрд долл. Если в 1970 г. помощь США Чили составляла 35 млн долл., то в 1971 г. уже только 1,5 млн долл. [4, с. 79].

В 1970 г. осенью государственный Экспортно-импортный банк США перевел Чили в категорию стран с высоким инвестиционным риском, что привело к заморозке кредитования со стороны как государственных, так и частных американских банков. Все они одновременно приостановили выделение ранее согласованных кредитов на общую сумму 220 млн долл. Особое внимание при этом уделялось прекращению финансирования чилийских закупок пшеницы за рубежом [1, с. 175].

Девятого ноября 1971 г. американская разведка подготовила документ для директора ЦРУ Р. Хелмса и советника по национальной безопасности Г. Киссинджера под названием «Предварительное планирование возможных военных акций против правительства Чили». В нем отмечалось, что высшее командование чилийской армии намерено свергнуть правительство Чили осенью 1972 г. По их прогнозам, к этому времени экономика страны будет настолько ослаблена, что это послужит оправданием для введения чрезвычайного положения, что станет началом переворота [1, с. 234].

Другим важным фактором, ускорявшим дестабилизацию общества, являлась чилийская оппозиция, которая не могла активно действовать

без прямой финансовой поддержки Вашингтона. Помощь США давала возможность оппозиции развязать против С. Альенде массированную клеветническую кампанию в печати и на радио. В начале 1971 г. ЦРУ с удовлетворением констатировало, что влиятельная газета «Меркурио», представлявшая предпринимательские интересы, активизировала свои атаки на правительство по сравнению с осенью 1970 г. В сентябре 1971 г. «Меркурио» попросила у американцев финансовую помощь в размере миллиона долларов. ЦРУ передало просьбу Г. Киссинджеру с комментарием: «...Газете нужен как минимум один миллион долларов, чтобы пережить следующие год-два». В качестве альтернативного варианта ЦРУ предлагало дать «Меркурио» закрыться и обвинить Альенде в нарушении свободы прессы. Правда, американская разведка считала второй вариант слишком рискованным – роль газеты в антиправительственной пропаганде была слишком весомой [1, с. 182].

После военного переворота 11 сентября 1973 г. А. Пиночет вспоминал, что уже 13 апреля 1972 г. под его руководством в генеральном штабе были изучены варианты проведения антиправительственного переворота [4, с. 104]. Под видом военной игры была разработана операция «Оценка состояния внутренней безопасности чилийской армии», которая держалась в тайне от С. Альенде. Составить план реакции армии на возможные антиправительственные выступления Пиночет доверил генералу Э. Бради. Формально это был легальный документ, но на самом деле именно его использовали для осуществления государственного переворота в 1973 г.

В июле 1972 г. А. Пиночет отдал приказ о передислокации армейских подразделений, чтобы обеспечить их готовность к быстрому захвату ключевых точек в стране. В сентябре того же года он посетил зону Панамского канала, где находилась штаб-квартира Южного командования вооруженных сил США, отвечавшего за Латинскую Америку, для обсуждения поставок американских танков для чилийской армии. Во время переговоров американцы заверили Пиночета в поддержке военного переворота против Альенде, когда для этого наступит подходящий момент [1, с. 233].

Важным событием в подготовке к свержению Альенде также стало то, что 14 августа 1973 г. США запросили у Чили визы для 27 летчиков эскадрильи «Воздушные акробаты», которые намеревались устроить в Сантьяго якобы показательные выступления, а на самом деле они должны были принять участие в перевороте. Через день визы запросили уже для 150 летчиков, а выступление перенесли с конца августа на первую половину сентября [6].

В секретной телеграмме 8 сентября 1973 г. ЦРУ сообщало в Вашингтон, что чилийский военно-морской флот возглавит путч, выйдя

из Вальпараисо ранним утром 10 сентября, а затем к нему присоединятся другие рода войск. Также указывалось, что генерал Пиночет поддерживал связь с генералом ВВС США Г. Ли по поводу планируемой попытки государственного переворота [2].

10 сентября флот Чили вышел из порта Вальпараисо, чтобы встретиться с американскими военными кораблями, прибывшими на ежегодные совместные учения «Унитас XVI» («Единство XVI»). На американском корабле «Джесси Браун», который принимал участие в учениях и специализировался на радиоэлектронной войне, была установлена система для связи непосредственно с Пентагоном [2]. Вечером того же дня военные части в окрестностях Сантьяго перешли на казарменное положение. При этом солдаты и офицеры были предупреждены о возможных силовых действиях левых группировок под руководством К. Альтамирано и О. Гарретона против армии или даже президента [1, с. 283]. Таким образом, «сцена» для антиправительственного путча была подготовлена.

Двенадцатого сентября 1973 г., т. е. на следующий день после насильственного государственного переворота в Чили, свержение Сальвадора Альенде стало первым пунктом ежедневной сводки событий, которая отправлялась ЦРУ Р. Никсону. «Президент Чили С. Альенде умер, и вооруженные силы вместе с карабинерами работают над укреплением своего успешного переворота», – утверждалось в кратком обзоре основных событий в мире. ЦРУ сообщало президенту, что все члены новой военной хунты «являются уважаемыми и опытными лидерами», но не сторонниками демократии [7].

Г. Киссинджер, будучи советником президента США по национальной безопасности, был активно вовлечен в события, связанные со свержением и убийством президента С. Альенде. В первые дни после переворота он игнорировал обеспокоенность своих высокопоставленных помощников по поводу массовых репрессий, проводимых новым военным режимом. В связи с этим Киссинджер направил американскому послу в Сантьяго секретные инструкции, в которых, в частности, говорилось: «Наше самое сильное желание должно заключаться в необходимости сотрудничать и создать прочную основу для сердечных и максимально конструктивных отношений с хунтой, возглавляемой генералом Пиночетом». Когда помощник госсекретаря по межамериканским делам спросил его, что сказать Конгрессу по поводу сообщений о сотнях людей, убитых после переворота, Киссинджер дал следующие указания: «Я думаю, мы должны понимать нашу политику: каким бы неприятным оно ни было, это правительство для нас лучше, чем было при Альенде» [8].

Четырнадцатого июня 1974 г. генерал А. Пиночет и другие члены чилийской военной хун-

ты подписали Указ № 521, официально учреждавший тайную полицию и разведывательную службу, известную как ДИНА [9]. Хотя формально служба находилась под управлением хунты, на практике она была подконтрольна лично А. Пиночету. Кроме того, аналогичные службы безопасности функционировали в каждом из видов вооруженных сил, осуществляя между собой координацию действий [10]. Агентурную работу спецслужб часто осуществляли активисты ультраправых движений [11].

Администрация американского президента Р. Никсона видела в генерале Пиночете не только гаранта политической стабильности в Чили, но и эффективного организатора противодействия распространению коммунизма в Южной Америке. Поэтому США активно поддерживали режим, предоставляя ему значительную помощь. Эта помощь охватывала широкий спектр мер – от поставок вооружений и боеприпасов до обучения чилийских военных специалистов и предоставления финансовой поддержки. Однако, понимая, что открытая помощь диктатуре вызовет международное осуждение и обвинения во вмешательстве во внутренние дела суверенного государства, США прилагали значительные усилия для сокрытия своего участия в поддержке режима А. Пиночета. При этом Вашингтон активно занимался дезинформацией и пропагандой, пытаясь сохранить за собой имидж защитника демократии и представить военный переворот 1973 г. как внутренний чилийский конфликт, не имевший отношения к внешнему влиянию.

В конечном итоге действия США сыграли решающую роль в свержении С. Альенде и установлении военной диктатуры А. Пиночета. Здесь нельзя говорить о простом вмешательстве – активность американского правительства представляла собой целенаправленную и многоуровневую операцию, направленную на подрыв легитимности и стабильности социалистического правительства. Такая активность объяснялась тем, что действия Соединенных Штатов в Чили являлись частью более широкой доктрины сдерживания коммунизма в Латинской Америке. Чили рассматривалась как стратегически важная страна, и ее потеря считалась неприемлемой для Вашингтона. Соответственно, вмешательство в чилийские дела явилось не изолированным событием, а частью более крупной геополитической стратегии, в рамках которой США без колебаний вмешивались во внутренние дела стран региона, поддерживая авторитарные режимы и подавляя левые движения.

Поступила в редакцию 21.11.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 21.11.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

Список литературы

1. *Платошкин Н. Н.* Чили 1970–1973 гг. Прерванная модернизация. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 488 с.
2. *Тарасов К. С., Зубенко В. В.* Тайная война США против Латинской Америки. М. : Международные отношения, 1987. 214 с.
3. The Coup in Chile: What Did Nixon Know and When Did He Know it? 49 Years After Pinochet's Putsch, Presidential and CIA Documents Remain Secret // The National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/chile/2022-09-12/coup-chile-what-did-nixon-know-and-when-did-he-know-it> (дата обращения: 10.05.2025).
4. *Сергеев Ф. М.* Чили: анатомия заговора. М. : Международные отношения, 1986. 189 с.
5. National Security Council. National Security Decision Memorandum 93. November 9, 1970 // Richard Nixon Presidential Library and Museum. URL: https://www.nixonlibrary.gov/sites/default/files/virtuallibrary/documents/nsdm/nsdm_093.pdf (дата обращения: 10.05.2025).
6. Chilean Interior Ministry, Decreto Ley 521. Crea la Dirección de Inteligencia Nacional (DINA). June 14, 1974 // The National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/32158-document-1-chilean-interior-ministry-decreto-ley-521-crea-la-direccion-de> (дата обращения: 10.05.2025).
7. CIA, Secret, Intelligence Cable. September 8, 1973 // The National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/22020-document-04> (дата обращения: 10.05.2025).
8. Secretary's Staff Meeting. October 1, 1973 // The National Security Archive. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB110/chile03.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).
9. Kissinger and Chile: The Declassified Record. September 11, 1973 // The National Security Archive. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB437/> (дата обращения: 10.05.2025).
10. Internet Archive. Manuel Contreras and the Birth of DINA. September 17, 1973 // The Wayback Machine. URL: <https://web.archive.org/web/20231018024650/https://www.latinamericanstudies.org/chile/DINA-birth.htm> (дата обращения: 10.05.2025).
11. Fifty Years after Official Creation, Declassified Documents Record Atrocities Committed by Chilean Secret Security Force, DINA. June 18, 1974 // The National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/chile/2024-06-18/pinochet-regime-declassified-dina-gestapo-type-police-force-chile> (дата обращения: 10.05.2025).

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 217–223
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 217–223
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-217-223>, EDN: NOMIQW

Научная статья
УДК [[338.45:355.02]:339.97:323.276](560)|2016|

Национальная политика развития ОПК в Турции в контексте трансформации внешнеполитических условий после попытки государственного переворота 2016 года

И. З. Нафиков

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420111, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55

Нафиков Ильсур Закирзянович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований Института международных отношений, истории и востоковедения, IZNafikov@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9016-7944>, AuthorID: 802141

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации национальной политики Турции в области развития военно-промышленного комплекса (ВПК) в контексте кардинального пересмотра подходов к безопасности после попытки государственного переворота 15 июля 2016 г. В исследовании рассматриваются экономические дилеммы развития ВПК, включая поиск оптимального уровня оборонных расходов и анализ дуалистического влияния оборонной промышленности на экономику Турции. На основе анализа глобальных тенденций на рынке вооружений делается вывод о том, что политика Анкары направлена на преодоление структурной зависимости от зарубежных поставщиков и укрепление своих позиций в качестве независимого регионального игрока.

Ключевые слова: Турецкий ОПК, политика безопасности Турции, стратегическая автономия, оборонные расходы, оборонная промышленность и экономический рост, национальная безопасность, БПЛА Bayraktar, геополитика Турции

Для цитирования: Нафиков И. З. Национальная политика развития ОПК в Турции в контексте трансформации внешнеполитических условий после попытки государственного переворота 2016 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 217–223. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-217-223>, EDN: NOMIQW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The evolution of Turkey's defense industry policy after the 2016 coup attempt

I. Z. Nafikov

Kazan (Volga Region) Federal University, 1/55 Pushkin St., Kazan 420111, Russia

[Ilzur.Z. Nafikov](mailto:Ilzur.Nafikov@kpfu.ru), IZNafikov@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9016-7944>, AuthorID: 802141

Abstract. This article analyzes the transformation of Turkey's national policy regarding the development of its defense industry, set against the backdrop of a fundamental reassessment of security approaches following the attempted coup d'état on July 15, 2016. The research examines the economic dilemmas of defense industry development, including finding the optimal level of defense spending and analyzing the dual impact of the defense sector on Turkey's economy. Based on an analysis of global trends in the arms market, the study concludes that Ankara's policy is focused on overcoming structural dependence on foreign suppliers and strengthening its position as an independent regional actor.

Keywords: Turkish defense industry, Turkey's security policy, strategic autonomy, defense expenditures, defense industry and economic growth, national security, bayraktar uav, geopolitics of Turkey

For citation: Nafikov I. Z. The evolution of Turkey's defense industry policy after the 2016 coup attempt. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 217–223 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-217-223>, EDN: NOMIQW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Процессы глобализации, технологического прогресса и резкого увеличения мобильности информации обуславливают рост взаимозависимости и уплотнение взаимосвязей в международном сообществе, что приводит к фундаментальным изменениям в мироустройстве. Географические

границы становятся все более проницаемыми, а подходы к обеспечению безопасности и восприятию угроз претерпевают качественную трансформацию. Способность национальных границ эффективно ограничивать трансграничные угрозы постепенно снижается. В результате проблемы

национальной безопасности приобретают глобальный масштаб, представляя угрозу для всего международного сообщества. Под влиянием вызовов глобализации наблюдается процесс диверсификации и расширения спектра угроз, которые уже не ограничиваются классическим военным противостоянием, а включают кибератаки, экономическое давление, инструменты гибридной войны и манипуляции общественным сознанием [1, с. 223].

Усиление международного взаимодействия в условиях глобализации привело к сокращению зоны безопасности и повышению хрупкости ее структуры. По мере расширения и углубления нового подхода к безопасности, детерминированного интересами глобальной экономической системы, проблема национальной безопасности трансформируется в самостоятельную область, выходящую за рамки традиционных представлений [2, с. 1]. Доступность технологических разработок усилила взаимосвязь различных регионов мира, а формирование глобального информационного поля повысило уязвимость государств. Это активизировало усилия по выведению технологических решений из сферы открытых научно-технических разработок в интересах безопасности. Как следствие, формирование и реализация стратегий безопасности в условиях диверсификации их национальных концепций приобретают многовекторный и комплексный характер.

Геополитические реалии и стратегическое положение Турции, сталкивающейся с проблемами национального единства и сепаратизма, исторически формировали традиционное понимание стратегии безопасности, основанной на принципах кемализма и опиравшейся на сухопутные силы для защиты целостности границ. Однако прозападный внешнеполитический курс Турции во второй половине XX в., выраженный в членстве в НАТО, трансформировал ее внешнеполитические ориентиры. Анкара выразила готовность взять на себя ответственность в рамках международных организаций, интегрировав принципы региональной и глобальной безопасности в национальную концепцию. Определяющую роль в трансформационных процессах сыграли экономико-географическое положение страны и ее региональная роль.

В последние десятилетия Турция перешла к проведению проактивной политики безопасности, отказавшись от традиционной «выжидательной» доктрины, сформулированной еще во времена холодной войны. Используя дипломатические механизмы и рассматривая региональную стабильность как элемент стратегического влияния, Турция позиционирует себя как ответственный актор в обеспечении региональной и глобальной безопасности. Таким образом, произошел концептуальный переход к стратегии, опирающейся на собственное геополитическое значение,

что переориентировало внешнеполитическое планирование от оборонительного изоляционизма к активному участию в региональных процессах.

Переосмысление концепций региональной безопасности стимулировало технологическое развитие в сфере оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Национальные оборонительные системы, основанные исключительно на фортификационных решениях и развертывании сил вдоль государственных границ, в значительной степени утрачивают эффективность, требуя масштабного военного присутствия. При этом географические и политические условия не всегда допускают применение военной силы в качестве инструмента обеспечения безопасности. Современные стратегии гибридных войн и методы политико-экономического давления позволяют государствам, находящимся за пределами физических границ, угрожать национальным интересам страны. Исторический опыт свидетельствует, что этнические и религиозные различия, как в случае с Турцией, могут быть использованы для подрыва ее безопасности. В свою очередь, вопросы экономического благосостояния и связанные с ними ограничения становятся инструментом политического давления. В этой связи стратегии обеспечения национальной безопасности включают комплекс мер, направленных на предотвращение широкого спектра рисков и угроз, а планы их реализации требуют гибкости и постоянной актуализации.

Тенденция к международной интеграции оказывает влияние на размывание границ между государствами, увеличивая степень взаимодействия и взаимозависимости в различных сферах, включая военно-промышленный комплекс (ВПК). Последствия глобализации, выражающиеся в перераспределении доходов на внутреннем и международном уровнях, оказывают влияние на внешнеполитическую повестку в контексте развития оборонной промышленности.

Политика концентрации индустриальных центров в определенных регионах мира способствует их укреплению и создает условия для конкурентной борьбы за преимущества, влияя на глобальный баланс сил. Анализ экономико-политических эффектов оборонной промышленности предполагает обращение к государственным расходам в данной области. В докризисный период (2000–2009 гг.) оборонные расходы значительно возросли, достигнув к 2009 г. 1,531 млрд долл. США, во многом вследствие операций НАТО под руководством США в Афганистане и Ираке. Анализ распределения оборонных расходов по странам показывает, что на США приходится 43% глобальных расходов, за которыми следуют Китай, Франция, Великобритания, Россия, Япония, Германия и Саудовская Аравия. Объем международной торговли оружием вырос на 14% в период 2011–2015 гг. по сравнению с периодом 2006–2010 гг.,

достигнув в 2015 г. 1,7 трлн долл. США [3]. Данные Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI) свидетельствуют, что объем расходов США на оборону в 2011–2015 гг. был равен сумме расходов 14 следующих за ней стран, включая Китай и Саудовскую Аравию [4, с. 112].

В условиях глобализации растущая взаимозависимость национальных ОПК через транснациональные оборонные инициативы и цепочки поставок создает условия для интеграции национальных субпроизводителей в глобальную сеть даже при отсутствии прямой государственной поддержки. В кризисный период 7 из 10 крупнейших компаний ОПК являются американскими. Несмотря на проблемы с ростом продаж, эти компании сохраняют выгодное положение благодаря своему монопольному статусу и продолжают лидировать. Таким образом, в оборонной промышленности формируется цикл, воспроизводящий лидирующие позиции США. Учитывая рост военных расходов в период кризиса и связанные с этим финансовые трудности развивающихся стран, можно прогнозировать увеличение числа слияний и стратегических альянсов, а также усиление роли государственной поддержки в ОПК.

В посткризисный период отмечается тенденция, согласно которой развивающиеся страны наращивают оборонные расходы, зачастую сокращая инвестиции в образование, здравоохранение и другие социальные сферы [5, с. 27]. Укрепление национального ОПК в долгосрочной перспективе создает для этих стран благоприятные условия как в экономическом, так и в политическом плане, предоставляя большую автономию в принятии международно-политических решений. Таким образом, современная мировая политика побуждает государства проводить самостоятельную политику безопасности, реструктурируя бюджет и привлекая инвестиции. Политика безопасности должна учитывать внутриэкономическую ситуацию, глобальные кризисы и региональные конфликты.

Попытка государственного переворота в июле 2016 г. стала переломным моментом в осознании турецким политическим руководством стратегических рисков, связанных с зависимостью оборонного комплекса от западных поставщиков, прежде всего из стран НАТО. Данное событие актуализировало вопросы национальной безопасности и ускорило реализацию политики стратегической автономии, направленной на создание полностью самостоятельного оборонно-промышленного комплекса. Важнейшим аспектом стало то, что попытка переворота была осуществлена с использованием техники и вооружений, поставленных странами-союзницами по НАТО, что наглядно продемонстрировало уязвимость, проистекающую из технологической и системной зависимости.

До 2016 г. турецкий ВПК характеризовался значительной зависимостью от западных технологий и готовой продукции. Ключевые платфор-

мы, такие как истребители F-16, составлявшие основу парка ВВС Турции, производились по лицензии американской компании Lockheed Martin, что подразумевало жесткие ограничения на модернизацию и экспорт [6, с. 78]. Программы по развитию собственных образцов вооружений, например основного боевого танка «Алтай», сталкивались с непреодолимыми трудностями из-за зависимости от иностранных силовых установок и трансмиссий [7, с. 45]. Критическая зависимость проявлялась и в сфере высокотехнологичных компонентов: системы наведения, авионика и двигатели практически полностью закупались у концернов США и стран ЕС [4, с. 112]. Эта модель делала Турцию уязвимой к потенциальным эмбарго и политическому давлению со стороны союзников по НАТО, что не раз подтверждалось на практике, например в вопросах, связанных с кипрским урегулированием или во время напряженности в отношениях с Израилем.

Как отмечает А. И. Шумилин, на рубеже веков турецкий ВПК находился в состоянии глубокой зависимости от западных, преимущественно американских, технологий и готовых платформ [8, с. 45]. Программы модернизации вооруженных сил, такие как приобретение и лицензионная сборка истребителей F-16, закладывали технологическую базу, но одновременно создавали «структурную ловушку» зависимости от иностранных поставщиков комплектующих и сервисного обслуживания [9, с. 78]. Поворотной точкой, согласно консенсусному мнению среди российских исследователей, стали первые десятилетия XXI в., когда Анкара, не удовлетворенная ограничениями со стороны союзников по НАТО (в частности, запретами на передачу критических технологий), взяла курс на создание национального оборонного комплекса. Однако именно события 15 июля 2016 г. придали этому курсу характер общенационального мобилизационного проекта, получившего беспрецедентное политическое и финансовое обеспечение.

Ключевым элементом этой стратегии стало создание эффективной модели государственно-частного партнерства под эгидой Управления оборонной промышленности (Savunma Sanayii Başkanlığı – SSB) [10, с. 112]. Российские аналитики подчеркивают, что турецкому руководству удалось создать конкурентную среду, в которой частные компании (Baykar, ASELSAN, ROKETSAN) стали драйверами инноваций, в то время как государственные холдинги (TAI, MKE) обеспечивали выполнение крупномасштабных проектов [11, с. 91]. Модель SSB предполагала не просто администрирование, а стратегическое планирование, определение приоритетных технологических направлений и активное лоббирование интересов турецкого ОПК на международной арене. Эта централизованная система управления позволила сконцентрировать ресурсы на критически

важных проектах и минимизировать бюрократические проволочки.

Особое внимание уделяется прорывным направлениям, которые позволили Турции занять нишу на мировом рынке вооружений. Эксперт Центра международной безопасности ИМЭМО РАН С. Иванов анализирует феномен успеха турецкого ВПК, в том числе и ударных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) семейства Bayraktar, отмечая, что их боевое применение в Сирии, Ливии и Карабахе стало мощным маркетинговым инструментом и доказательством эффективности выбранной модели [12, с. 34]. Успех Bayraktar TB2, по его мнению, был обусловлен не столько уникальными техническими характеристиками, сколько оптимальным соотношением цены, качества и тактико-технических требований, предъявляемых к платформе для ведения ассиметричных боевых действий в условиях локальных конфликтов.

При этом эксперты констатируют, что, несмотря на декларируемую автономию, турецкий ВПК продолжает сталкиваться с системными проблемами, такими как зависимость от импорта авиационных двигателей и других высокотехнологичных компонентов, что вынуждает Анкару искать альтернативных партнеров, в том числе в лице Украины и Великобритании. Это свидетельствует о том, что достижение полной технологической независимости остается сложной, долгосрочной задачей.

После событий 2016 г. политика импортозамещения была переведена в разряд абсолютного национального приоритета и получила беспрецедентное финансирование и политическую поддержку. Управление оборонной промышленности (SSB) инициировало агрессивную программу по разработке критических технологий внутри страны. Результатом стал прорыв в области ударных беспилотных летательных аппаратов: семейство Bayraktar TB2, оснащенный турецкими оптико-электронными системами и системами управления, не только удовлетворил потребности национальных вооруженных сил, но и превратил Турцию в одного из мировых лидеров на рынке БПЛА [13, с. 23]. Были запущены и успешно развиваются амбициозные проекты, нацеленные на полное замещение западных платформ: истребитель пятого поколения TAI TF Kaan, ударный вертолет T929 АТАК 2 и основной боевой танк «Алтай» с национальной силовой установкой [14, с. 90]. Для обхода ограничений на передачу технологий Турция активно диверсифицировала внешнее партнерство, налаживая кооперацию с Украиной (двигатели для БПЛА и вертолетов), Южной Кореей (проект основного боевого танка) и другими странами, не входящими в традиционный западный альянс [15, с. 134].

Таким образом, попытка переворота 2016 г. выступила катализатором, который трансформировал турецкий ВПК из зависимого импортера

в уверенного производителя высокотехнологичных вооружений. Стратегический курс на импортозамещение позволил Анкаре не только значительно повысить свой оборонный суверенитет, но и занять новую, самостоятельную нишу на глобальном рынке вооружений, сократив уязвимость от решений западных партнеров [16, с. 156]. Этот процесс имел не только технологическое, но и глубокое идеологическое измерение, став частью консолидирующей национальной идеи «Великой Турции» (Yüce Türkiye), продвигаемой правящей партией.

Государства стремятся к оптимизации уровня оборонных расходов. Чрезмерное выделение ресурсов на оборону может замедлить экономический рост, тогда как недостаточное финансирование способно создать угрозы суверенитету и стабильности государства [5, с. 27]. На потребность в безопасности влияют такие факторы, как геополитическое положение, экономическая конъюнктура, внешняя политика и международные отношения [17, с. 80]. Согласно теории Макгуайра, оптимальный уровень оборонных расходов, определяемых как общественное благо, достигается тогда, когда сумма предельных выгод равна предельным издержкам [18, с. 109]. На практике этот уровень варьируется в зависимости от геополитической ситуации, исторических связей и типа политического режима.

Например, страны Ближнего Востока в силу своей геополитики относят оборонные расходы к числу наиболее приоритетных статей бюджета. Функция безопасности зависит от приемлемого для страны уровня риска. Считается, что государства максимизируют полезность оборонных расходов при заданном бюджете, адекватно определяя степень угроз и необходимый уровень безопасности. Ключевым фактором является оценка военной угрозы как самому государству, так и его союзникам. В развитых странах уровень оборонных расходов коррелирует с уровнем национального дохода. Следовательно, доля оборонных расходов в ВВП развитых стран демонстрирует меньшую волатильность по сравнению с развивающимися странами [19, с. 329].

Влияние глобализации на стратегии безопасности и экономику актуализирует вопрос о воздействии оборонной промышленности на экономическое развитие государств. После пионерного исследования Эмиля Бенуа (1973) возрос исследовательский интерес к взаимосвязи между оборонными расходами и экономическим ростом [20], что объясняется значительной долей этих расходов в бюджетах многих государств. Сложилось два основных теоретических подхода к данной проблеме.

С одной стороны, оборонные расходы сокращают объем ресурсов, доступных для частного потребления и инвестиций, государственных социальных программ и других продуктивных статей расходов, что тормозит экономический рост.

Этот эффект «вытеснения» (crowding-out) особенно заметен в странах с ограниченными бюджетными возможностями. С другой стороны, учитывая мультипликативные эффекты со стороны спроса и предложения, оборонные расходы могут стимулировать экономическое развитие. Со стороны спроса они способствуют снижению безработицы и росту совокупного спроса. Со стороны предложения – обеспечивают создание общественной инфраструктуры, способствуют развитию человеческого капитала (через здравоохранение и образование), а также генерируют положительные экстерналии для частного сектора благодаря научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам (НИОКР) и трансферу технологий. Так называемый «спин-офф» (spin-off) – перенос военных технологий в гражданские отрасли – сыграл ключевую роль в технологических прорывах XX в., от интернета до GPS.

В долгосрочной перспективе развитие национального ОПК снижает внешнюю зависимость и сокращает отток иностранной валюты [5, с. 27]. Поскольку цены на оборонные системы имеют тенденцию к росту, удовлетворение потребностей за счет импорта создает растущее финансовое бремя. Для его покрытия правительства могут прибегать к повышению налогов, что может провоцировать инфляционное давление и ухудшать условия жизни [17, с. 80]. Успешная реализация инвестиций в ОПК формирует в стране атмосферу доверия и стабильности, являющуюся необходимым условием для привлечения инвестиций и экономического развития [20]. Стратегические инвестиции в ОПК оказывают положительное влияние на смежные отрасли (металлургия, машиностроение, электроника), обладающие высоким коэффициентом обратной связи, что стимулирует всю экономику [5, с. 27].

В случае Турции наблюдается дуалистический эффект. С одной стороны, масштабные инвестиции в ОПК после 2016 г., несомненно, создали фискальную нагрузку и, возможно, ограничили финансирование социальных программ. С другой стороны, они стимулировали развитие высокотехнологичных секторов, способствовали росту экспорта и создали тысячи высококвалифицированных рабочих мест, что в долгосрочной перспективе может перевесить краткосрочные издержки.

Оборонные расходы представляют собой финансовые ресурсы, направляемые государством на обеспечение национальной обороны. Ориентированная на результат способность определяется как оборонный потенциал, а затраты на его создание и поддержание составляют суть оборонных расходов. В широком смысле, это доля национального дохода, выделяемая для защиты от потенциальных угроз. В практическом плане оборонные расходы включают в себя закупку и производство вооружений и военной техники, их техническое

обслуживание и ремонт, строительство объектов инфраструктуры, финансирование НИОКР, а также содержание военного и гражданского персонала [21, с. 487]. К ним также относятся затраты на снабжение вооруженных сил и иных силовых структур (полиция, жандармерия) продовольствием, обмундированием и сырьем.

Выделяют четыре ключевых детерминанта оборонных расходов, находящихся на стыке политики и экономики: безопасность, технологический, экономический и политический факторы. Оптимизация уровня расходов зависит от точной оценки угроз и определения приемлемого уровня риска. Нестабильность в данном секторе способна отпугнуть потенциальных инвесторов, что подчеркивает важность безопасности как основы для развития.

Для экономической оценки турецкого ОПК анализируются ежегодный оборот, объемы экспорта и импорта, расходы на НИОКР и показатели конкурентоспособности. Динамика общего оборота сектора с 1998 по 2010 г. демонстрирует общий рост, несмотря на снижение на 12% в 2000 г. (до 852 млн долл. США) вследствие ослабления террористической угрозы и влияния экономического кризиса 2001 г. К 2014 г. оборот достиг 5101 млн долл. США, а в 2015 г. составил 4908 млн долл. США. Снижение на 2% в 2015 г. объясняется стагнацией внутреннего рынка и замедлением роста экспорта. В результате совокупный годовой темп роста (CAGR) снизился с 5% (2010–2014) до 3,2% (2010–2015) [22]. Однако после 2016 г. тенденция кардинально изменилась. Согласно отчетам SSB, оборот сектора к 2023 г. превысил 10 млрд долл. США, а объем экспорта устойчиво рос, достигнув рекордных показателей.

После 1998 г. на фоне роста глобальных оборонных расходов увеличился и экспорт турецкого ОПК. Основными рынками сбыта являются страны Персидского залива и Дальнего Востока, за которыми следуют тюркоязычные республики и государства Северной Африки [23]. Согласно исследованию Ассоциации производителей оборонной и аэрокосмической промышленности (SASAD), географическая структура экспорта в разбивке по регионам выглядит следующим образом: Америка – 36%, Европа – 26%, Ближний Восток – 19%, Дальний Восток – 13%, Африка – 4%, Южная Америка – 1% [24, с. 58]. Наибольшая доля в экспорте принадлежит авиационно-космической подотрасли, за которой следуют наземные транспортные средства, электроника и вооружение [24, с. 58]. После 2016 г. география экспорта значительно диверсифицировалась, а драйвером роста стали ударные БПЛА, которые были поставлены в Украину, Польшу, страны Ближнего Востока и Африки.

Доход от зарубежных продаж в 2015 г. составил 1929 млн долл. США. При этом поставки в Америку сохранились на уровне 585 млн долл. США (+0,1% к 2014 г.), в Европу сократились

до 330 млн долл. США (-21%), а в страны Ближнего Востока, Азии, Африки и Южной Америки выросли до 1014 млн долл. США (+18%). Совокупный годовой темп роста (CAGR) экспорта за период 2010–2015 гг. составил 18%. Турция традиционно является одним из крупнейших импортеров вооружений в мире. Однако наметилась тенденция к его сокращению: если в 2014 г. объем импорта составил 1351 млн долл. США (+2% к 2013 г.), то в 2015 г. он снизился до 1067 млн долл. США (-21%). Данная динамика свидетельствует о положительном эффекте политики импортозамещения («локализации»). В региональной структуре импорта за 2015 г. доля США составила 38% (410 млн долл. США), Европы – 48% (511 млн долл. США), других стран – 14% (146 млн долл. США) [22]. После 2016 г. зависимость от импорта продолжила снижаться, хотя в критически важных областях, таких как авиационные двигатели, она остается высокой.

Развитие ОПК Турции оказывает значительное влияние на рынок труда, создавая спрос на высококвалифицированные кадры. В 2003 г. общая численность занятых в секторе составляла 45 000 человек, из которых 48% работали на объектах военного производства. К 2008 г. общая занятость возросла до 57 000 человек, при этом доля занятых на военных производственных объектах снизилась до 33%, что свидетельствует о перераспределении кадров в пользу частного сектора. По данным на 2015 г., общая численность занятых в ОПК составила 31 375 человек. Профессиональная структура кадров выглядит следующим образом: инженеры – 34%, управленцы – 6%, технические специалисты – 40%, прочий персонал – 9%. Высокая доля инженерно-технических работников (74%) указывает на высокую интенсивность опытно-конструкторских работ и технологическую сложность продукции [25]. К 2023 г. численность персонала, занятого в секторе, по разным оценкам, превысила 75 000 человек, а доля инженеров и техников оставалась на высоком уровне, что соответствует курсу на создание наукоемкой, а не трудоемкой промышленности.

В мировом рейтинге экспортеров вооружений (2001–2014 гг.) Турция занимает 19-е место. Ключевыми импортерами турецкой оборонной продукции являются Саудовская Аравия (совокупный экспорт в 2004–2014 гг. составил 230 млн долл. США), ОАЭ (120 млн долл. США в 2014 г.) и Туркменистан (140 млн долл. США в 2011–2014 гг.). В свою очередь, основным поставщиком вооружений для Турции в период с 1970 по 2014 г. были США с долей в 52% от общего объема импорта (24 млрд долл. США). За ними следуют Германия (10,041 млрд долл. США), Великобритания и Италия. Импорт из России и Испании в указанный период был незначительным, несмотря на их значительные объемы поставок вооружений на мировой рынок.

Таким образом, оборонная промышленность оказывает комплексное влияние на экономику, в частности на платежный баланс. Развитие техники и вооружений ведет к росту военных расходов. Если потребности не могут быть удовлетворены за счет внутреннего производства и покрываются импортом, это оказывает негативное краткосрочное влияние на платежный баланс. Инвестиции в создание ОПК также могут иметь отрицательный эффект на начальном этапе. Однако в долгосрочной перспективе локализация производства вооружений и техники способствует повышению экспортного потенциала и оказывает положительное влияние на платежный баланс. Турецкий опыт наглядно демонстрирует эту трансформацию: от хронически отрицательного сальдо в торговле продукцией ОПК страна перешла к его устойчивому положительному значению, что является редким достижением для государства, не входящего в клуб традиционных производителей вооружений.

В целом попытка государственного переворота 2016 г. стала критическим переломным моментом в эволюции турецкой политики безопасности и развития оборонно-промышленного комплекса. Это событие ускорило уже наметившийся переход от стратегии зависимого партнерства в рамках НАТО к курсу на стратегическую автономию, основанную на создании самодостаточного национального ВПК.

Трансформация турецкого ОПК после 2016 г. характеризуется несколькими ключевыми тенденциями. Во-первых, это беспрецедентная политическая и финансовая концентрация усилий на импортозамещении, которая позволила добиться прорывных результатов в таких областях, как производство ударных БПЛА, средств ПВО и бронетехники. Во-вторых, была выстроена эффективная модель управления через Управление оборонной промышленности (SSB), сочетающая стратегическое государственное планирование с гибкостью и инновационностью частных компаний. В-третьих, произошла значительная диверсификация внешних партнеров и рынков сбыта, что снизило уязвимость Турции от санкционного давления со стороны традиционных западных союзников.

Экономический анализ показывает двойственное воздействие развития ОПК на экономику Турции. С одной стороны, масштабные оборонные расходы создают фискальную нагрузку и несут в себе риски «вытеснения» инвестиций из гражданских отраслей. С другой стороны, они стимулируют высокотехнологичные сектора, способствуют росту экспорта, созданию высококвалифицированных рабочих мест и в долгосрочной перспективе улучшают платежный баланс страны.

Несмотря на впечатляющие успехи, турецкий ВПК продолжает сталкиваться с системными вызовами, главным из которых остается

ся зависимость от импорта критически важных компонентов, таких как авиационные двигатели и некоторые электронные системы. Преодоление этой зависимости является следующей стратегической задачей Анкары. В целом опыт Турции в развитии оборонной промышленности после 2016 г. представляет собой уникальный case study трансформации страны из зависимого импортера в уверенного регионального и глобального игрока на рынке вооружений. Этот успех стал возможен благодаря сочетанию политической воли, эффективной модели государственно-частного партнерства и умелого использования возможностей, открывающихся в условиях меняющейся архитектуры глобальной безопасности.

Список литературы

1. Аватков В. А. Популизм во внешней политике Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 543–554.
2. Başar S. Savunma Harcamalarının İktisadi Büyümeye Etkisi // Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2012. Sayı 10. S. 1–30.
3. SIPRI Military Expenditure Database 2017 // Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 06.05.2018).
4. SIPRI Yearbook 2016: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford : Oxford University Press, 2016. 489 p.
5. Zekey A. H. Savunma Sanayi Yatırımlarının Ekonomi Üzerine Etkileri // Kara Harp Okulu Bilim Dergisi. 1999. Sayı 2. S. 27–49.
6. Aydın M. Turkish Defense Procurement: Dependency and Autonomy in the Cold War Era. Ankara : ASAM Publishing, 2017. 210 p.
7. Özcan G. The Altay Tank Project: Challenges of Indigenous Design // Journal of Defense Studies. 2015. Vol. 12, № 1. P. 40–58.
8. Шумилин А. И. Военная промышленность Турции: от зависимости к самостоятельности? // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59, № 5. С. 44–52.
9. Кузнецов А. В. Турецкий «щит»: развитие системы ПВО и ракетных технологий в Турции // Зарубежное военное обозрение. 2018. № 4 (865). С. 76–84.
10. Yüzbaşıoğlu N., Atıyeva Ü. Исмаил Демир: мягкая сила важна, но недостаточна. Глава управления оборонной промышленности Турции поделился видением развития отечественного ВПК // Информационное агентство «Анадолу». URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/исмаил-демир-мягкая-сила-важна-но-недостаточна/2137373> (дата обращения: 02.10.2025).
11. Иванов С. М. Оборонно-промышленный комплекс Турции на современном этапе // Зарубежное военное обозрение. 2021. № 5. С. 17–20.
12. Гузаеров Р. И., Шарафутдинов Д. Р. Беспилотная дипломатия Турции // Свободная мысль. 2021. № 4 (1688). С. 93–98.
13. Yılmaz B. The Rise of Turkish Drones: From Concept to Global Export Success // Defense & Security Analysis. 2022. Vol. 38, № 1. P. 20–40.
14. Turkish Defense Industry Annual Report 2023. Ankara : Presidency of Defense Industries (SSB), 2023. 115 p.
15. Ulusoy H. New Alliances and Technology Transfer in Turkish Defense Procurement // Contemporary Security Policy. 2020. Vol. 41, № 3. P. 445–468.
16. Karakoç S. Strategic Autonomy and Turkish Defense Industry in the Post-2016 Era. Istanbul : Kadir Has University Publications, 2022. 188 p.
17. Soner V. Türk Savunma Sanayinin Silahlı Kuvvetlerin Modernizasyonuna ve Ekonomiye Etkileri : Yüksek Lisans Tezi. Kocaeli, 1997. 80 s.
18. McGuire M. C. The Structure of Choice Between Security and Spending // Journal of Conflict Resolution. 1982. Vol. 26, № 2. P. 109–138.
19. Looney R. E., Frederiksen P. C. Defense Expenditures, External Public Debt and Growth in Developing Countries // Journal of Peace Research. 1986. Vol. 23, № 4. P. 329–338.
20. Benoit E. Defense and Economic Growth in Developing Countries. Lexington : Lexington Books, 1973. 300 p.
21. Faini R., Annez P., Taylor L. Defense Spending, Economic Structure, and Growth: Evidence among Countries and Over Time // Economic Development and Cultural Change. 1984. Vol. 32, № 3. P. 487–498.
22. Odabaşoğlu S. Türkiye ve Avrupa Birliği Savunma Sanayii Savunma Gelişimi Çerçevesince Türkiye'nin Seçilmiş Bazı Avrupa Birliği Ülkeleri İle Arasındaki Savunma Harcamaları Ekonomik Büyüme İlişkisine Ampirik Yaklaşımı : Yüksek Lisans Tezi. Kütahya, 2012. 110 s.
23. Canbay Ş. Savunma Harcamalarının ve Savunma Sanayinin Makro Ekonomik Etkileri ve Türkiye Örneği : Yüksek Lisans Tezi. Sakarya, 2010. 95 s.
24. Demirkol M. Savunma Sanayi 2010 Yılı Hedeflerini Aştı // Savunma ve Havacılık Dergisi. 2011. Cilt 25, Sayı 143. S. 58–64.
25. Beyoğlu B. E. Türk Savunma Sektörünün Yarısalı Analizi ve Sanayileşme Model Önerisi : Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2006. 120 s.

Поступила в редакцию 02.11.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 10.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 02.11.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 10.01.2026; published 30.06.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 224–230
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 224–230
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-224-230>, EDN: OITQQF

Научная статья
УДК [314.1:323.15](516)|20| (=512.132)

Демографический переход в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в 2000-е гг. в контексте национальной политики КНР

Д. В. Буяров

Благовещенский государственный педагогический университет, Россия, 675004, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 104

Буяров Дмитрий Владимирович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, философии и культурологии, директор НОЦ востоковедения БГПУ, buyarov_d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8337-6817>, AuthorID: 518512

Аннотация. Статья посвящена анализу демографического перехода в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР в контексте общемировых закономерностей и национальной специфики. На основе статистических данных и научных исследований рассматриваются ключевые этапы и особенности этого процесса в регионе с высокой долей этнических меньшинств. В работе исследуется комплекс факторов, определивших эту специфику: демографические изменения, ускоренный социально-экономический прогресс, эволюция национальной демографической политики. В исследовании делается вывод о двойственном характере текущих тенденций. С одной стороны, действующая политика создает условия для положительного демографического динамизма среди национальных меньшинств. С другой стороны, общерегиональные тренды, характеризующие модернизацией и повышением уровня жизни, объективно ведут к низкой рождаемости, что соответствует завершающей фазе демографического перехода. Этот процесс представлен как закономерный итог социально-экономического развития и роста благосостояния этнических групп Синьцзяна.

Ключевые слова: Синьцзян-Уйгурский автономный район, демографический переход, национальная политика, национальные меньшинства, уйгуры

Для цитирования: Буяров Д. В. Демографический переход в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в 2000-е гг. в контексте национальной политики КНР // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 224–230. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-224-230>, EDN: OITQQF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Demographic transition in the Xinjiang Uygur Autonomous Region in the 2000s in the context of China's national policy

D. V. Buyarov

Blagoveshchensk State Pedagogical University, 104 Lenin St., Blagoveshchensk 675004, Russia

Dmitry V. Buyarov, buyarov_d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8337-6817>, AuthorID: 518512

Abstract. The article analyzes the demographic transition in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China in the context of global patterns and national specifics. Based on statistical data and scientific research, the key stages and features of this process in a region with a high proportion of ethnic minorities are considered. The paper examines a set of factors that determined this specificity: demographic changes, accelerated socio-economic progress, and the evolution of national demographic policy. The study concludes that the current trends are ambivalent. On the one hand, the current policy creates conditions for positive demographic dynamism among national minorities. On the other hand, regional trends characterized by modernization and an increase in living standards objectively lead to a low birth rate, which corresponds to the final phase of the demographic transition. This process is presented as a natural result of the socio-economic development and the growing welfare of the ethnic groups of Xinjiang.

Keywords: Xinjiang Uygur Autonomous Region, demographic transition, national policy, national minorities, Uighurs

For citation: Buyarov D. V. Demographic transition in the Xinjiang Uygur Autonomous Region in the 2000s in the context of China's national policy. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 224–230 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-224-230>, EDN: OITQQF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Демографическая эволюция человеческих обществ, несмотря на различия в культурном и историческом контексте, подчиняется фундаментальным закономерностям. Одной из наиболее

убедительно доказанных является модель демографического перехода – макросоциального сдвига, через который проходят страны и регионы в процессе модернизации. Этот переход

означает трансформацию от состояния высокой рождаемости и смертности в доиндустриальных обществах к низкой рождаемости и смертности в индустриальных обществах [1, р. 363]. В демографических исследованиях эта закономерность обобщена как теория демографического перехода.

Рассматривая демографические изменения в Китае, можно увидеть, что страна следует универсальным моделям демографического перехода, но при этом демонстрирует ряд существенных особенностей. Во-первых, снижение смертности и рождаемости происходит быстро, а весь цикл демографического перехода относительно короткий, что свидетельствует о временной сжимаемости. Например, время, необходимое для снижения рождаемости на 50%, даже в странах с более поздним развитием, где снижение рождаемости происходит позже, обычно составляет около 30 лет, тогда как Китай достиг этого менее чем за 20 лет. Во-вторых, существуют внутренние различия в демографическом переходе. С одной стороны, это проявляется в региональных различиях между восточными, центральными и западными регионами. С другой стороны, отличия в темпах и уровне рождаемости наблюдаются между представителями титульной нации в Китае – ханьцами и представителями национальных меньшинств в целом, а также между меньшинствами [2, с. 147]. В-третьих, с точки зрения анализа причин спада, решающую роль в демографическом переходе, особенно в изменении уровня рождаемости, сыграла демографическая политика центрального правительства КНР. В период с 1979 г. по 2015 г. в Китае действовала политика «одна семья – один ребенок», при этом для представителей национальных меньшинств эта квота увеличивалась до двух детей, и в очень редких исключениях – до трех [3, р. 2–5].

В качестве объекта в рамках данного исследования выбран Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), значительно отличающийся от других национальных автономных районов КНР. СУАР характеризуется особым географическим и стратегическим значением, является крупнейшей административно-территориальной единицей страны, расположен на границе с несколькими странами и служит важным центром Нового шелкового пути. СУАР весьма богат природными ресурсами и является одним из важнейших узлов крупного инфраструктурного проекта – «Один пояс, один путь», что делает его экономически стратегическим регионом с особым значением для национальной политики.

В Синьцзян-Уйгурском автономном районе проживают представители всех 56 народов Китая, но около 58% населения относится к национальным меньшинствам, среди которых преобладают уйгуры (45% населения). В свою очередь

уйгуры отличаются уникальной культурой, языком, исламской религией, что делает данный регион особенно актуальным с точки зрения китайской ассимиляции. На протяжении длительного времени Синьцзян характеризовался сепаратистскими настроениями и проявлениями терроризма и экстремизма среди представителей этнических меньшинств, что, безусловно, выделяло данный регион на фоне других национальных автономных районов КНР. В СУАР осуществляется более жесткая политика со стороны центрального правительства в сфере национальной безопасности и контроля за религией и национальными меньшинствами, в том числе это объясняется скрытыми проблемами религиозного экстремизма.

Со второй половины XX в. демографический переход и развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района, включая этнические меньшинства на юге Синьцзяна, напрямую связаны с экономическим и социальным развитием КНР, осуществляемыми в стране программами индустриализации и модернизации. С момента провозглашения СУАР в 1955 г. численность населения автономного района непрерывно растет, качество жизни улучшается, а средняя продолжительность жизни увеличивается. Численность представителей национальных меньшинств в Синьцзяне выросла с 4,45 млн человек по данным первой переписи КНР (1953 г.) до 14,93 млн человек по данным седьмой переписи (2020 г.). Среди национальных меньшинств СУАР преобладают уйгуры, демонстрирующие высокие темпы роста. Уйгурское население Синьцзяна увеличилось с 3,6 млн человек в 1953 г. до 11,62 млн человек в 2020 г.

Национальные меньшинства, в том числе уйгуры в Синьцзяне представлены традиционными народами с глубоко укорененными патриархальными культурными и религиозными ценностями. Их образ жизни и мировоззрение были тесно связаны с исламом, который оказывал влияние на повседневные практики, обряды и социальные нормы, в том числе брачно-семейные отношения. В последнее время в результате политики китайского правительства позиции исламской религии начинают постепенно ослабевать, что сказывается на новых тенденциях в брачно-семейных отношениях, которые будут рассмотрены ниже.

Не следует считать, что центральное правительство КНР осуществляло в СУАР дискриминационную демографическую политику. На автономный район распространялись те же меры и механизмы регулирования, что и на остальную территорию Китая. При этом формально представители национальных меньшинств, по сравнению с ханьцами, имели льготы, дававшие право на рождение второго, а иногда и третьего ребенка. В то же время поощрение ханьской миграции в Синьцзян, общекайтайская политика

ограничения рождаемости с 1979 г., ограничение религиозных обычаев, политика двуязычного образования (с обязательным изучением путунхуа) воспринимались частью национальных меньшинств как ущемление их национальных традиций и идентичности.

В последние годы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе наблюдается замедление роста населения, более рациональная структура населения и постоянное улучшение его качества. Эти тенденции синхронизированы с общим социалистическим развитием Китая и социально-экономическим прогрессом автономного района. Развитие СУАР находится под пристальным вниманием со стороны центрального правительства КНР и представляет собой модель достаточно успешной реализации национальной политики. Китай является многонациональным государством, для которого важно сохранять стабильность в межнациональных отношениях. Правительство КНР подчеркивает свой курс на сохранение культурного и этнического многообразия и в то же время осуществляет политику по формированию «чжунго миньцзу» – общекитайской нации, представленной всеми 56 народами Китая. При этом не следует забывать, что для китайских властей очень важно, чтобы стержнем «чжунго миньцзу» оставались ханьцы, как государствообразующая, титульная нация. В этой связи районы проживания национальных меньшинств являются особым предметом внимания со стороны центрального правительства, усилия которого направлены на китаизацию меньшинств, а через нее и на укрепление социальной стабильности и безопасности.

Синьцзян, как район с концентрацией этнических меньшинств, демонстрирует характеристики изменения населения, которые, с одной стороны, соответствуют общей модели демографического перехода, но, с другой стороны, обладают определенными отличительными чертами, такими как относительное отставание, структурные различия и волатильность.

Относительное отставание демографического перехода в Синьцзяне объяснялось сильным влиянием ислама и культуры тюркоязычных народов, для которых традиционно была характерна высокая рождаемость. Вследствие влияния исламских традиций обществом поощрялись большие семьи, ограничивалась информация о контрацепции, доступ к абортам. В восточных и центральных провинциях КНР более лояльное по отношению к центральному правительству ханьское население усерднее следовало демографической политике КНР. В свою очередь в СУАР меры правительства, направленные на демографическое регулирование, встречали скрытое сопротивление со стороны представителей национальных меньшинств.

С 1949 г. демографический переход в Синьцзяне начался с высоких показателей рождаемости

и смертности. Уровень смертности начал падать первым, в то время как уровень рождаемости демонстрировал относительное отставание и более медленное снижение. Тем не менее тенденция к снижению все еще сохранялась, а естественный прирост сначала рос, а затем падал. К 2018 г. СУАР завершил свой демографический переход, достигнув баланса с низкими уровнями рождаемости, смертности и естественного прироста. Однако по сравнению со средним показателем по стране демографический переход в Синьцзяне был относительно отложенным [4, с. 39].

Структурные различия связаны с различиями в процессах демографического перехода среди этнических групп, населенных пунктов и субрегионов автономного района. Демографический переход в южном Синьцзяне является относительно медленным, с уровнем рождаемости стабильно более высоким, чем в северном и восточном Синьцзяне, что связано с уровнем социально-экономического развития региона. Сравнивая разные этнические группы, в том числе ханьцев с меньшинствами, следует отметить, что снижение рождаемости среди национальных меньшинств значительно меньше, с сохранением более высокого естественного прироста, что указывает на относительно медленный демографический переход. Это связано с различиями в политике и правилах планирования семьи и разными взглядами на брак и деторождение [5, с. 179].

Волатильность проявляется в асинхронности и разнонаправленности динамики демографического развития. Так, в частности, в более урбанизированном северном Синьцзяне рождаемость стабилизировалась на низком уровне, а в аграрном южном Синьцзяне продолжает оставаться высокой, но может начать снижаться достаточно быстро. Среди ханьского населения демографический переход завершен, а среди некоторых национальных меньшинств запаздывает. Синьцзянское общество отличается гетерогенностью, для него характерны резкие контрасты между городом и сельской местностью, разными этническими группами, людьми с разными уровнями образования. Все это ведет к тому, что демографический переход протекает в разных скоростных режимах и в сумме дает картину некоторой нестабильности на уровне всего региона.

На специфический демографический переход в СУАР оказала влияние совокупность факторов. Во-первых, демографические факторы – в Синьцзяне значительно снизились младенческая смертность, смертность детей в возрасте до 5 лет и материнская смертность. Доля ранних браков в автономном районе сократилась, что привело к сокращению репродуктивного цикла. Согласно данным переписи населения и выборочного обследования, в 1990 г. среди 15–19-летних женщин Синьцзяна, доля когда-либо состоявших

в браке составляла 13,8%. Этот показатель снизился до 7,3% в 2000 г. и оставался на уровне 7,8% в 2010 г. и 2015 г. [6, р. 82].

Во-вторых, социально-экономические факторы развития. ВВП на душу населения в СУАР быстро рос, удвоившись за десятилетие с 2010 г. по 2020 г. Базовый уровень безопасности жизни людей постоянно повышается, а располагаемый доход на душу населения жителей увеличился с менее чем 10000 юаней в 2010 г. до 23 845 юаней в 2020 г. Уровень социального обеспечения, в том числе качество медицинского обслуживания, постепенно повышается, гарантируются право на образование и труд [7]. К 2024 г. в Синьцзяне насчитывалось более 190 00 медицинских учреждений и 314 600 сотрудников системы здравоохранения. Количество койко-мест в медицинских учреждениях на тысячу человек в 2024 г. составило 7,85, а количество врачей – 3,19 [8].

Третий фактор связан с политикой в области рождаемости. В южном Синьцзяне, в таких районах, как Кашгар и Хотан, политика планирования семьи долгое время осуществлялась неэффективно, что приводило к слабому контролю и несанкционированным деторождениям. В 1981 г. правительство СУАР издало «Временные положения по некоторым вопросам планирования семьи», за которыми последовали «Временные положения по планированию семьи для этнических меньшинств в Синьцзян-Уйгурском автономном районе» в 1988 г. и 1992 г., а также «Меры по планированию семьи в Синьцзян-Уйгурском автономном районе», изданные в 1992 г. [6, р. 85]. Впоследствии Постоянный комитет Собрания народных представителей Синьцзян-Уйгурского автономного района пересматривал эти правила в 2004 г., 2006 г. и 2010 г. Эти нормативные акты по планированию семьи касались рождаемости среди этнических меньшинств в автономном районе. Супружеским парам из числа национальных меньшинств было разрешено иметь двух детей в городских районах и трех детей в сельских районах; при этом ханьским парам, как правило, было разрешено иметь одного ребенка в городских районах и двух детей в сельских районах. Только после пересмотра правил в 2017 г. была введена единая политика, не зависящая от этнической принадлежности. Политика предусматривала, что «городским парам разрешено иметь двух детей, а сельским парам – трех детей» [9]. С 2017 г. в Синьцзяне всесторонне реализуется политика планирования семьи посредством правового регулирования, усиления пропаганды и предоставления услуг по контрацепции и планированию семьи. Это значительно сократило число нежелательных беременностей и частых родов среди женщин всех национальностей [7]. Согласно Положению СУАР о народонаселении в автономном районе

реализуется единая политика планирования семьи по отношению ко всем этническим группам (статья 3). С 2017 г. городским парам разрешалось иметь двух детей, а сельским – трех. С 2021 г. всем супружеским парам разрешается иметь трех детей [10].

Четвертый фактор связан с отношением к браку и деторождению. В последние годы среди местных женщин сократилась практика рождения детей с короткими интервалами (2–3 года), а также выросла доля межэтнических браков. С одной стороны, в СУАР удалось ослабить традиционное религиозное влияние на представителей национальных меньшинств репродуктивного возраста, на их отношение к браку и деторождению. С другой стороны, расширяются возможности для женщин к получению высшего образования и участия в социально-экономической деятельности. Например, доля преподавателей вузов и студентов женского пола неуклонно растет, достигнув в 2018 г. 66,5 и 55,6% соответственно. В 2019 г. появилось 480900 новых рабочих мест в городах, из которых 228 100 были заняты женщинами, что составляет 47,43% от общего числа [7].

Численность населения Синьцзяна в XXI в. непрерывно росла, хотя темпы роста замедлились. С 2000 г. по 2010 г. население СУАР увеличилось с 18,46 млн до 21,82 млн человек. В условиях реализации новой политики планирования семьи рождаемость снизилась с 15,88‰ в 2017 г. до 5,6‰ в 2021 г., при этом уровень смертности изменился относительно незначительно. Естественный прирост населения снизился с 11,4‰ до 0,56‰, завершив процесс демографического перехода и достигнув низкого уровня равновесия между рождаемостью, смертностью и естественным приростом населения. Однако общая численность населения Синьцзяна продолжает расти, достигнув 25,85 млн человек в 2020 г. Численность представителей национальных меньшинств также продолжает увеличиваться, составив 10,97 млн человек в 2000 г., 12,99 млн человек в 2010 г. и 14,93 млн человек в 2020 г. Среди них численность уйгуров составляла 8,52 млн человек в 2000 г., 10,17 млн человек в 2010 г. и 11,62 млн человек в 2020 г. Тенденция изменения численности населения этнических меньшинств совпадает с общей численностью населения автономного района и превышает средний темп прироста численности этнических меньшинств во всем регионе [5, с. 180].

С точки зрения половозрастной структуры, данные седьмой национальной переписи населения Китая 2020 г. показывают, что в Синьцзяне начал наблюдаться постепенный переход к старению населения. По сравнению с другими провинциями, в СУАР лица в возрасте от 0 до 14 лет составляют 22,46%, а лица в возрасте 65 лет и старше – 7,76%. Эти показатели характеризуют население Синьцзяна пока как относительно

молодое. В 2020 г. гендерное соотношение при рождении в СУАР составляло 105,89:100, а общее гендерное соотношение мужчин и женщин среди населения – 106,85:100, что соответствует норме. Уйгурское население характеризуется более молодой возрастной структурой: лица в возрасте от 0 до 14 лет составляют 30,23%, а лица в возрасте 65 лет и старше – всего 5,59%. Соотношение полов при рождении уйгурского населения составляет 106,28:100, что указывает на нормальное распределение по возрастным группам [11].

Уровень здоровья населения Синьцзяна является самым высоким с момента основания КНР. Согласно Ежегоднику здравоохранения Китая, средняя продолжительность жизни в СУАР увеличилась с 62,59 лет в 1990 г. до 67,41 лет в 2000 г. и далее увеличилась до 72,35 лет в 2010 г. В 2020 г. она достигла 74,42 лет. При этом средняя продолжительность жизни представителей уйгуров выше, чем в среднем по региону. Средняя продолжительность жизни уйгуров увеличилась с 63,43 лет в 1990 г. до 68,14 лет в 2000 г. и далее до 72,59 лет в 2010 г. [6, р. 87].

Население Синьцзяна добилось значительного прогресса в образовании, при этом образовательное неравенство между различными этническими группами продолжает сокращаться. В 2020 г. уровень образования населения СУАР был относительно высоким, а доля лиц в возрасте 15 лет и старше, получивших среднее образование или выше, превышала средний показатель по стране. Говоря об этнических различиях, необходимо признать, что в период с 1990 г. по 2010 г. уровень образования ханьцев в Синьцзяне был выше, чем у населения этнических меньшинств. Что касается уйгуров, их средний уровень образования был ниже, чем в среднем по всем представителям национальных меньшинств. К 2020 г. уровень образования уйгурского населения все еще демонстрировал неравенство по сравнению с общими показателями по СУАР.

По данным переписи населения 2020 г., средняя продолжительность обучения уйгуров в возрасте 15 лет и старше составила 9,19 лет, что выше показателя 2000 г. (7,06 лет). На каждые 100 000 человек приходится 8944 человека с высшим образованием, что на 6540 человек больше, чем в 2000 г. Общая средняя продолжительность обучения всего населения Синьцзяна в 2020 г. составила 10,11 лет, при этом на 100 000 человек приходилось 16 500 человек с высшим образованием [5, с. 180].

Население Синьцзяна стало более модернизированным с точки зрения профессий и занятости в конкретных отраслях народного хозяйства, при этом значительные изменения наблюдаются среди уйгурского населения. В 2024 г. доля людей, работающих в первичном, вторичном и третичном секторах, составила 31,34%, 14,45%

и 54,21% соответственно [8]. Увеличение количества занятых в третичном секторе экономики также свидетельствует о демографическом переходе.

Рассматривая этнические различия в период с 1990 г. по 2010 г. необходимо отметить, что наблюдалось значительное неравенство в отраслевой и профессиональной структуре между ханьцами и национальными меньшинствами в Синьцзяне. Среди уйгурского населения СУАР доля занятых в первичном секторе в 2020 г. составила 37,6%, что выше, чем среди всего населения автономного района.

На сегодняшний день продолжает развиваться процесс урбанизации населения СУАР. Причем этот процесс ускоряется среди уйгуров. В 2020 г. доля городского населения в Синьцзяне составила 56,53%, что все еще отстает от среднего показателя по стране. Тем не менее за последнее десятилетие численность городского населения увеличилась на 32,11%, превысив темпы роста двух предыдущих десятилетий (18,69% и 26,45%).

Рассматривая этнические различия, можно отметить, что с 2000 г. по 2010 г. доля городского населения среди ханьцев в Синьцзяне была выше, чем среди представителей других этнических меньшинств. В 2020 г. доля городского населения среди уйгуров в Синьцзяне достигла 34,97%, что ниже средних показателей автономного района (56,53%), но значительно превышает показатели в 19,21% в 2000 г. и 21,97% в 2010 г. К 2024 г. уровень урбанизации в СУАР достиг 62,3% [4, с. 40].

В современных условиях население Синьцзян-Уйгурского автономного района, особенно молодые представители национальных меньшинств, постепенно перенимает современные концепции брака и деторождения, а также меняет образ жизни. Выявляются новые характеристики ценностей и убеждений в отношении брака и деторождения. Изменения затрагивают в том числе женщин из этнических меньшинств южного Синьцзяна – субрегиона, характеризующегося более традиционным и консервативным укладом. Это происходит в силу ряда факторов.

Во-первых, постепенно ослабевают традиционное представление о ранних браках и ранних родах. У женщин, родившихся в 2000-х гг., стремление к раннему браку и рождению детей заметно откладывается и наступает примерно в 27–28 лет. По мере того, как женщины с новыми представлениями о детях становятся основной группой женщин репродуктивного возраста, ожидается, что это влияние станет еще более выраженным.

Во-вторых, снижается предпочтение многодетности и частых деторождений. Женщинам в южном Синьцзяне, особенно имеющим высшее образование и работающим полный рабочий день, необходимо эффективно распределять время между работой и уходом за детьми, находя баланс между самореализацией и семейными

обязанностями. Также растут затраты на содержание детей, что требует баланса между количеством и качеством. По мере повышения уровня образования уйгурских женщин увеличиваются альтернативные издержки деторождения. Траты на ребенка с момента рождения до 17 лет составляют около 300 тыс. юаней в сельской местности и 630 тыс. в городской [12]. Современная тенденция смещается в сторону приоритета качества обеспечения детей над их количеством, что снижает традиционное предпочтение многодетности и частых деторождений.

В-третьих, увеличивается вероятность межэтнических браков. Благодаря растущему взаимодействию уйгуров с другими этническими группами, более высокому уровню владения государственным языком и повышению культурной инклюзивности, уйгурские женщины имеют более широкий выбор будущих супругов из других национальностей, в том числе среди ханьцев. В новом поколении уйгурских женщин наблюдается более широкое принятие, уважение и понимание культуры других национальностей.

С 2018 г. в районах проживания национальных меньшинств в Синьцзяне наблюдается быстрая трансформация репродуктивных моделей, что приводит к резкому снижению и даже отрицательному естественному приросту населения в некоторых местах. Хотя это изменение отчасти связано с реализацией политики планирования семьи, это не обязательно означает, что фертильность местных женщин падает ниже уровня воспроизводства. В 2000-е гг. СУАР, особенно южный Синьцзян, находится в фазе всестороннего и быстрого развития. Это включает в себя развитие уйгурского населения, особенно женщин, в том числе в таких направлениях как рост занятости женщин, всеобщее среднее образование и изменения во взглядах на брак и деторождение. Эти трансформации напрямую влияют на модели брака и деторождения. Поскольку переход от ранних браков, ранних родов, деторождения и частых интервалов между рождениями быстро сменяется новой моделью заключения браков и более поздним рождением детей, а также акцентом на здоровом деторождении, соответствующие демографические показатели, такие как рождаемость и естественный прирост, неизбежно испытывают быстрый переход от высоких к низким или от положительных к отрицательным значениям.

В СУАР продолжает реализовываться политика в области планирования семьи. Данный курс является общенациональным и не включает в себя меры дискриминации по национальному признаку. Представители этнических меньшинств, в соответствии с мерами национальной политики получают медицинскую, информационную, финансовую поддержку.

В Синьцзян-Уйгурском автономном районе сохраняется ряд проблем, в том числе сказывающихся на его демографическом развитии.

К их числу можно отнести сохранение определенной степени экономического неравенства между ханьцами и представителями национальных меньшинств, как следствие, – неравенство в региональном распределении, профессиональной занятости и уровне образования. В то же время центральное правительство КНР и правительство СУАР проводят достаточно эффективную национальную политику. К положительным результатам этой политики можно отнести достижение социальной стабильности (ликвидация терроризма и экстремизма), повышение уровня благосостояния населения, распространение современной культуры и новых (более высоких) стандартов качества жизни.

Можно утверждать, что официальная политика в СУАР сочетает элементы автономии и интеграции, но с сильным акцентом на поддержание стабильности и контроля. Это не простой ассимиляционный курс в узком смысле, а комплекс мер, в котором вопросы языка, религии, культуры, безопасности, социально-экономического и демографического развития переплетены между собой.

В долгосрочной перспективе демографическое развитие Синьцзяна определяется действием двух ключевых факторов. С одной стороны, сохраняется политика, благоприятствующая рождаемости (политика трех детей), а репродуктивный потенциал этнических меньшинств, в особенности в южных районах, все еще допускает расширенное воспроизводство населения. С другой стороны, регион в целом, включая уйгурское население, следует универсальной траектории демографического перехода, неуклонно эволюционируя в сторону режима низкой рождаемости и минимального естественного прироста. Эта трансформация является объективным и закономерным следствием социально-экономического прогресса и повышения качества жизни всех этнических групп Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Список литературы

1. Kirk D. Demographic Transition Theory // *Population Studies*. 1996. Vol. 50, № 3. P. 361–387.
2. Лу Ц., Цю Л. Анализ рождаемости и факторов, влияющих на нее, среди этнических меньшинств в моей стране – на примере чжуанов, хуэйцев, маньчжуров, уйгуров, тибетцев и монголов [李建新, 秋丽雅. 我国少数民族人口生育及其影响因素分析 – 以壮族、回族、满族、维吾尔族、藏族、蒙古族为例] // *Северо-западные этнические исследования*. 2022. № 112 (1). С. 139–155. <https://doi.org/10.16486/j.cnki.62-1035/d.20220124.003>
3. Buyarov D. V., Kireev A. A., Druzyaka A. V. Demographic Situation in Xinjiang-Uigur Autonomous Area in the Last Quarter of the Twentieth Century // *Global Media Journal*. 2016. Vol. Special Issue. № S3:03. P. 1–6.

4. Буяров Д. В., Иванов Д. Д. Демографическое развитие Синьцзян-уйгурского автономного района в первой четверти XXI века // Человеческий капитал. 2025. № 8 (200). С. 35–44. <https://doi.org/10.25629/НС.2025.08.03>
5. Буяров Д. В. Демографическое развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района в 2000-е годы // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2023. № 13. С. 177–182.
6. Li J., Qiu L. Demographic Transition and Population Dynamics in Xinjiang, China // China Population and Development Studies. 2024. № 8. P. 78–95. <https://doi.org/10.1007/s42379-024-00152-9>
7. 新疆的人口發展2021 [Развитие населения в Синьцзяне] // Информационное бюро Государственного совета КНР. URL: <http://big5.www.gov.cn/gate/big5/> (дата обращения: 01.12.2025).
8. CPC Guidelines for Governing Xinjiang in the New Era: Practice and Achievements. 2025 // The State Council Information Office the People Republic of China. URL: <http://english.scio.gov.cn/whitepapers/> 2025-09/20/content_118090322_11.html (дата обращения: 01.12.2025).
9. 新疆维吾尔自治区第七次全国人口普查公报 [Бюллетень седьмой национальной переписи населения Синьцзян-Уйгурского автономного района]. URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2021/06-14/9499365.shtml> (дата обращения: 01.12.2025).
10. 新疆维吾尔自治区人口与计划生育条例 [Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района о народонаселении и планировании семьи]. 2022. URL: <https://xjrb.ts.cn/xjrb/20220604/194476.html> (дата обращения: 01.12.2025).
11. Xinjiang Population Dynamics and Data // China Daily. 2021. URL: https://govt.chinadaily.com.cn/s/202109/27/WS61512a0e498e6a12c1206319/xinjiang-population-dynamics-and-data_2.html (дата обращения: 01.12.2025).
12. 中国生育成本报告2022版 [Выпуск отчета о затратах на фертильность в Китае за 2022 год]. URL: <https://www.jsma.net.cn/cn/zwh/content.aspx?oid=61639&committeeId=1256> (дата обращения: 01.12.2025).

Поступила в редакцию 12.12.2025; одобрена после рецензирования 27.12.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 12.12.2025; approved after reviewing 27.12.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 231–237

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 231–237
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-231-237>, EDN: QEIZDL

Научная статья
УДК [329.15(510)+94(73)]|1941/1945|:930(470+571)|19/20|

Проблема взаимоотношений Коммунистической партии Китая и США в годы войны на Тихом океане в отечественной историографии

Е. И. Карпов

Дальневосточный федеральный университет, Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10

Карпов Егор Игоревич, ассистент Департамента истории и археологии, karpov.ei@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8664-4902>, AuthorID: 1264963

Аннотация. Статья посвящена историографическому обзору трудов советских и современных российских учёных по проблеме взаимоотношений Коммунистической партии Китая (КПК) и Соединённых Штатов в период 1941–1945 гг. Историографический обзор объединяет работы с конца 1940-х гг. до начала XXI в. и разделён на три этапа, каждый из которых имеет свои отличительные черты. Исследование концентрируется на анализе эволюции методологических подходов и оценок ключевых аспектов двустороннего взаимодействия. Особое внимание уделяется источниковой базе публикаций и её влиянию на формирование точек зрения исследователей.

Ключевые слова: Вторая мировая война, США, Китай, Коммунистическая партия Китая (КПК), Мао Цзэдун, Дж. Стилуэлл, П. Хэрли

Для цитирования: Карпов Е. И. Проблема взаимоотношений Коммунистической партии Китая и США в годы войны на Тихом океане в отечественной историографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 231–237. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-231-237>, EDN: QEIZDL
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of the relationship between the Chinese Communist Party and the USA during the Pacific War in domestic historiography

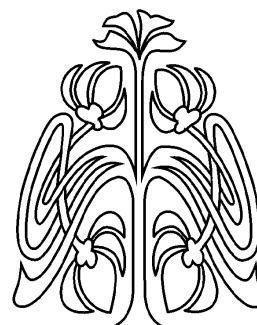
Е. I. Karpov

Far Eastern Federal University, 10 Ajax, Russky Island, Vladivostok 690922, Russia

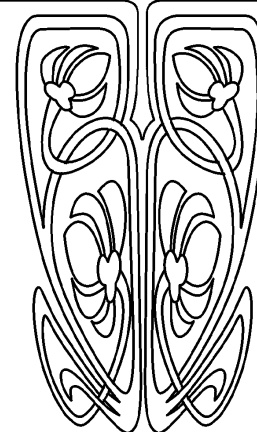
Egor I. Karpov, karpov.ei@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8664-4902>, AuthorID: 1264963

Abstract. The article is devoted to a historiographical review of the works of Soviet and modern Russian researchers on the issue of relations between the Communist Party of China and the United States during the period of 1941–1945. The historiographical review combines publications from the late 1940s to the beginning of the 21st century and is divided into three stages, each of which has its own distinctive features. The research focuses on the analysis of the evolution of methodological approaches and assessments of key aspects of bilateral cooperation. Special attention is paid to the source base of publications and its influence on the formation of researchers' points of view.

Keywords: Second World War, USA, China, Chinese Communist Party (CCP), Mao Zedong, J. Stilwell, P. Hurley

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

For citation: Karpov E. I. The problem of the relationship between the Chinese Communist Party and the USA during the Pacific War in domestic historiography. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 231–237 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-231-237>, EDN: QEIZDL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вторая мировая война стала поворотным моментом в формировании отношений между КНР и США, заложив основы многих противоречий, сохраняющих свою остроту и по сей день. Актуальность обращения к теме обусловлена тем, что анализ международных отношений в 1941–1945 гг. дает ключ к пониманию природы современных конфликтов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, являющемся одним из важнейших центров современной мировой политики.

На сегодняшний день проблема представлена в большом корпусе публикаций, включающем статьи, монографии, диссертации и рецензии. Однако в свете продолжающегося расширения базы доступных источников и появления новых методологических подходов возникает необходимость в переосмыслении накопленного материала.

Отечественная историография берёт начало с конца 1940-х гг. и делится на три этапа. Первый этап длится до начала 1960-х гг. и имеет определённые особенности. Во-первых, с самого начала исследования взаимоотношений американцев и китайских коммунистов военного времени рассматривались в рамках широких тем, посвящённых экспансии Соединённых Штатов на Дальнем Востоке, истории Коммунистической партии Китая и становления современной китайской государственности.

Во-вторых, в условиях доминирования классового подхода американская внешняя политика рассматривалась как форма империалистической экспансии, стремившейся сохранить существующие колониальные режимы и ликвидировать угрозы, исходившие от СССР и международного коммунистического движения.

Так, по мнению Г. В. Астафьева, Вторая мировая война стала поворотным моментом, разоблачившим истинные намерения США по установлению колониального господства над Китаем [1, с. 36]. В связи с этим автор уделяет особое внимание жёсткой позиции Вашингтона по отношению к китайским коммунистам, стоявшим на пути американских интересов.

Г. В. Астафьев отмечает, что Народно-освободительной армии было категорически отказано в поставках американского оружия. Причиной такого решения стали заявления генерала А. Ведемейера, в которых он заявлял, что не обладает полномочиями предоставлять помощь партизанам. Для реализации этого курса на оперативном уровне со всех американских офицеров в Китае была взята подписка о том, что они обязались не оказывать поддержки лицам и организациям, не связанным с Чунцинским правительством. Аналогичные меры предпринял и американский посол П. Хэрли. Он распространил ограничения

на дипломатов, запретив им оказывать содействие сторонникам союза с коммунистическими силами. Как следствие, такие меры, по мнению исследователя, привели не только к усилению агрессивности антинародной политики Чан Кайши, но и к эскалации гражданской войны [1, с. 38].

Схожие точки зрения можно увидеть в работах В. Я. Аварина и В. Н. Никифорова. Ученые свидетельствуют, что хотя формальное провозглашение доктрины Трумэна состоялось лишь в 1947 г., её ключевые принципы – стратегия поддержки консервативных режимов под предлогом сдерживания коммунизма – фактически применялись американской администрацией в Китае уже в 1945 г. [2, с. 315–316; 3, с. 75]. Внимание уделяется высшим американским военным и дипломатам – генералам А. Ведемейеру и П. Хэрли. Обоих лиц исследователи характеризуют как убеждённых империалистов, выступивших инструментами агрессивного антикоммунистического курса [2, с. 317; 3, с. 76–77].

В монографии 1950 г. В. Н. Никифоров, Г. Б. Эренбург и М. Ф. Юрьев указывают, что прибывшие в Китай в 1944 г. генералы представляли наиболее экспансионистские круги монополистического капитала США. Их миссия, как полагали учёные, заключалась в том, чтобы превратить Китай в плацдарм регионального влияния и потенциальной агрессии против СССР [4, с. 80].

Особое внимание учёные уделяют роли КПК в событиях военного времени. Компартия не только стала подлинным организатором и ведущей силой сопротивления японской агрессии, но и возглавила народно-освободительное движение китайского народа, последовательно разоблачая планы как местных реакционеров, так и их иностранных покровителей [4, с. 350–355].

Данная проблема также рассматривается в статье А. С. Перевертайло 1949 г. и в коллективном труде Института востоковедения 1959 г. В обеих публикациях исследователями перечисляются инициативы Коммунистической партии под руководством Мао Цзедуна по сплочению китайского общества для противодействия устремлениям американского империализма установить полный контроль над страной [5; 6].

К концу первого этапа появляются работы, аккумулирующие новые источники и раскрывающие новые аспекты деятельности американцев и китайских коммунистов. В статье 1959 г. Е. Ю. Богуш обращает внимание на особый интерес коммунистов к союзнической помощи. Исследователь отмечает, что Компартия стремилась к получению поставок по ленд-лизу и требовала их равномерного распределения между гоминдановскими и особыми районами [7, с. 12].

Автор, опираясь на опубликованные материалы Государственного департамента в Белой книге 1949 г. – «United States Relations with China, with Special Reference to the Period 1944–1949», рассматривает мнения американцев о контрастах коммунистических и гоминьдановских территорий. Е. Ю. Богуш впервые указывает, что руководство США получало подробную информацию о положении в Китае от собственных осведомителей, в которой часто противопоставлялись коммунистические районы Китая, сумевшие обеспечить себя необходимым собственными усилиями, и подконтрольные Гоминьдану территории, находившиеся в глубоком кризисе [7, с. 13].

В таких условиях американской стороной была применена политика «свободного маневрирования» – принятие на себя роли посредника в переговорах между обеими партиями. По мнению Е. Ю. Богуша, благодаря этой политике решались две задачи: выиграть время для подготовки сил Чан Кайши к началу гражданской войны, обмануть и разоружить Коммунистическую партию Китая «средством всякого рода хитросплетений и компромиссов» [7, с. 15].

1940–1950-е гг. – время начала формирования источниковой базы по данной тематике. В этих условиях учёные использовали наиболее доступные и распространённые материалы. При этом основной упор делался на материалы китайского, советского и американского происхождения.

Китайские источники включают работы и тексты выступлений партийных лидеров, документы по истории победы Коммунистической партии, вошедшие в состав сборника «Материалы по истории новодемократической революции в Китае» под редакцией Ху Хуа (1951). Эти материалы вместе с публикациями из периодических изданий Цюньжун, Цзюфан Жибао и China Monthly отражают позиции партийного руководства КПК в отношении событий военного времени.

Основу отечественной источниковой базы составляют публикации советских руководителей – И. В. Сталина, В. М. Молотова и А. А. Жданова, регулярно печатавшиеся в газете «Правда», документы третьего тома сборника «Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны» (1947), включающего международные акты и стенограммы бесед с китайскими и американскими дипломатами.

Американские материалы представлены воспоминаниями участников событий (А. Ведемейера, Г. Трумена и др.), периодическими изданиями *Amerasia*, *Department State of Bulletin*, а также публикациями журналистов Ф. Элриджа, Э. Джэкоби и Т. Уайта, в которых особое внимание уделяется роли КПК во время японо-китайской войны, политическим интригам и хитросплетениям американской политики.

В отношении Белой книги 1949 г., содержащей значительное количество архивных ма-

териалов Государственного департамента США периода военных действий, следует отметить, что сборник не был задействован в исследовательской практике, за исключением работ Е. Ю. Богуша.

Второй этап охватывает промежуток с начала 1960-х до середины 1980-х гг. и обладает несколькими важными особенностями. В условиях советско-китайского раскола и последовавшего сближения КНР и США происходила переоценка роли и деятельности Коммунистической партии Китая в период Второй мировой войны. Данная проблема учёными стала трактоваться через призму «предательства» Мао Цзэдуном и его окружением марксистского учения и коммунистического движения в угоду «националистическому» уклону в КПК и реализации «великодержавных амбиций» партийного руководства.

Как следствие, для второго этапа особую значимость приобрёл анализ причин и целей сближения Компартии с Соединёнными Штатами. По мнению М. Ф. Юрьева, Мао Цзэдун и его окружение решились воспользоваться сложившейся ситуацией, когда в условиях масштабных последствий операции «Ити-го» и осложнившихся отношений с Гоминьданом перед американцами встали реальная угроза поражения Китая в войне и проблема стабилизации японо-китайского фронта. Целью же коммунистов, как полагал исследователь, было стремление заручиться политической поддержкой Вашингтона и перенаправить объёмы военной помощи с Чунцина на Яньань [8].

М. И. Сладковский видит причину в ослаблении связей с Коминтерном и ВКП(б) и в военных трудностях СССР, которые заложили почву для распространения антисоветских настроений среди националистически настроенной части КПК. Эта тенденция, по мнению ученого, усилилась после вступления США в войну против Японии, когда Мао Цзэдун и партийное руководство стали рассматривать сближение с американцами как альтернативу зависимости от Москвы [9].

А. М. Ледовский считает, что сближение с Соединёнными Штатами было обусловлено практическими соображениями и личной позицией партийного лидера. По его мнению, Мао Цзэдун думал, что в условиях масштабности конфликта на германо-советском фронте и потерь СССР вступить в войну с Японией не ранее 1946 г. [10, с. 58–60].

А. М. Дубинский приходит к выводу о взаимном стремлении сторон к сотрудничеству: для американцев был важен самостоятельный и независимый от Москвы курс КПК, который они видели в лице националистической тенденции в партии, при этом и Мао Цзэдун не ставил целью немедленный переход к социализму, подчеркивая необходимость длительного периода модернизации страны и общества, невозможного без значительной западной поддержки и наставничества [11, с. 81].

Эта проблема также включает два ключевых аспекта: время инициации контактов и методы воздействия, применявшиеся китайскими коммунистами для привлечения американского внимания. А. М. Ледовский фиксирует активную работу КПК по установлению диалога с американскими представителями с начала 1942 г. Коммунисты последовательно стремились вовлечь западных союзников в свою сферу влияния, демонстрируя готовность к интеграции в глобальную стратегию Соединённых Штатов [12, с. 79].

Исследователь обращает внимание на значительные усилия Коммунистической партии Китая по изменению своего имиджа. Если ранее партия позиционировалась как последовательница марксизма-ленинизма, то теперь её образ трансформировался в направлении, более понятном и приемлемом для западных союзников [10, с. 15–16].

В. Б. Воронцов в работе 1974 г. отмечает весомую роль американских корреспондентов в знакомстве западной общественности с КПК. Представления о Китае и о Яньане, как пишет автор, формировались под воздействием целой серии публикаций, которые, несмотря на разницу в оценках деятельности коммунистов, создавали благоприятный имидж Мао Цзэдуна и Компартии, показывая их как аграрных реформаторов (народных демократов) с выраженной националистической ориентацией. Однако В. Б. Воронцов указывает, что такой имидж не был результатом устремлений коммунистов, а являл глубинное непонимание западными наблюдателями сути марксистского учения и действительной сущности КПК [13, с. 14–16].

Существенное влияние на развитие советской историографии второго этапа оказал масштабный рост источниковой базы, который дал возможность пересмотреть позиции по старым вопросам и раскрыть ранее не исследуемые проблемы в рамках американской политики.

Одной из таких проблем является роль генерала Дж. Стилуэлла. А. М. Дубинский и В. Б. Воронцов видят в деятельности генерала отражение ключевого элемента американской стратегии начального этапа войны – консолидации и максимальном задействовании всех китайских ресурсов в борьбе с японской агрессией. В этих условиях трезвый и реалистичный подход к событиям на фронте и положению в Китае приводил Дж. Стилуэлла к выводу о высокой боеспособности сил КПК и вполне реальной возможности их использования в интересах США [14, с. 72; 15, с. 28].

Как указывает А. М. Ледовский, именно генерал заложил основу для отправки специальной миссии в Яньань – миссии «Дикси», в которой сыграли решающую роль его сторонники по взглядам из числа дипломатов (Дж. Дэвис и Дж. Сёрвис) и офицеров разведки (Д. Баррет) [10, с. 59].

А. С. Титов в статье 1978 г. рассматривает проблему миссии «Дикси» и её влияния

на двухсторонние взаимоотношения. Мао Цзэдун со сторонниками, рассчитывая получить вооружение и поддержку со стороны правящих кругов США, создал на протяжении двух лет наиболее благоприятные условия для ознакомления с положением в Особом районе и партизанских базах и сбора необходимой информации [16, с. 99].

Сближению сторон способствовала общность позиций. По мнению автора, американские представители быстро установили взаимопонимание с Мао Цзэдуном, четко обозначившим стремление к долгосрочному сотрудничеству с США. Такое особое внимание со стороны КПК сделало членов миссии пленниками иллюзорного образа и препятствовало получению реальной информации [16, с. 100–101].

По-новому рассматривается деятельность генерала П. Хэрли. А. М. Дубинский придерживается позиции, что американский спецпосланник на первых порах проявлял стремление содействовать «разумному соглашению» между Гоминьданом и КПК и положительно относился к Компартии, считая главным виновником проблем в Китае Чан Кайши [9, с. 76]. Подготовленные П. Хэрли соглашения совместно с коммунистами, по мнению автора, отвечали интересам обеих сторон. Так, Мао Цзэдун рассчитывал получить от американцев вооружение и материалы, а американская сторона – побудить Особый район к активным действиям против японцев и подорвать отношения между КПК и ВКП(б) [14, с. 77–78].

Однако П. Хэрли сталкивался с существенной проблемой, оказавшей значительное влияние на эффективность его миссии. А. М. Ледовский отмечает минимальный уровень знания о Китае и отсутствие у генерала необходимых для реализации порученного ему дела опыта и навыков. В результате П. Хэрли действовал, полагаясь на иллюзорные представления, которые лишь частично совпадали с реальностью. По мнению учёного, эта проблема в сочетании с нескоординированностью действий американских структур привели к провалу миссии [10, с. 64–65].

Второй этап историографии является наиболее масштабным периодом изучения проблемы, во время которого было подготовлено наибольшее количество работ. Однако при более внимательном рассмотрении публикаций можно заметить неоднократные цитирования весомых частей монографий и статей известных американских и британских исследователей, как, например, Б. Такман, Цоу Тана, П. Коэна, М. Шаллера и др. Авторы либо приводят их вместо подведения итогов, либо используют для аргументации своей позиции в ущерб первоисточникам. В результате у читателя может сложиться мнение об отечественных публикациях не как о работах, представляющих самостоятельное советское видение, а всего лишь как об определённых интерпретациях компилированного опыта западных коллег.

Советские учёные фокусируются на причинах провала налаживания двухсторонних отношений в военный период. При этом исследователями причины рассматриваются как с американской, так и с коммунистической позиций. В. Б. Воронцов и В. В. Кузьмин видят их в разногласии точек зрения на внешнеполитический курс США и оценок позиций сил Гоминьдана и коммунистов, которые в итоге привели к острому конфликту внутри американского истеблишмента [15, 17].

В отношении КПК выделяют две причины. Во-первых, крах иллюзорных образов у Компартии. А. М. Ледовский и Б. Н. Занегин связывают это с обратным влиянием миссии «Дикси», когда переговоры с американцами предоставили Мао Цзэдуну большие перспективы будущего сотрудничества. Однако разногласия и противоборство различных точек зрения вместе с демонстративной поддержкой Чан Кайши привели к шоку у партийного лидера и краху надежд в отношении возможных планов [10, с. 63–64; 18, с. 51–52].

Во-вторых, роль СССР на завершающем этапе войны. А. М. Дубинский и Е. Ф. Ковалёв отмечают, что вступление Советского Союза в войну с Японией изменило расстановку сил в регионе и усилило влияние прокоминтерновского крыла Компартии. Как итог, не найдя поддержки у американцев, руководство КПК было вынуждено сделать главную ставку на СССР, сохранив определённые контакты с США [10, с. 82; 19, с. 105–106].

Источниковая база второго этапа демонстрирует масштабный рост в разных группах. Основной упор делается на материалы американского происхождения. Исследователи активно использовали собрания документов по американской внешней политике, подготовленные архивной службой Государственного департамента США в 1950–1970-х гг., – «Foreign Relations of the United States» (FRUS), Белую книгу 1949 г., а также специальное издание, подготовленное по инициативе отдельных групп, – двухтомное собрание документов под редакцией Э. Кьюбека «The Amerasia Papers: A Clue to the Catastrophe of China» (1970). Сборники содержат комплекс документов делопроизводства (меморандумы, отчёты и служебные записки), в которых непосредственно запечатлены как общий ход американо-китайских отношений, так и контакты с китайскими коммунистами военного времени.

К важным источникам относятся материалы слушаний в Конгрессе США, включая «State Department Employee Loyalty Investigation: Hearings Before a Subcommittee of the Committee on Foreign Relations» (1950). Документы содержат показания высокопоставленных чиновников дипломатического корпуса в Китае и правительства Соединённых Штатов, имевших особое влияние на проведение внешнеполитического курса.

Материалы корреспонденции, представленные в изданиях New York Times, Los Angeles

Times, Foreign Affair, Washington Post, а также воспоминания очевидцев событий, таких как Р. Шервуд, Дж. Фэрбэнк, Дж. Сервис, Дж. Дэвис, Д. Баррет и Дж. Стилуэлл, дают исследователям возможность увидеть личное восприятие очевидцев и их точки зрения касательно контактов США и КПК.

Особое внимание учёными отводится мемуарам советских военных (В. И. Чуйкова), дипломатов (А. С. Панюшкина) и специальных посланников (П. П. Владимирова), являвшихся очевидцами как внутривнутрипартийных трансформаций в КПК, так и инициатив американцев и китайских коммунистов по налаживанию двухсторонних контактов.

Данный блок дополняется воспоминаниями Чан Кайши, в которых отражено собственное видение генералиссимусом событий военного времени.

Третий этап, начавшийся со второй половины 1980-х гг., является важным рубежом в отечественной историографии. В условиях идеологического кризиса после распада Советского Союза и утраты классовым подходом доминирующего положения российские исследователи получили возможность использовать новый методологический инструментарий, пересматривать и расширять проблемное поле в изучении этой темы.

Однако современный этап демонстрирует определённую инерцию. Изучение отношений КПК и США военных лет продолжает осуществляться в рамках устоявшихся тенденций и проблем. Ситуация усугубляется снижением интереса к указанной тематике.

При рассмотрении позиции КПК в выстраивании контактов с США С. Л. Тихвинский в работе 1994 г. отмечает, что Южное бюро ЦК КПК с первых дней Войны на Тихом океане предприняло активную работу среди американских дипломатов и представителей военного командования по налаживанию двухсторонних контактов [20, с. 427–428].

Относительно целей сближения КПК с США учёный придерживается взглядов, характерных для предыдущего этапа изучения проблемы. По его мнению, руководство партии во главе с Мао Цзэдуном стремилось к получению необходимых им ресурсов и старалось «удержаться на гребне власти» [20, с. 435].

Схожей позиции придерживается Ю. М. Галенович. Автор отмечает, что китайское руководство стремилось использовать сложную обстановку на советско-германском фронте и ослабление советского влияния для создания националистической по духу партии, главной целью которой была реализация политических амбиций Мао Цзэдуна. В этом контексте Соединённые Штаты воспринимались как потенциальный союзник, способный поддержать курс маоистов [21, с. 170].

В современной историографии особое внимание уделяется роли Дж. Стилуэлла. Согласно Д. В. Рагозину и А. Н. Пузевичу, активность генерала

и поддерживавших его правительственных кругов стала решающим фактором, побудившим Чундин отказаться от агрессивных действий против КПК и возобновить диалог о мирном урегулировании [22, с. 163; 23, с. 318].

Несмотря на принятые меры, Д. В. Рагозин и А. Н. Пузевич констатирует преобладание в правительственных кругах Вашингтона сугубо прагматичного подхода, в рамках которого налаживание контактов с Компартией было необходимо для решения проблем военного времени – сокращения людских потерь, стабилизации положения на китайском фронте и скорейшего завершения войны [24, с. 307–308; 23, с. 318–319].

Однако реализуя как данный подход, так и общий политический курс в отношении Китая, Соединённые Штаты столкнулись с крайне ограниченной информацией о китайских коммунистах и действительном положении дел в стране. По мнению Д. В. Рагозина, эта проблема объяснялась блокадой со стороны Гоминьдана с 1938 г., полностью изолировавшего контролируемые коммунистами территории от доступа иностранцев [22, с. 161].

Имелись и другие точки зрения в отношении причин ограниченности информации. А. А. Сидоров связывает эту проблему с последствиями Великой депрессии 1930-х гг., которая вынудила Государственный департамент существенно сократить собственный штат сотрудников и финансирование исследований. Как результат, к началу войны США пришлось в быстрых темпах создавать структуры, в задачи которых входил поиск, обработка и анализ информации по Дальнему Востоку, а также довольствоваться информацией из уже имеющихся, но очень ограниченных источников [25, с. 133–134].

Согласно точкам зрения Т. А. Воробьевой и Ю. М. Галеновича, проблема была обусловлена американоцентричным мировоззрением, которое не давало общественности и политической элите реалистично воспринимать события в Китае [26, с. 66–67]. Как следствие, Соединённые Штаты оказались заложниками иллюзий и превратились в удобный источник ресурсов для политических сил внутри Китая [27].

На третьем этапе изучения используется подготовленный обширный комплекс материалов, преимущественно американского происхождения, с привлечением новых и ранее невостребованных источников. Исследователи неоднократно обращаются к 3 тому личной переписки Ф. Рузвельта «F. D. R. His Personal Letters» (1950) и документам 4 тома Дж. Маршала «The Papers of George Catlett Marshall» (1996). Материалы позволяют увидеть личные позиции представителей американских правительственных кругов в отношении китайских коммунистов.

Значительное расширение источниковой базы происходит за счёт советских документов. Активно привлекаются к работе сборники «ВКП(б), Ко-

минтерн и Китай. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943: Документы» (2007); «Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг.» (2000). Данные собрания включают записи бесед, отчёты, служебные записки, а также переписку дипломатов, членов ИККИ с партийным руководством КПК и собственными представителями в Яньане и дают возможность изучить советское видение взаимоотношений китайских коммунистов и американцев в военные годы.

Источниковая база расширяется за счёт публикаций воспоминаний советских дипломатов А. М. Ледовского, С. Л. Тихвинского, М. С. Капицы. Данные лица служили дипломатами в Китае в годы Второй мировой войны и являлись прямыми очевидцами хитросплетений отношений между союзниками.

Специфичная ситуация складывается с материалами китайского происхождения. Отечественные исследователи дополняют публикации, представленные в предыдущие этапы, новыми работами, посвящёнными истории Китая и Коммунистической партии. Однако в условиях ограниченности доступа к материалам для иностранных исследователей не происходит фактического роста китайского корпуса источниковой базы.

Таким образом, рассмотрение эволюции изучения отношений Коммунистической партии Китая и Соединённых Штатов периода войны на Тихом океане в отечественной историографии за более полувековой период позволяет сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, начиная с конца 1940-х гг. и вплоть до настоящего времени данная тема объединяет немалое количество публикаций. Однако сами контакты китайских коммунистов и американцев становились лишь частями монографий и коллективных работ. Как тема отдельных работ, она представлена лишь в небольшом количестве статей.

Во-вторых, в рассматриваемый период существенно изменялись оценки деятельности КПК и США. Это связано с колебаниями степени политизированности научных работ, вызванными переменами в советско-китайских и советско-американских отношениях.

В-третьих, за 70 лет сформировалась масштабная источниковая база – от нормативно-правовых актов до периодических изданий. Доминирующую роль занимают материалы американского происхождения, тогда как советские и китайские играют вспомогательную роль.

Расширение источниковой базы позволило отечественным исследователям рассмотреть ключевые аспекты взаимоотношений китайских коммунистов и американцев: мотивы и цели сближения КПК и США в 1941–1945 гг., роль руководства КПК с Мао Цзэдуном и вклад отдельных американских представителей (Дж. Стилуэлла, П. Хэр-

ли и др.) в выстраивании двухсторонних отношений, а также проблемы, с которыми сталкивались в данном процессе. При этом прослеживается заметное влияние зарубежной (преимущественно американской) историографии на концепции и аргументацию как советских, так и современных российских исследователей.

Список литературы

1. Астафьев Г. В. Американская экспансия в Китае // Ученые записки Тихоокеанского института. 1949. Т. 3. С. 36–70.
2. Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан: Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М. : Госполитиздат, 1952. 672 с.
3. Никифоров В. Н. Январское соглашение 1946 г. и американский империализм // Ученые записки Тихоокеанского института. 1949. Т. 3. С. 71–119.
4. Никифоров В. Н., Эренбург Г. Б., Юрьев М. Ф. Народная революция в Китае. Очерк истории борьбы и победы китайского народа. М. : Госполитиздат, 1950. 144 с.
5. Перевертайло А. С. Роль Коммунистической партии Китая на современном этапе народно-освободительной борьбы китайского народа // Ученые записки Тихоокеанского института. 1949. Т. 3. С. 5–19.
6. Очерки истории Китая в новейшее время / отв. ред. А. С. Перевертайло. М. : Изд-во восточной лит., 1959. 696 с.
7. Бозуш Е. Ю. Из истории политики США в Китае в годы Второй Мировой войны // Новая и новейшая история. 1959. № 5. С. 3–23.
8. Юрьев М. Ф. В Китае 1944-го // Проблемы Дальнего Востока. 1984. № 4. С. 90–102.
9. Сладковский М. И. Историческая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и освободительная борьба народов Восточной и Юго-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 2. С. 3–15.
10. Ледовский А. М. Китайская политика США и советская дипломатия 1942–1954. М. : Наука, 1985. 287 с.
11. Дубинский А. М. Помощь СССР китайскому народу в период японо-китайской войны (1937–1945) и позиция руководства КПК // Народы Азии и Африки. 1972. № 6. С. 72–82.
12. Ледовский А. М. Тайные контакты маоистов и американской дипломатии в 1949 году // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 75–89.
13. Воронцов В. Б. Дело «Амерейша»: политические столкновения в США по проблемам Китая. М. : Международные отношения, 1974. 205 с.
14. Дубинский А. М. Переговоры «Союзнической группы наблюдателей» США с руководством КПК // Вопросы истории. 1979. № 1. С. 71–81.
15. Воронцов В. Б. Миссионеры и их наследники: Повороты политики США в отношении Китая. М. : Политиздат, 1986. 238 с.
16. Титов А. С. Пекин и его американское лобби // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 3. С. 99–104.
17. Кузьмин В. В. Китай в стратегии американского империализма. М. : Международные отношения, 1978. 271 с.
18. Занегин Б. Н. Американский империализм и Китай // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 4. С. 45–57.
19. Ковалев Е. Ф. Маоизм без маски // Вопросы истории. 1975. № 2. С. 93–108.
20. Тихвинский С. Л. Путь Китая к объединению и независимости, 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Эньлая. М. : Восточная литература РАН, 1996. 574 с.
21. Галенович Ю. М. Китай в годы войны // Свободная мысль. 2014. № 4 (1646). С. 155–170.
22. Рагозин Д. В. Вопрос о взаимодействии с Коммунистической партией Китая в политике США в отношении Китая во время войны с Японией (1942–1943) // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 322, № 6. С. 160–165.
23. Пузевич А. Н. Некоторые аспекты внешней политики СССР и США в отношении Китая в 1941–1945 гг. // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра : материалы V междунар. науч. конф. : в 3 т. (Санкт-Петербург, 9 декабря 2022 г.) / под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. Т. 1. С. 315–320.
24. Рагозин Д. В. Вопрос о взаимодействии с Коммунистической партией Китая в политике США в отношении Китая (1943–1944 гг.) // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323, № 6. С. 307–314.
25. Сидоров А. А. Формирование американских планов послевоенного обустройства Японии в годы Второй мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 25 : Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12, № 3. С. 131–164.
26. Воробьева Т. А. Восприятие Чан Кайши и Китая Ф. Рузвельтом в 1933–1945 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 4–1. С. 61–67.
27. Галенович Ю. М. Истоки американо-китайских отношений. М. : Издательский дом ВКН, 2020. 466 с.

Поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 18.10.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

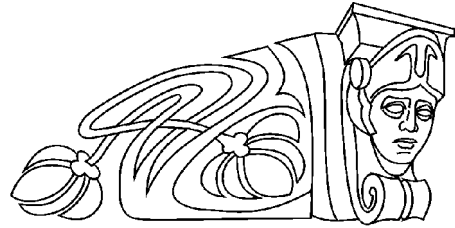
The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 18.10.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 238–244
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 238–244
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-238-244>, EDN: SINBLD

Научная статья
УДК [327.5:341.222|2025|](575.1/.3-04)

Ферганский пазл: стратегии и практики преодоления территориальных разногласий

М. Б. Хамидов

Алтайский государственный университет, Россия, 656049, Алтайский край, г. Барнаул, проспект Ленина, д. 61

Хамидов Маъруф Бобониёзович, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений института истории и международных отношений, Maruf.hamidov.1112@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7422-0467>, AuthorID:1315538

Аннотация. На основе анализа современных политических процессов в статье рассматриваются стратегии и практики преодоления затяжных территориальных разногласий между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном в регионе Ферганской долины. Показано, что успешное урегулирование пограничных споров стало результатом комплекса факторов: кардинального изменения внешней политики Узбекистана, выступившего в роли медиатора; осознания сторонами неприемлемой цены сохранения статус-кво после кровопролитных столкновений; влияния внешних акторов, заинтересованных в стабильности в центральноазиатском регионе; экономического прагматизма и выработки гибких механизмов урегулирования, таких как принцип равноценного территориального обмена. Автор приходит к выводу о том, что достигнутые договоренности, завершившиеся подписанием трехстороннего договора о стыке границ в марте 2025 г., знаменуют качественно новый этап региональной дипломатии, основанный на прагматизме и взаимном учете интересов, и создают прецедент для мирного разрешения сложных территориальных споров в других регионах мира.

Ключевые слова: Ферганская долина, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, делимитация границ, территориальный спор, анклав, региональная безопасность, центральноазиатская дипломатия

Для цитирования: Хамидов М. Б. Ферганский пазл: стратегии и практики преодоления территориальных разногласий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 238–244. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-238-244>, EDN: SINBLD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Ferghana puzzle: Strategies and practices for overcoming territorial differences

M. B. Khamidov

Altai State University, 61 Prospect Lenina, Barnaul 656049, Russia

Maruf B. Khamidov, Maruf.hamidov.1112@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7422-0467>, AuthorID: 1315538

Abstract. Based on the analysis of modern political processes, the article examines strategies and practices for overcoming protracted territorial differences between Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan in the Ferghana Valley region. It is shown that the successful settlement of border disputes was the result of a complex of factors: a fundamental change in Uzbekistan's foreign policy, which acted as a mediator; the parties' awareness of the unacceptable cost of maintaining the status quo after bloody clashes; the influence of external actors interested in stability in the Central Asian region; economic pragmatism and the development of flexible settlement mechanisms, such as the principle of equivalent territorial exchange. The author concludes that the agreements reached, culminating in the signing of the trilateral border crossing agreement in March 2025, mark a qualitatively new stage of regional diplomacy based on pragmatism and mutual consideration of interests, and set a precedent for the peaceful resolution of complex territorial disputes in other regions of the world.

Keywords: Ferghana Valley, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, border delimitation, territorial dispute, enclaves, regional security, Central Asian diplomacy

For citation: Khamidov M. B. The Ferghana puzzle: Strategies and practices for overcoming territorial differences. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 238–244 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-238-244>, EDN: SINBLD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Ферганская долина, расположенная в самом сердце Центральной Азии, представляет собой уникальный и в то же время парадоксальный регион. С одной стороны, это территория с плодороднейшими землями, высокой плотностью населения и богатейшим историко-культурным наследием, где тесно переплелись судьбы Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. С другой – это один из самых сложных и напряженных узлов нерешенных пограничных проблем в мире. Во многом это является наследием советской национально-территориальной политики, когда административные границы зачастую проводились произвольно, без учета реальных ареалов расселения этнических групп и сложившихся хозяйственных связей. Подобное наследие трансформировалось в потенциальный источник нестабильности, который активировался после распада Советского Союза в 1991 г., что привело к возникновению многочисленных конфликтов между новообразованными независимыми государствами.

Однако в последние годы на этом сложном фоне наметился обнадеживающий прорыв. Значительный прогресс в урегулировании затяжного пограничного спора между Кыргызстаном и Таджикистаном, долгое время считавшегося практически тупиковым, демонстрирует сдвиг в региональной динамике межгосударственных отношений [1]. Завершение процесса демаркации границы и подписание соответствующего соглашения стали наглядным примером успешной региональной дипломатии. Эта многогранная ситуация, включающая в себя долгую историю противостояния, периодические кровопролитные столкновения и, наконец, проявленную политическую волю к компромиссу, представляет собой ценный опыт для анализа методов разрешения застарелых территориальных споров. Он наглядно показывает, что успех возможен лишь при комплексном подходе, сочетающем не только дипломатические усилия, но и долгосрочное стратегическое видение, а также готовность всех сторон к конструктивному диалогу и взаимным уступкам.

Для полного понимания масштаба этого достижения необходимо учитывать уникальный историко-географический контекст Ферганской долины. Исторически целостный экономический и культурный ареал претерпел глубокие трансформации в имперский и советский периоды [2, р. 24]. Проводившееся в 1920-е гг. национальное размежевание, несмотря на формальные цели создания четких национальных образований, на практике часто сводилось к формированию удобных с точки зрения центрального управления административных единиц [3, р. 72]. Эти решения, далекие от этнической и хозяйственной реальности, имели глубокие социально-экономические и политические последствия, которые продолжают оказывать влияние на развитие

региона по сей день, определяя саму суть современных вызовов и путей их преодоления.

Цель статьи заключается в проведении всестороннего анализа стратегий и дипломатических механизмов, которые способствовали историческому прорыву в урегулировании многолетних территориальных разногласий между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном в Ферганской долине. Автор предпринимает попытку выявить ключевые политические, экономические и социальные факторы, определившие успешность переговорного процесса, а также оценить значимость достигнутых соглашений как прецедента для мирного урегулирования сложных пограничных конфликтов в различных регионах мира. Особое внимание уделяется эволюции региональной дипломатии от конфронтационного подхода к конструктивному диалогу, основанному на взаимном учете интересов сторон.

Историография проблемы ферганских территориальных споров развивалась по нескольким ключевым направлениям. Фундаментальные работы С. Н. Абашина и В. И. Бушкова [4] заложили основу для понимания этнических и исторических корней конфликта, связанных с советским национально-территориальным размежеванием. Исследования С. К. Аламанова [5] и других авторов систематизировали знания об анклавах как ключевом дестабилизирующем факторе. Значительный пласт литературы посвящен анализу двусторонних отношений: работы А. С. Закировой и М. А. Закирова [6] по кыргызско-узбекским территориальным спорам, правовой анализ кыргызско-таджикского конфликта в публикации А. Питер [7], исследование Б. Токтогулова [8] о причинах дипломатических неудач при решении пограничных вопросов. Региональный контекст изучается в трудах С. Гуломова [9] и И. Дамиани [2], тогда как З. Байзакова [3], Д. Маматова [10] и А. Мурзакулова [11] ищут компромиссы и местные практики сотрудничества. Современный этап урегулирования 2023–2025 гг. отражен преимущественно в медиа-источниках и оперативных аналитических материалах.

Сложившаяся в Ферганской долине ситуация представляет собой комплекс взаимосвязанных территориально-административных проблем, формирующих уникальный вызов для региона [11, р. 78]. Этот клубок противоречий состоит из нескольких неразрывных элементов. Центральное место в этой структуре занимает феномен анклавов, таких как узбекский Сох, Джангаил и Шахимардан, «встроенных» в территорию Кыргызстана, или кыргызский Барак, окруженный землями Узбекистана. Эти образования существуют в условиях хронической изоляции от своих метрополий, что напрямую сказывается на повседневной жизни их населения [5, с. 453]. Доступ к качественному

здравоохранению, образованию и даже возможность навестить родственников превращаются в сложную логистическую и бюрократическую операцию, всецело зависящую от политической конъюнктуры и доброй воли соседнего государства.

Эта проблема усугубляется чрезвычайно сложным рельефом пограничных территорий. Границы здесь часто проводятся по естественным, но нестабильным рубежам – горным хребтам и руслам рек. Динамичные геологические процессы, такие как эрозия почв или изменение русел, постоянно вносят коррективы в ландшафт, стирая условные линии с карт и порождая новые споры. В результате даже незначительные природные изменения могут стать причиной ожесточенных конфликтов за право доступа к жизненно важным водным источникам и пастбищным угодьям.

Фундаментальной же основой всей этой сложной мозаики является этническая чересполосица [4, с. 132]. Компактные сообщества таджиков в Кыргызстане, узбеков – по обе стороны кыргызско-таджикской границы и кыргызов – в Таджикистане и Узбекистане, создают практически неразрешимую задачу для любой попытки «справедливой» демаркации. Этнические ареалы расселения исторически переплетены, что делает бессмысленным и контрпродуктивным проведение границ строго по этническому принципу. В этом контексте сама этническая идентичность превращается из культурного феномена в потенциальный источник напряженности, который зачастую используется для политической мобилизации, еще более затрудняя поиск взаимоприемлемых решений.

После распада СССР прежде условные административные линии на карте внезапно обрели статус государственных рубежей суверенных стран. Изначально локальные пограничные инциденты, возникавшие преимущественно на бытовой почве – из-за доступа к воде или пастбищам, – постепенно приобретали всё более острый характер [8, р. 128]. Со временем в эти конфликты стали вовлекаться не только местные жители, но и регулярные подразделения силовых структур. Наиболее трагическими вехами этой эскалации стали масштабные вооружённые столкновения на кыргызско-таджикской границе в апреле 2021 г. [9, р. 42] и сентябре 2022 г. [12]. Эти события привели к значительным человеческим жертвам, разрушению сотен домов и социальной инфраструктуры, а также вызвали массовое перемещение мирных жителей. Жизнь в приграничных сёлах была парализована. Стало совершенно очевидно, что дальнейшая отсрочка решения пограничного вопроса создаёт реальную угрозу перерастания конфликта в полномасштабные боевые действия с непредсказуемыми последствиями для всей

Центральной Азии [10, р. 28]. Именно это осознание в конечном итоге заставило стороны в срочном порядке искать дипломатические пути урегулирования.

Успешное разрешение затяжного пограничного конфликта в Ферганской долине стало результатом сложного взаимодействия нескольких ключевых факторов, которые совпали во времени и усилили друг друга, создав уникальную возможность для прорыва.

Значительным событием, оказавшим существенное влияние на геополитическую ситуацию в регионе, стало кардинальное изменение внешнеполитического курса Узбекистана после 2016 г. С приходом к власти Шавката Мирзиёева страна, занимающая центральное геополитическое положение в Центральной Азии, совершила стратегический разворот от изоляционизма к активной политике добрососедства [6, с. 58]. Ташкент не только инициировал интенсивный диалог по делимитации собственных границ, но и выступил в роли медиатора между другими участниками конфликта. Успехи Узбекистана в урегулировании пограничных споров с Кыргызстаном и Таджикистаном создали мощный эффект домино, наглядно продемонстрировав, что даже самые сложные территориальные вопросы поддаются решению через диалог и взаимные уступки.

Суровым, но необходимым катализатором перемен стали трагические события 2021 и 2022 гг. на кыргызско-таджикской границе. Масштабные вооружённые столкновения с многочисленными жертвами, разрушением инфраструктуры и массовым перемещением населения показали всю глубину кризиса [7, р. 8]. Эти события со всей очевидностью доказали, что цена сохранения статус-кво стала неприемлемо высокой. Опасность эскалации противостояния до уровня широкомасштабных боевых действий, чреватых непредсказуемыми последствиями для стабильности всего центральноазиатского региона заставила лидеров всех трех стран проявить политическую волю и пойти на ранее немыслимые компромиссы.

Важную, хотя и не прямую роль сыграла позиция внешних акторов, в первую очередь России и Китая. Обе державы, имеющие стратегические интересы в регионе, были едины в своем стремлении сохранить стабильность в Центральной Азии. Через дипломатические каналы они последовательно подчеркивали важность мирного урегулирования, создавая благоприятный международный фон для переговоров. Заинтересованность Москвы и Пекина в реализации масштабных инфраструктурных и экономических проектов в регионе делала их естественными сторонниками деэскалации.

Экономический прагматизм стал еще одним мощным объединяющим стимулом. Все три государства связывают свое будущее развитие

с расширением транзитного потенциала и региональной экономической интеграцией. Неопределенность границ долгое время оставалась главным препятствием на этом пути, блокируя создание транспортных коридоров и увеличивая логистические издержки. Постепенно пришло осознание, что мир и стабильность являются необходимым условием экономического прогресса, а сотрудничество сулит гораздо больше выгод, чем конфронтация.

Особую роль в достижении компромиссов сыграла выработка гибких механизмов урегулирования. Принцип «обмена территориями» позволил учитывать не только площадь земель, но и их хозяйственную ценность, доступ к водным ресурсам и транспортную инфраструктуру. Решение оставить джамоат¹ Ворух в составе Таджикистана при гарантированном беспрепятственном доступе стало примером такого творческого подхода [13]. Реализация совместного управления Фархадским водохранилищем между Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан продемонстрировала, что водные ресурсы могут являться не источником конфликта, а основой для взаимовыгодного сотрудничества [9, р. 59]. Таким образом, историческое достижение стало возможным благодаря тому, что политическая воля лидеров, трезвая оценка рисков продолжения конфронтации, экономическая целесообразность и благоприятная международная обстановка сложились в единую картину, открыв путь к миру и стабильности в Ферганской долине.

Синхронный прорыв в делимитации границ между всеми тремя государствами Ферганской долины стал возможен благодаря формированию нового качества региональной дипломатии, основанной на прагматизме и взаимном учете интересов. Этот последовательный прогресс на всех направлениях свидетельствует о системном характере изменений в подходе к урегулированию территориальных споров.

Значимым достижением стало завершение к 2018 г. делимитации 85% кыргызско-узбекской границы, включая решение судьбы анклава Барак, который перешел под юрисдикцию Кыргызстана в рамках комплексного территориального обмена [14]. Этот прецедент не только устранил один из самых сложных участков границы, но и создал важный психологический перелом, доказав возможность находить взаимоприемлемые решения даже в самых запутанных ситуациях.

На таджикско-узбекском направлении к 2023 г. был достигнут еще более впечатляющий результат – делимитация почти 90% общей границы. Особую значимость здесь приобрело нахождение баланса интересов вокруг

Фархадского водохранилища, где стороны сумели трансформировать потенциальный источник конфликта в объект совместного управления [9, р. 57]. Этот успех стал возможен благодаря многолетней работе по постепенной нормализации отношений, начатой после 2016 г.

Наиболее сложным, но и наиболее показательным стало урегулирование кыргызско-таджикской границы, завершившееся в начале 2025 г. [13]. Применение принципа равноценного территориального обмена позволило сторонам найти сбалансированное решение: Кыргызстан получил доступ к стратегическим водным ресурсам и транспортным артериям, а Таджикистан сохранил контроль над исторически освоенными территориями. Мудрым компромиссом стало решение о сохранении джамоат Ворух в составе Таджикистана при гарантированном беспрепятственном доступе к нему.

Этот последовательный прогресс на всех трех направлениях создал эффект синергии, где каждое достижение усиливало следующие. Общей чертой всех соглашений стал отказ от абсолютизации формальных параметров в пользу комплексного учета хозяйственной, ресурсной и транспортной ценности территорий. Такой подход позволил найти решения, при которых все стороны ощущают себя не проигравшими, а выигравшими от компромисса.

Сформировавшаяся модель регионального урегулирования, основанная на последовательном диалоге, взаимных уступках и прагматичном учете интересов, создает важный прецедент для решения подобных проблем в других регионах мира. Опыт Ферганской долины доказывает, что даже самые сложные территориальные споры поддаются разрешению при наличии политической воли и готовности к конструктивному диалогу.

31 марта 2025 г. в Худжанде состоялось поистине историческое событие – трехсторонняя встреча президентов Шавката Мирзиёева, Садыра Жапарова и Эмомали Рахмона [15]. В ходе этого саммита был подписан судьбоносный документ – межгосударственный договор, определяющий точное местоположение стыка границ трех стран [16]. Этот, казалось бы, технический документ стал символом новой эпохи в региональных отношениях.

Значение этого соглашения выходит далеко за рамки простого определения пограничных координат. Оно олицетворяет собой глубинные преобразования, произошедшие в политике стран Центральной Азии. Подписание договора знаменует собой сознательный переход от конфронтации к сотрудничеству, от взаимных пре-

¹Джамоат – это сельская община, административная единица, объединяющая несколько населенных пунктов. Она представляет собой орган местного самоуправления в районах Таджикистана, являясь самым нижним уровнем административного деления.

тензий – к взаимному уважению и признанию территориальной целостности.

Особую значимость этому событию придает то, что оно завершает многолетний период неопределенности в самом сердце Ферганской долины – регионе, где переплетение границ и исторически сложившаяся чересполосица долгое время оставались источником напряженности. Теперь же, с определением координат стыка границ, устраняется сама основа для потенциальных территориальных споров в этой чувствительной точке.

С правовой точки зрения договор создает прочный фундамент для последующих практических шагов. Он открывает путь к полноценной демаркации границы и установке пограничных знаков на трехсторонней основе. Это обеспечит не только техническую ясность, но и долгосрочную стабильность в отношениях между государствами [17].

Тем не менее подлинное значение Худжандской декларации заключается не только в этом. Она служит индикатором зрелости региональной дипломатии и способности лидеров государств находить взаимоприемлемые решения даже в самых сложных и противоречивых вопросах. В условиях современных глобальных вызовов, когда международная система сталкивается с периодом нестабильности и неопределенности, страны Центральной Азии демонстрируют ответственный подход к урегулированию спорных ситуаций и конфликтов интересов.

Этот договор можно считать краеугольным камнем новой архитектуры региональной безопасности. Он закладывает основу для углубления экономического сотрудничества, развития транспортных коридоров и реализации совместных инфраструктурных проектов [18]. Устранение территориальных разногласий создает благоприятные условия для инвестиций и торговли, открывая перед странами региона новые перспективы развития.

Саммит в Худжанде войдет в историю как момент, когда страны Центральной Азии подтвердили свою способность самостоятельно, без внешнего вмешательства, решать самые сложные вопросы своих взаимоотношений. Это сигнал миру о том, что регион созрел для полноценного сотрудничества и готов играть более значимую роль в международных делах. Подписанное соглашение представляет собой не просто юридический документ, фиксирующий демаркацию границ. Оно является манифестацией политической решимости, дипломатической дальновидности и стратегического предвидения руководства трех государств [19].

Достигнутые дипломатические успехи в делимитации границ, безусловно, являются историческим прорывом, однако они знаменуют собой не финал, а начало нового, не менее сложного этапа. Картографическое определение

границ, сколь бы точным оно ни было, представляет собой лишь первый шаг в многогранном процессе построения устойчивого мира. На смену политическим переговорам приходит фаза практической реализации, сопряженная с уникальным комплексом вызовов.

Ключевой и наиболее ресурсоемкой задачей становится демаркация – физическое установление пограничных знаков на местности. Этот процесс в условиях Ферганской долины далек от технической рутины. Специфический горный рельеф, отсутствие развитой инфраструктуры и сложная чересполосица превращают демаркацию в масштабную логистическую и инженерную операцию. Однако главная сложность лежит в социально-психологической плоскости. Линия, проведенная на карте, неизбежно пересечет реальные жизненные пространства тысяч людей – жилые подворья, поля, пастбища и места традиционного водопользования. Это создает почву для потенциального социального напряжения, где абстрактные государственные интересы могут столкнуться с понятным недовольством местных сообществ, чей уклад жизни оказался затронут новыми реалиями.

В этой связи критически важной становится деятельность властей по разъяснению сути достигнутых договоренностей. Недостаточно просто подписать документ – необходимо донести до каждого жителя приграничья стратегический смысл и долгосрочные выгоды от установления четких границ. Прозрачность, последовательный диалог и готовность услышать опасения населения являются залогом легитимации решений на местном уровне. Параллельно требуется разработка адресных программ компенсаций и поддержки для тех, кто объективно пострадал в результате территориального размена, будь то утрата земли или доступа к ресурсам.

Следующим стратегическим рубежом является трансформация границы из барьера в мост сотрудничества. Юридическое оформление рубежей должно не изолировать сообщества, а, напротив, создать предсказуемые и прозрачные условия для их взаимодействия. Особое внимание должно быть уделено обеспечению беспрепятственного передвижения жителей приграничных территорий, в том числе и анклавов. Создание современных контрольно-пропускных пунктов, внедрение упрощенных пропускных режимов для местных жителей, а в идеале – полная отмена виз для приграничного сообщения, станут мощным стимулом для развития трансграничной торговли, поддержания родственных и культурных связей.

Окончательное урегулирование пограничного вопроса открывает, наконец, пространство для реализации амбициозных проектов региональной интеграции. Ферганская долина, исторически бывшая единым экономическим пространством, получает шанс восстановить свою

связующую роль. Стабильные и признанные границы создают необходимые предпосылки для масштабных инвестиций в совместную инфраструктуру – строительство трансграничных автомобильных и железных дорог, модернизацию энергетических сетей, развитие ирригационных систем [20]. Регион, долгое время воспринимавшийся как зона риска, может трансформироваться в динамичный логистический и торговый хаб, соединяющий рынки Центральной Азии и открывающий новые пути для международной торговли.

Таким образом, сегодня Ферганская долина стоит на пороге фундаментального выбора. Преодоление логики конфронтации заложило основу, но подлинный успех будет измеряться не подписанными протоколами, а способностью превратить новые границы из источника былых раздоров в инструмент устойчивого развития, экономического процветания и человеческого взаимопонимания.

Разрешение пограничного конфликта в Ферганской долине явилось значимым прецедентом в современной международной дипломатии. Этот успех особенно значим на фоне общей геополитической нестабильности в мире, показывая альтернативный путь развития через сотрудничество, а не конфронтацию.

Особую ценность этому достижению придает тот факт, что решение было найдено самими странами региона, без внешнего арбитража. Страны Центральной Азии продемонстрировали политическую зрелость, самостоятельно преодолев наследие советского прошлого, когда административные границы проводились без учета исторических и этнокультурных особенностей региона.

Заключение трехстороннего договора о делимитации границ означает собой качественно новый этап в развитии центральноазиатской государственности. Если ранее регион характеризовался политической неопределенностью и наличием множества неразрешенных территориальных споров, то сегодня мы наблюдаем формирование сообщества суверенных государств, способных к конструктивному взаимодействию в решении сложнейших геополитических задач.

Значение этого прорыва выходит далеко за рамки собственно территориального урегулирования. Достигнутые соглашения создают прочную основу для углубления экономической интеграции, развития транспортных коридоров и реализации масштабных инфраструктурных проектов. Ферганская долина, исторически бывшая единым экономическим и культурным пространством, получает возможность восстановить свою связующую роль в регионе.

Важно подчеркнуть, что новая модель взаимодействия основывается не на советском наследии, а на принципах взаимного уважения

суверенитета и общности стратегических интересов. Это отличает современную центральноазиатскую интеграцию от предыдущих попыток сотрудничества, придавая ей устойчивый и долговременный характер.

Успешное разрешение пограничного конфликта в Ферганской долине может служить моделью для других регионов мира, сталкивающихся с подобными проблемами. Оно демонстрирует, что даже самые сложные территориальные споры могут быть урегулированы через последовательный диалог, взаимные уступки и прагматичный учет интересов всех сторон. Завершение процесса делимитации границ означает собой превращение Центральной Азии из зоны потенциальной нестабильности в пространство конструктивного сотрудничества. Это открывает перед регионом новые перспективы экономического развития и укрепления его роли в системе международных отношений, демонстрируя способность центральноазиатских государств самостоятельно определять свою судьбу и строить общее будущее на принципах взаимного уважения и сотрудничества.

Проведенный анализ наглядно свидетельствует о том, что даже наиболее сложные и глубоко укорененные межгосударственные противоречия поддаются конструктивному разрешению, когда диалог и рациональный расчет берут верх над деструктивными амбициями и историческими обидами. Опыт Ферганской долины становится важнейшим прецедентом в современной международной практике, предлагая действенную модель урегулирования затяжных конфликтов, основанную не на силовом давлении, а на взаимном учете интересов.

Проделанный путь от открытой конфронтации к подписанию исторических соглашений действительно был длительным и многоэтапным, потребовавшим глубокого анализа, стратегического планирования и последовательной реализации комплекса мер. Его успех стал возможен благодаря способности сторон к трансформации политического мышления – переходу от конфронтационной риторики к прагматичному сотрудничеству. Особую значимость этому процессу придает то, что урегулирование было достигнуто не через внешнее вмешательство, а благодаря внутренней эволюции подходов стран региона, что свидетельствует о политической зрелости современных центральноазиатских элит.

Ключевым достижением стало то, что в основе разрешения конфликта лежали не временные тактические соображения, а долгосрочная стратегия, направленная на создание устойчивых основ для мирного сосуществования и совместного развития. Установление четких и признанных всеми сторонами границ создает необходимые предпосылки для экономической

интеграции, реализации масштабных инфраструктурных проектов, развития трансграничного сотрудничества и культурного обмена. Это способствует не только преодолению наследия прошлого, но и формированию новой региональной идентичности, основанной на взаимном доверии и общности интересов.

Таким образом, ферганский опыт подтверждает, что даже самые сложные исторические противоречия могут быть преодолены через последовательный диалог и взаимное уважение интересов. Этот успех имеет значение не только для Центральной Азии, но и для других регионов мира, демонстрируя эффективность мирного пути разрешения конфликтов и открывая новые перспективы для международного сотрудничества в XXI веке. Достигнутые соглашения закладывают прочный фундамент для устойчивого развития, обеспечивая процветание для всех народов, населяющих этот древний и богатый культурными традициями регион.

Список литературы

1. Таджикистан и Кыргызстан обсудили делимитацию и демаркацию границы // Anadolu Ajansi. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/> (дата обращения: 16.03.2024).
2. *Damiani I.* Kyrgyzstan-Tajikistan-Uzbekistan: Ferghana Valley // Encyclopaedia of Border Conflicts / ed. by E. Brunet-Jailly. Los Angeles : ABC-CLIO, 2015. P. 21–35.
3. *Baizakova Zh.* Border Issues in Central Asia: Current Conflicts, Controversies and Compromises // UNISCI Journal. 2017. № 45. P. 67–84. URL: <https://www.redalyc.org/pdf/767/76754084010.pdf> (дата обращения: 23.10.2017).
4. *Абашин С. Н., Бушков В. И.* Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М. : Наука, 2004. 224 с.
5. *Аламанов С. К.* Анклавы в Центральной Азии: история вопроса и современные проблемы // Постсоветские исследования. 2018. № 5. С. 451–458.
6. *Закирова А. С., Закиров М. А.* Кыргызско-узбекские погранично-территориальные разногласия в постсоветский период // Известия Алтайского государственного университета. 2022. № 6 (128). С. 56–60. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2022\)6-08](https://doi.org/10.14258/izvasu(2022)6-08)
7. *Peter A.* Kyrgyz-Tajik Border Delimitation Dispute: A Legal Analysis // Global Studies Institute. Geneva, 2024. 54 p. URL: <https://www.unige.ch/gsi/fr/> (дата обращения: 10.12.2024).
8. *Toktogulov B.* The Failure of Settlement on Kyrgyz-Uzbek Border Issues: A Lack of Diplomacy? // Bilge Strateji. 2018. Vol. 10, № 19. P. 123–141.
9. *Gulomov S.* Politics of Partition: Understanding Border Issues in Central Asia. Tashkent : Tashkent State University of Oriental Studies, 2023. P. 34–65. <https://doi.org/10.5281/zenodo.8422408>
10. *Mamatova D.* The Central Asian Valley Where Borders Dissolve in Grassroots Cooperation // Open Democracy. 2018. № 5. P. 26–40. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/cross-borders-cooperation-in-the-ferghana-valley/> (дата обращения: 15.11.2024).
11. *Murzakulova A.* Contextual Factors of Conflict in Border Communities in Batken Province, Kyrgyzstan. Bishkek : University of Central Asia, 2017. P. 76–89.
12. Историк Притчин назвал причины конфликта между Киргизией и Таджикистаном // Lenta.ru. 2022. 16 сент. URL: <https://lenta.ru/news/2022/09/16pritchin/> (дата обращения: 16.09.2022).
13. Бишкек и Душанбе определились с межгосударственной границей // Независимая газета 2025. 10 мар. URL: https://www.ng.ru/cis/2025-03-10/5_9209_enclave.html (дата обращения: 10.03.2025).
14. *Кармазин И.* Соседский союз: как Киргизия и Узбекистан поделили границу // Известия. 2023. 4 авг. URL: <https://iz.ru/1467093/igor-karmazin/sosedskii-soiuz-kak-kirgiziia-i-uzbekistan-podeli-li-granicu> (дата обращения: 04.08.2023).
15. Президенты Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана подписали договор о точке стыка трех границ // Фергана. агентство. URL: <https://fergana.agency/news/137220/> (дата обращения: 31.03.2025).
16. Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан подписали Договор о точке стыка границ и открыли стелу Дружбы // Gazeta.uz. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2025/03/31/border/> (дата обращения: 31.03.2025).
17. Исторический договор на стыке границ // TRT Russian. URL: <https://www.trtrussian.com/article/60b5b4536e5e> (дата обращения: 31.03.2025).
18. Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан подписали соглашение о точке стыка трех границ // RFI. URL: <https://www.rfi.fr/ru/> (дата обращения: 01.04.2025).
19. *Орлов Д.* Ферганская долина: что значит договор о границах для Центральной Азии // Cronos Asia. URL: <https://cronos.asia/centralnaya-aziya/ferganskaya-dolina-chto-znachit-dogovor-o-granichah-dlya-centralnoj-azii> (дата обращения: 03.04.2025).
20. *Мухсинова Д., Алимджанов Б.* Ферганская долина: общее видение стратегии устойчивого развития и процветания // GK-Uzbekistan. URL: <https://gk-uzbekistan.de/ru/2025/10/13/> (дата обращения: 13.10.2025).

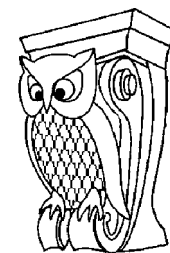
Поступила в редакцию 26.10.2025; одобрена после рецензирования 06.11.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 26.10.2025; approved after reviewing 06.11.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 245–252
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 245–252
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-245-252>, EDN: TCHETL

Научная статья
УДК [94(479.2):327(4+7:470+571)]|202|

Южный Кавказ в геополитическом противостоянии Запад – Россия

В. А. Чолахян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, vcholakhyan@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, AURHORID: 474841

Аннотация. В статье рассматривается процесс реформатирования взаимоотношений геополитических игроков на Южном Кавказе после второй карабахской войны 2020 г. и начала СВО России. Представлен анализ противостояния мировых держав за право контроля над транспортными коммуникациями региона. Узкая 43-километровая полоса земли в Сюникской области Армении, соединяющая Азербайджан со своим эксклавом Нахичеванью, превратилась в арену не только регионального, но и геополитического противостояния Запад – Россия на Южном Кавказе. Автор выделяет узловые проблемы, условия и перспективы реализации проекта «Перекресток мира».

Ключевые слова: Южный Кавказ, международные транспортные коридоры, конкуренция, «Перекресток мира»

Для цитирования: Чолахян В. А. Южный Кавказ в геополитическом противостоянии Запад – Россия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 245–252. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-245-252>, EDN: TCHETL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The south Caucasus in the geopolitical confrontation between the West and Russia

V. A. Cholakhyan

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vachagan A. Cholakhyan, vcholakhyan@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, AURHORID: 474841

Abstract. The article examines the process of reformatting the relations of geopolitical players in the South Caucasus after the second Karabakh War in 2020 and the beginning of the Russian Civil War. The analysis of the confrontation between the world powers for the right to control the transport communications of the region is presented. A narrow 43-km strip of land in the Syunik region of Armenia, connecting Azerbaijan with its exclave of Nakhichevan, has become an arena not only for regional, but also for the geopolitical confrontation between the West and Russia in the South Caucasus. The author highlights the key issues, conditions and prospects for the implementation of the Crossroads of the World project.

Keywords: South Caucasus, international transport corridors, competition, “Crossroads of the world”

For citation: Cholakhyan V. A. The south Caucasus in the geopolitical confrontation between the West and Russia. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 245–252 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-245-252>, EDN: TCHETL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Южный Кавказ (Закавказье) исторически представлял собой регион, где пересекались интересы трех империй – Российской, Османской (ныне Турция) и Персидской (Иран). Выгодное географическое положение («Кавказский перекресток») и богатые природные ресурсы предопределили конкурентное значение Закавказья в региональной геополитике. Этнополитические конфликты, охватившие вновь образованные южнокавказские республики (Азербайджан, Армения и Грузия) после распада СССР, привели

к серьезной деформации существовавшей транспортно-логистической инфраструктуры региона.

Нагорнокарабахский конфликт, возникший еще в 1988 г., перерос в крупномасштабную войну и стал причиной прекращения железнодорожного сообщения между Ереваном и Баку. Это привело к перекрытию транспортных маршрутов между Арменией и Россией через территорию Азербайджана, который, в свою очередь, потерял наземную связь со своим эксклавом Нахичеванью. В ходе грузино-абхазского конфликта

в 1992 г. была перекрыта черноморская ветка международной железной дороги, соединяющая Армению и Грузию с Россией. В самый разгар нагорнокарабахского конфликта Турция в 1993 г. закрыла государственную границу с Арменией, что привело к прекращению железнодорожного сообщения между двумя странами (Гюмри – Карс).

В 2004 г. в связи с обострением грузино-южноосетинского конфликта Грузия в одностороннем порядке перекрыла товарный транзит по Транскавказской магистрали (А164 – Транскам). Единственным действующим транспортным сухопутным автомобильным маршрутом, связывающим Россию с Арменией, остается Военно-Грузинская дорога с переходом в Верхнем Ларсе, которая периодически закрывается в силу различных природных катаклизмов.

Сохранение нерешенных региональных конфликтов значительно ослабляет транспортную связность территорий, снижает реализацию транспортного потенциала и развитие национальных экономик. Выгодное географическое положение Грузии как страны-транзитера для центральноазиатских и азербайджанских углеводородов в Турцию и страны ЕС, а также армянских товаров в Россию и российского газа в Армению предопределило 6–7%-ную долю экспорта транспортных услуг в ВВП. Устойчивому росту транспортного потенциала Грузии способствовал пуск Трансанатолийского газопровода (TANAP) в 2019–2020 гг. и железнодорожной линии Баку – Тбилиси – Карс. Транзитный потенциал Азербайджанской Республики (АР) составляет 2–3% ВВП. Наконец, Республика Армения (РА), отрезанная от региональных транспортно-логистических путей, обладает наименьшим транзитным потенциалом (1,5–2% ВВП) [1, с. 127]. Украинский кризис повлек за собой значительный рост реэкспорта товаров в Россию и повысил долю экспорта транспортных услуг в ВВП Армении [2, с. 207].

После Второй карабахской войны в сентябре – ноябре 2020 г., признания Арменией территориальной целостности АР и «антитеррористических мероприятий локального характера» со стороны Азербайджана по этнической чистке армян Нагорного Карабаха в сентябре 2023 г. на Южном Кавказе сложилась новая геополитическая ситуация. Проблема разблокирования транспортных коммуникаций, в частности между западными районами Азербайджана и Нахичеванской автономной республикой, может привести к перестроению всего Южного Кавказа и превращению его в «регион-хаб». При этом в транспортно-логистической картине региона остается ключевой вопрос – соперничество между глобальными транспортными проектами и роль основных акторов данного процесса.

Так, на Южном Кавказе пересекаются три международных транспортных коридора (МТК):

меридианный МТК «Север – Юг» и два широтных – Транспортный коридор «Европа – Кавказ – Азия» (ТРАСЕКА) и Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ, или Серединный коридор).

ТРАСЕКА (TRACECA, Transport Corridor Europe – Caucasus – Asia) – многосторонняя программа сотрудничества, которая была предложена Европейским союзом в 1993 г., а в 1998 г. на международной конференции в Баку получила правовой статус [3]. Изначально ТРАСЕКА, позиционирующий себя как проект по возрождению Великого шёлкового пути и связывающий страны Европы, Кавказа и Азии, имел политический контекст – в него не включили Россию. Программа технической помощи ТРАСЕКА представляет собой межправительственную комиссию и предусматривает ежегодную выдачу странам-членам пакета разрешений. Этими разрешениями члены структуры могут осуществлять беспрепятственно грузоперевозки в пределах ТРАСЕКА. Республика Армения с 1993 г. является членом программы технической помощи. Однако ТРАСЕКА не включает в себя транспортные связи Армении, поэтому за все эти годы страна ни разу не воспользовалась разрешениями, получаемыми участниками проекта.

В рамках программы ТРАСЕКА за 15 лет со стороны Еврокомиссии профинансировано 15 инвестиционных и 61 технический проект общей стоимостью 157 млн. евро. В результате проведенных работ по развитию коридора объем грузоперевозок увеличился с 3 млн т в 1993–1997 гг. до 9 млн т в 1998 г. и 53 млн т в 2007 г. За 10 лет деятельности ТРАСЕКА вложения международных финансовых институтов в реализацию проектов превысили 1 млрд евро. В целом за 1998–2008 гг. по данному транспортному коридору было перевезено 150 млн т грузов [4].

Другой широтный Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ), или Серединный коридор (Middle Corridor), был открыт в 2017 г. для оказания мультимодальных транспортных услуг по маршруту Китай – Казахстан – Азербайджан – Грузия – Турция и далее в третьи страны. После 2022 г. страны ЕС стали рассматривать «Серединный коридор» как возможность диверсификации транспортно-логистических маршрутов в обход России и усиления своего влияния в странах Центральной Азии. За период с 2022 по 2024 гг. объем грузоперевозок вырос с 1,5 до 3,3 млн т [5].

Международный транспортно-логистический коридор (МТК) «Север – Юг», инициированный Россией, Ираном и Индией в 2000 г., позволяет создать обширные инфраструктурные сети и диверсифицировать маршруты от Балтики до Индийского океана (порт Мумбаи). Россия стремится к восстановлению бывшей советской транспортной

инфраструктуры, чтобы не оказаться в торгово-экономической изоляции. В этом контексте проект «Север – Юг» воспринимается как альтернатива и заслон для экспансии Запада на Южный Кавказ, который созданием глобальной инфраструктурной сети пытается обеспечить диверсификацию в сфере импорта углеводородов в ЕС.

Недостающим звеном, соединяющим железные дороги Ирана, Азербайджана и России остается участок Решт – Астара протяженностью 162 км на территории Ирана. В 2005 г. руководители Ирана, России и Азербайджана подписали договор по строительству линии, включающей участок Решт – Астара. В январе 2022 г. во время визита президента Ирана Ибрахима Раиси в Москву стороны согласовали кредитную линию для завершения строительных проектов в Иране. Как уточнил вице-премьер Александр Новак, на это РФ выделит межгосударственный кредит в 1,3 млрд евро из необходимых 1,6 млрд, что составляет 85% стоимости проекта. При этом кредит является возвратным, и срок его погашения зависит от времени окупаемости проекта [6].

Интеграция железнодорожных путей России, Азербайджана и Ирана общей протяженностью 7200 км позволит значительно сократить сроки доставки грузов из Балтийского моря до Индийского океана, что повысит конкурентоспособность МТК «Север – Юг». Более того, учитывая украинский кризис и отсутствие безопасности в некоторых частях Черного моря, использование иранского маршрута будет важно и для европейских стран. Москва дает понять, что ее выбор в пользу на расширения сотрудничества с югом Евразии через транспортные артерии Прикаспия и Ирана имеет долгосрочный характер. В этой связи она будет менять и фокус внимания на проблемы Закавказья. У нее, как и у Тегерана, появляются новые стимулирующие мотивы действий. Для России Иран – одно из направлений в реализации стратегии «поворота на Восток», а для Ирана Россия – «поворот на Север». Их взаимодействие может выйти за пределы транспортного проекта и обрести значение трансрегионального интеграционного проекта под названием «Меридианная Евразия» [7].

Проект Решт – Астара, как часть МТК «Север – Юг», существенно снижает вероятность строительства и без того малоэффективной, но политически мотивированной железной дороги Иран–Армения протяженностью около 300 км. Стоимость этого проекта оценивается примерно в 3,5 млрд долл., а ежегодная загрузка железной дороги может составить 15–18 млн т. Однако, по мнению экспертов, проект железной дороги Иран – Армения является экономически неэффективным из-за тупиковости железной дороги Армении, невозможности ее прямого выхода

на российские просторы и отсутствия финансирования [1].

Не выдерживает критики и заявления официальных лиц Армении о возможности участия Китая в этом проекте в рамках сверхамбициозной программы КНР о возрождении Великого шелкового пути, стоимостью в 40 млрд долл. Ни в одном сценарии нового Шелкового пути Армения не присутствует, зато на картах отмечены железнодорожные участки Иран–Азербайджан и Турция – Грузия. Относительно недавно министр транспорта Ирана представил перспективные направления железнодорожного сообщения со странами региона, ни в одном из них Армения не присутствовала [8].

При этом в Тегеране демонстрируют беспокоенность относительно переговоров вокруг так называемого «Зангезурского коридора» – это транспортный маршрут протяженностью 43 км, который проходит через Сюникскую область Армении вдоль границы с Ираном. В советское время автомобильное и железнодорожное сообщение между Азербайджаном и Нахичеванью осуществлялось именно через этот участок. Проблема «Зангезурского коридора» стала актуальной после Второй карабахской войны и подписания трехстороннего Соглашения о мире между И. Алиевым, Н. Пашиняном и В. Путиным от 9 ноября 2020 г. Согласно пункту 9 данного Соглашения, предусматривалось разблокировать все экономические и транспортные связи в регионе, в том числе беспрепятственное сообщение Азербайджана с Нахичеванью [9].

Саммит лидеров Армении, Азербайджана и России 11 января 2021 г. в Москве подтвердил желание сторон идти по этому пути и привел к созданию межправительственной рабочей группы для руководства процессом [10]. После встречи лидеров Армении и Азербайджана в Брюсселе 14 декабря 2021 г. премьер-министр Армении Н. Пашинян заявил, что стороны достигли договоренности о перезапуске железных дорог на основе международно признанных пограничных и таможенных правил, руководствуясь принципом взаимности, под суверенитетом и властью соответствующих стран. В свою очередь, президент И. Алиев подчеркнул, что «такие ограничительные правила могут применяться к Трансзангезурской трассе только в том случае, если они будут применяться и к Лачинскому коридору, который связывает Армению с карабахским регионом Азербайджана, находящимся под временным контролем российской миротворческой миссии» [11].

Сначала из Баку следовали прозрачные намеки на готовность прорубить коридор силой, а после захвата Нагорного Карабаха и этнической чистки армян И. Алиев заявил о достижении договоренности с Тегераном об альтернативном маршруте, который соединит основную часть

Азербайджана с Нахичеванью [12]. Так, 6 октября 2023 г. Азербайджан и Иран подписали протокол о намерениях по строительству железной дороги, которая соединит основную часть страны с Нахичеванью через территорию исламской республики – Аразского коридора [13]. Понятно, что с Тегераном речи об экстерриториальности не идет. Кроме того, строительство дорог через Иран обойдется дороже, чем по территории Армении, придется сделать серьезный крюк.

Открытие так называемого «Зангезурского коридора» имеет важное экономическое значение для Азербайджана: республика ежегодно тратит более 10 млн долл на субсидирование авиарейсов Баку – Нахичевань и теряет 15% газа, поставляемого транзитом через территорию Ирана в свой эксклав [13]. Для Ирана потеря южной границы с Арменией, единственным членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС), может иметь не только транспортно-логистические, но и геэкономические последствия и привести к стратегической изоляции. Еще в 2019 г. Иран и ЕАЭС подписали соглашение о преференциальной торговле, что привело к удвоению взаимного товарооборота. К маю 2025 г. иранский экспорт в страны ЕАЭС превысил 2 млрд долл, из которых 505 млн долл пришлось на Армению. В свою очередь почти 30% армянского экспорта осуществляется через Иран [14].

Россия поддержала идею открытия транспортного сообщения между Азербайджаном и Нахичеванью, тем более что, в соответствии с Соглашением от 9 ноября 2020 г., контроль за данным маршрутом будут осуществлять органы Пограничной службы ФСБ России [9]. Премьер-министр Армении Н. Пашинян неоднократно подчеркивал, что поддерживает полное открытие транспортных коммуникаций на равноправной основе, но выступает против «коридорной логики». После новостей о сближении Азербайджана и Ирана армянское руководство представило свой проект под названием «Перекресток мира». В Ереване отмечали, что в рамках этой инициативы предполагается разблокировать на Южном Кавказе все дороги и пограничные пункты на равноправной основе, в соответствии с нормами международного права [15].

Проект «Перекресток мира», инициированный премьер-министром Н. Пашиняном, предполагает развитие коммуникаций между Арменией, Турцией, Азербайджаном и Республикой Иран. Одним из ключевых аспектов данного проекта является подписание мирного договора с Азербайджаном, делимитацию и демаркацию армяно-азербайджанской границы, а также разблокирование региональных коммуникаций, вся инфраструктура которых должна действовать под суверенитетом и юрисдикцией тех стран, через которые они проходят. Кроме того, каждая страна

осуществляет пограничный и таможенный контроль в соответствии с международным правом на основе равенства и взаимности. В том числе это значит, что стороны могут договориться об упрощении процедур пограничного и таможенного контроля.

Для превращения Армении в «перекресток мира» власти проводят модернизацию транспортной системы – автокоридора «Север – Юг» общей протяженностью в 556 км. Еще в 2013 г. между РА и Европейским инвестиционным банком (ЕИБ) было подписано Соглашение «Дорожный коридор Север – Юг», предусматривающее строительство автомагистрали через территорию Армении (Мегри – Капан – Горис – Ереван – Аштарак – Гюмри – Бавра) и Грузии с выходом к Черному морю и к европейским странам. Программа «Север – Юг» на сегодня оценивается в 3,5 млрд долл, (на момент старта проекта указывалась сумма менее 1 млрд долл) и предполагает создание транспортных коммуникаций, соединяющих Иран с Грузией через территорию Армении и удовлетворяющих высоким международным стандартам, а также способствует выходу на мировые рынки [16].

По прогнозам экспертов, реализация армянского проекта «Север – Юг» займет до 8 лет. Как раз это время необходимо для превращения Армении в «перекресток мира» и открытия транспортных коммуникаций. Реконструкция и модернизация главной автомагистрали страны, создание соответствующей инфраструктуры, открытие дополнительных КПП, проработка таможенных тарифов и, наконец, привлечение инвестиций могут позволить Армении повысить привлекательность национальных коммуникаций и претендовать на роль транспортного хаба на Южном Кавказе [17].

Российская Федерация поддержала предложенный премьер-министром РА Н. Пашиняном проект «Перекресток мира». Россия направила 150 млн долл на модернизацию автодорожного маршрута по коридору «Север – Юг». Что касается западноевропейских партнеров Армении, то, несмотря на публичные одобрения на форуме инвесторов в Брюсселе, реальной заинтересованности в проекте не наблюдается. В Азербайджане рассматривают данный проект Н. Пашиняна как попытку вывести страну из экономической изоляции и подготовку к реваншу.

Турция публично поддерживает идею открытия транспортных коммуникаций с Арменией. Однако на деле этот вопрос турецкое руководство связывает с нормализацией армяно-азербайджанских отношений. В настоящее время находится на стадии реализации проект железной дороги Карс – Игдыр – Нахичевань протяженностью 224 км, который, наряду с действующей магистралью Баку – Тбилиси – Карс, призван интегрировать транспортные коммуникации Турции

и Азербайджана. В том же контексте развивается и строительство газопровода Баку – Тбилиси – Эрзерум (2006 г.), Трансанатолийского газопровода (TANAP) (2019 г.) и Игдыр – Нахичевань (2025 г.). Все перечисленные коммуникационные проекты обошли Россию, Иран и Армению.

Помимо сугубо экономических аспектов, все представленные транспортно-логистические коммуникации преследуют и политические цели, а именно реализацию Пантуранского проекта, т. е. объединения тюркского мира в единое транспортное кольцо. Реализация проекта неопантуранизма вполне вписывается в стратегический британо-американский план «Большой игры» по выдавливанию России из Закавказья. Недостоящим звеном или барьером в этом процессе является Армения, точнее, так называемый «Зангезурский коридор», который стал индикатором глобального сдвига на Южном Кавказе.

Свидетельством роста американского влияния на Южном Кавказе стало подписание в Вашингтоне 8 августа 2025 г. лидерами Армении и Азербайджана Совместной декларации по мирному урегулированию отношений между двумя странами. В опубликованном 11 августа проекте мирного договора между двумя странами имеется 17 пунктов, в том числе о признании территориальной целостности и невмешательстве во внутренние дела друг друга, о демаркации и делимитации государственной границы и неразрывности вооружённых сил третьих сторон вдоль своей общей границы, об отмене всех межгосударственных исков и жалоб в международные организации и прекращении враждебных действий в дипломатической, информационной или иной сферах [18]. Примечательно, но еще в марте 2025 г. стороны сознательно вынесли вопрос открытия транспортных коммуникаций за рамки данного проекта как отдельную проблему.

Третий пункт Вашингтонской декларации предусматривает открытие всех транспортных связей «на основе уважения суверенитета, территориальной целостности и юрисдикции», в том числе и «обеспечение беспрепятственного сообщения между основной территорией Азербайджана и Нахчыванской Автономной Республикой, а также взаимовыгодных транспортных маршрутов, обслуживающих Армению». Слово сочетание «Зангезурский коридор» в декларации не упоминается, а сама дорога получила название «Маршрут Трампа ради международного мира и процветания» (TRIPP, Trump Route for International Peace and Prosperity) [19].

В декларации отмечается готовность РА «сотрудничать с США и другими согласованными партнерами для создания рамочной программы проекта» [19]. Влиятельные западные издания утверждают о договоренности между Арменией и США о передаче последним транспортного маршрута в концессию на 99 лет, что превращает

его в международный инфраструктурный объект. В свою очередь США отдадут его в субаренду некоему консорциуму, который будет отвечать за инфраструктуру и управление, однако эксплуатировать его будут по законодательству Армении. Этот факт не отрицают ни в Азербайджане, ни в Армении.

Примечательно, что в трехстороннем Соглашении о мире, подписанном 9 ноября 2020 г. между И. Алиевым, Н. Пашиняном и В. Путиным, также не упоминался «Зангезурский коридор». Стороны тогда соглашались на разблокирование всех экономических и транспортных связей в регионе, а Армения «гарантировала беспрепятственное сообщение Азербайджана с Нахичеванью под контролем органов Пограничной службы ФСБ России» [9].

Что же изменилось за 5 лет? Прежде всего, подписание данных соглашений является результатом победы Азербайджана во Второй карабахской войне 2020 г. Последующие события привели к переориентации руководства Азербайджана и Армении в сторону Запада и США. Так, 13–14 сентября 2022 г. вооруженные силы АР совершили агрессию на суверенную территорию РА. Совет безопасности Армении обратился к России за помощью на основании Договора 1997 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя государствами. Представитель Армении в ОДКБ В. Биягов заявил, что ожидает от союзников «действенных коллективных мер» в соответствии со ст. 4. ОДКБ, и выразил уверенность, что «механизмы ОДКБ способны обуздать агрессора» [20]. Однако, кроме «обсуждения идеи создания рабочей группы для анализа ситуации и выработки предложений по деэскалации», а также предложения направить миссию наблюдателей, никаких практических действий со стороны ОДКБ не последовало, что привело армянское общество в состояние глубокого разочарования и поставило под сомнение эффективность организации. И хотя военный конфликт удалось остановить сопротивлением вооруженных сил РА и усилиями России, США и ЕС, азербайджанские войска остались на занятых территориях в Армении (более 200 км²).

Не прошло и месяца, как 6 октября 2022 г. в Праге премьер-министр РА Н. Пашинян был вынужден подтвердить территориальную целостность и суверенитет АР в соответствии с Алма-Атинской декларацией 1991 г., т. е. признать Нагорный Карабах неотъемлемой частью Азербайджана. При этом никак не оговаривались ни вопросы интеграции Нагорного Карабаха в АР, ни проблемы безопасности карабахских армян. Более того, подписывая Пражскую декларацию, Н. Пашинян даже не поставил об этом в известность Россию, чьи миротворцы находились в Нагорном Карабахе. Как позже заметил президент РФ В. В. Путин, Пражская декларация

разрушила основания для российского миротворчества в этом регионе [21].

Пражская декларация позволила Азербайджану провести 19 сентября 2023 г. «антитеррористические мероприятия локального характера» в Нагорном Карабахе для «восстановления конституционного строя». За несколько дней Азербайджану удалось не только захватить Нагорный Карабах, осуществить этническую чистку более 100 тыс. армян, но и вытеснить оттуда российских миротворцев [22]. Премьер-министр Армении Н. Пашинян назвал действия Азербайджана «наземной операцией по этнической чистке армян Нагорного Карабаха» [23]. Европейский парламент принял резолюцию, осуждающую Азербайджан за «насильственный захват» Нагорного Карабаха. В резолюции евродепутаты сравнили исход армянского населения из региона с этнической чисткой и призвали руководство ЕС ввести против Баку санкции [24]. Однако все ограничилось лишь громкими заявлениями. Таков результат западного миротворчества – вытеснение России из Нагорного Карабаха обернулось трагедией для карабахских армян.

Такую же цель преследуют США на Южном Кавказе. Утратив влияние в Грузии, они стремятся переориентировать на себя Армению и Азербайджан. В январе 2025 г. США подписали с Арменией Хартию о стратегическом партнерстве, предполагающую взаимодействие в сфере экономики, обороны, безопасности и демократии. Вашингтонская декларация, подписанная 8 августа 2025 г., находится в русле этой Хартии, и место российских пограничников по «Маршруту Трампа» занимают американские силы. При этом США получили не только право контроля над всеми перевозками по «Маршруту Трампа», но и преимущество в геополитической конкуренции с Китаем и Россией. В случае успеха в реализации проекта Азербайджан получит беспрепятственное сухопутное сообщение со своим эксклавом Нахичеванью, сможет увеличить экспорт в европейские страны более чем на 700 млн долл, превратиться в транспортно-логистический хаб мирового уровня и стать стратегическим партнером Европы в энергетике.

«Маршрут Трампа» вполне вписывается в армянский проект «Перекресток мира» и позволит Армении не только решить проблему так называемого «Зангезурского коридора» с финансовыми преференциями и сохранением суверенитета, но и разблокировать свои коммуникации, в частности транзитное сообщение с Россией через территорию Азербайджана и железную дорогу Карс – Гюмри с выходом в страны ЕС.

Иран и Грузия на словах поддерживают проект «Перекресток мира» и договоренности по «Маршруту Трампа» как залог мира и стабильности в регионе, однако в случае его реализации

могут потерять часть своих транзитных доходов. А вот страны ЕС могут диверсифицировать импортируемые энергоносители и снизить зависимость от России и Ирана. При этом сама Россия может потерять не только потенциальные доходы от экспорта углеводородов, но и утратить часть своего влияния на энергетический рынок Европы. Пожалуй, наибольшую выгоду от реализации «Маршрута Трампа» может получить Турция, став мощным транзитным хабом.

По оценкам аналитиков, открытие «Маршрута Трампа» значительно сократит время транзита грузов через Евразию и снизит транспортно-логистические расходы на 20–30 млрд долл, а мировой товарооборот может увеличиться к 2027 г. на 50–100 млрд долл [25]. По мнению экономистов, сама Армения может получить значительные преференции в виде транзитных сборов, выйти из изоляции, что позволит увеличить ВВП страны до 30% в течение 2-х лет [11].

Таким образом, узкая полоса земли в Сюникской области Армении превратилась в арену не только регионального, но и геополитического противостояния Запад – Россия на Южном Кавказе. После Второй карабахской войны 2020 г. и начала СВО России на Украине в регионе происходит переформатирование взаимоотношений геополитических игроков, а приоритетными направлениями становятся инфраструктурные проекты, соединяющие Китай, страны Юго-Восточной Азии с Европой. Важнейшим условием реализации этих проектов является утверждение в регионе стабильности и мирной повестки, прежде всего, между двумя государствами – Азербайджаном и Арменией. Парафирование в Вашингтоне соглашения о мире между двумя странами позволяет надеяться на то, что в случае построения стабильной региональной структуры отношений с участием нескольких крупных игроков, заинтересованных в обеспечении мира, возможно постепенное превращение Южного Кавказа из зоны конфронтации в «регион-хаб».

Последние события наводят на мысль, что на Южном Кавказе происходит трансформация прежнего порядка в новый, в котором баланс сил будет определяться не только военной мощью, речь идет прежде всего, об Азербайджане, но и способностью контролировать и интегрировать в свои интересы важнейшие транспортно-логистические маршруты региона. Вашингтонские соглашения свидетельствуют не о диверсификации, а переориентации внешней политики Азербайджана и Армении в сторону США. При этом сохраняется присутствие российских пограничников на границе Армении и Ирана, остаются актуальными трехсторонние соглашения сторон с участием России и членство Армении в едином таможенном пространстве ЕАЭС.

Перспективы восстановления транспортных коммуникаций через территорию Азербайджана

связаны с рядом рисков для Армении, прежде всего военно-политического контекста. На преодоление многолетней вражды и недоверия между двумя народами потребуются длительное время и политическая воля руководителей обеих стран. Об этом красноречиво свидетельствует предварительное условие президента АР И. Алиева для подписания мирного договора – удалить из Декларации о независимости и Конституции РА всякое упоминание о Нагорном Карабахе как возможное в будущем посягательство на территориальную целостность Азербайджана.

Несмотря на то, что власти Армении считают эти претензии надуманными и рассматривают их как вмешательство во внутренние дела страны, они с 2018 г. ведут планомерную работу по подготовке общественного мнения к национальному референдуму по принятию Конституции новой, Четвертой Республики. Референдум намечен после парламентских выборов 2026 г., исход которых трудно предугадать, как, соответственно, и судьбу самого референдума и мирного договора.

Для восстановления транспортных, особенно железнодорожных, коммуникаций необходимы огромные финансовые средства, которыми Армения не располагает. Армянские железные дороги находятся в концессионном управлении ОАО «Российские железные дороги», а отношения между Ереваном и Москвой в настоящее время нестабильны. В условиях продолжающейся Специальной военной операции Россия сама ограничена свободными средствами. Поэтому весьма велик риск одностороннего выполнения условий соглашения по «Маршруту Трампа»: 43-километровая дорога, соединяющая АР с Нахичеванью, будет функционировать, а коммуникации, проходящие через территорию Азербайджана и соединяющие Армению с Россией, будут долго, в силу различных причин, оставаться заблокированными.

Всем этим обусловлена выжидательная позиция России по сохранению баланса сил и сдерживанию эскалации напряженности на Южном Кавказе. Реализация проектов повышения транспортной связности региона зависит от достижения политического консенсуса между ключевыми геополитическими акторами и восстановления взаимного доверия.

Список литературы

1. Пылин А. Р. Международные транспортные коридоры на Южном Кавказе и их транзитный потенциал // Геоэкономика энергетики. 2018. № 4. С. 121–141.
2. Чолахян В. А. Торгово-экономические отношения между Арменией и Россией в постсоветский период // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 200–209. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-200-209>
3. Бакинская Инициатива и Саммит 1998 г. // Транспортный коридор Европа – Кавказ – Азия». URL: <https://tracesea-org.org/ru/glavnaja/bakinskaja-iniciativa-i-sammit-1998-g/> (дата обращения: 12.01.2024).
4. Армения в числе других стран TRACESA подписала договор по расширению железнодорожных узлов с соседями в рамках европейской программы соседства // Информационное агентство АРКА. URL: <https://arka.am/ru/news/economy/12296/> (дата обращения: 12.01.2024).
5. В Баку состоялась встреча членов Международной ассоциации «Транскаспийский международный транспортный маршрут» // Международная ассоциация «Транскаспийский Международный Транспортный Маршрут». URL: <https://middlecorridor.com/ru/press-tsentr/novosti/04-03-2025> (дата обращения: 01.10.2025).
6. Зачем Россия за свои деньги будет достраивать железную дорогу в Иран // Сибирское информационное агентство. URL: https://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=449682 (дата обращения: 13.01.2024).
7. Железная дорога Решт – Астара изменит политику России // Информационное агентство «Регнум». URL: <https://regnum.ru/article/3664122> (дата обращения: 13.01.2024).
8. Казнить нельзя помиловать: или судьба проекта строительства железной дороги «Иран – Армения» все более туманна // Финансово-экономический портал Армении. URL: https://finport.am/full_news.php?id=27882 (дата обращения: 12.01.2024).
9. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 14.01.2024).
10. Путин, Алиев и Пашинян приняли заявление о Карабахе // Информационное агентство «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/01/2021/5ffc676f9a794718f2c0e3c6?from=copy> (дата обращения: 14.01.2024).
11. Зангезурский коридор – краеугольный камень сотрудничества на Южном Кавказе // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zangezurskiy-koridor/> (дата обращения: 14.01.2024).
12. Алиев: при отказе Армении от Зангезурского коридора Баку не откроет границу в ином месте // Информационное агентство «ТАСС». URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19702797> (дата обращения: 14.01.2024).
13. Зангезурский коридор: из-за чего спорят Ереван и Баку // Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6298724>. (дата обращения: 14.01.2024).
14. Зангезурский коридор: геополитическая артерия Южного Кавказа // Информационное агентство Eurasia Today. URL: <https://eurasiatoday.ru/zangezurskiy-koridor-geopoliticheskaya-arteriya-yuzhnogo-kavkaza/> (дата обращения: 14.01.2024).

15. Уступите дорогу: Турция принуждает Армению открыть Зангезурский коридор // Информационный портал газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/1632326/igor-karmazin/ustupite-dorogu-turtciia-prinuzhdaet-armeniiu-otkryt-zangezurskii-koridor> (дата обращения: 12.01.2024).
16. Армения вносит изменение в соглашение с ЕИБ по строительству коридора «Север-Юг» // Финансово-экономический портал Армении. URL: https://finport.am/full_news.php?id=48971 (дата обращения: 17.01.2024).
17. Ереван отстает в гонке за роль транспортного хаба: чем важен для Армении «Север-Юг» // Новостное агентство Sputnik Армения. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20221026/erevan-otstает-v-gonke-za-rol-transportnogo-khaba-chem-vazhen-dlya-armenii-sever-yug-50434299.html> (дата обращения: 18.01.2024).
18. Проект мирного договора между Арменией и Азербайджаном // Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7957519> (дата обращения: 28.09.2025).
19. Текст Совместной декларации по итогам встречи президента Азербайджана и премьер-министра Армении в Вашингтоне // Информационно-аналитическое агентство «Вестник Кавказа». URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/tekst-sovmestnoj-deklaracii-po-itogam-vstreci-prezidenta-azerbajdzana-i-premer-ministra-armenii-v-vasingtone.html> (дата обращения: 26.09.2025).
20. Армения и Азербайджан не знают границ // Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5559485> (дата обращения: 07.10.2025).
21. Путин заявил, что Армения сама признала Карабах частью Азербайджана // Информационное агентство «ТАСС». URL: <https://tass.ru/politika/18921533> (дата обращения: 07.10.2025).
22. В Нагорном Карабахе не осталось армян, это – этническая чистка: Киракосян на суде в Гааге // Новостное агентство Sputnik Армения. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20231012/v-nagornom-karabakhe-ne-ostalos-armyan-eto-etnicheskaya-chistka-kirakosyan-na-sude-v-gaage-67183939.html> (дата обращения: 16.01.2024).
23. «Антитеррористическая операция» Азербайджана в Карабахе // Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6224102> (дата обращения: 16.01.2024).
24. Европарламент назвал уход армян из Карабаха этнической чисткой // Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6253987> (дата обращения: 16.01.2024).
25. *Yildiz G.* America's High-Stakes Bet On Zangezur: How A U.S.-Led Corridor Could Slash Europe's Energy Costs And Counter Russia // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/guneyyildiz/2025/07/18/americas-high-stakes-bet-on-zangezur-how-a-us-led-corridor-could-slash-europes-energy-costs-and-counter-russia/> (дата обращения: 24.03.2026).

Поступила в редакцию 09.10.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

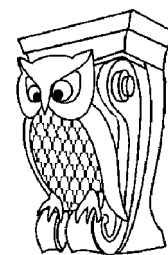
The article was submitted 09.10.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 253–259
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 253–259
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-253-259>, EDN: TGWBNI

Научная статья
УДК [94(510):930(510+470+571):070] 2014/2024]

Журнал «Международное китаеведение» (2014–2024) о развитии китаеведения в России

Лю Сяюй, А. А. Сальникова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18

Лю Сяюй, аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения, dearfriend93@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-4069-1163>, AuthorID: 1321995

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения, Alla.Salnikova@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5498-1401>, AuthorID: 428461

Аннотация. В статье рассматриваются публикации, посвященные российскому китаеведению, в китайском журнале «Международное китаеведение», получившем в 2014 г. статус ведущего научного издания. Цель исследования – проследить эволюцию тематики и исследовательских подходов китайских ученых, объединенных на этой платформе, в изучении российского китаеведения, а также выявить их вклад и место в системе современного международного китаеведения. Обращаясь к методам библиометрического и тематического анализа, а также контент-анализа, авторы системно исследуют проблематику статей, опубликованных в журнале с 2014 по 2024 гг., их содержание и полученные научные результаты. Делается вывод о том, что журнал «Международное китаеведение» в рассматриваемый период сыграл важную роль в расширении изучения российского китаеведения в КНР. Он содействовал научному взаимодействию, закреплению и продвижению ведущей позиции китайских ученых в формировании международного китаеведческого дискурса.

Ключевые слова: журнал «Международное китаеведение» (2014–2024), российское китаеведение, российские китаеведы, китайская культура, исторические источники, китайские учёные

Для цитирования: Лю Сяюй, Сальникова А. А. Журнал «Международное китаеведение» (2014–2024) о развитии китаеведения в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 253–259. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-253-259>, EDN: TGWBNI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Journal “International sinology” (2014–2024) on the development of sinology studies in Russia

Liu Xiaoyu, A. A. Salnikova

Kazan (Volga Region) Federal University, 18 Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russia

Liu Xiaoyu, dearfriend93@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-4069-1163>, AuthorID: 1321995

Alla A. Salnikova, Alla.Salnikova@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5498-1401>, AuthorID: 428461

Abstract. This article examines the publications on Russian Sinology published in the Chinese journal “International Sinology,” which was established as a leading academic journal in 2014. The aim of the study is to trace the evolution of the topics and research approaches of Chinese scholars united within this platform in the study of Russian Sinology, as well as to identify their contribution and place within the system of contemporary international Sinology. Using bibliometric, thematic, and content analysis methods, the authors systematically examine the topics covered by the articles published in the journal in 2014–2024, their content, and the resulting research findings. It concludes that the journal “International Sinology” played a significant role in expanding the study of Russian Sinology in China during the period under review. It facilitated scholarly interaction, consolidated and promoted the leading position of Chinese scholars in shaping international Sinology discourse.

Keywords: journal “International Sinology” (2014–2024), Russian Sinology, Russian sinologists, Chinese culture, historical sources, Chinese scholars

For citation: Liu Xiaoyu, Salnikova A. A. Journal “International sinology” (2014–2024) on the development of sinology studies in Russia. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 253–259 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-253-259>, EDN: TGWBNI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

С момента основания в 1995 г. журнал «Международное китаеведение» прошёл тридцатилетний путь развития и, являясь первым в Китае специализированным научным изданием, сосредоточенным на изучении зарубежного китаеведения, изначально был призван отражать тенденции развития мировой синологии с позиций китайской науки.

С 1996 г. журнал издаётся Пекинским университетом иностранных языков и на протяжении многих лет стабильно сотрудничает с авторитетным издательством «Дасян». В период, когда главным редактором был профессор Чжан Сыпинь, журнал «Международное китаеведение» получил институциональную поддержку и привлек научные ресурсы, способствовавшие стремительному развитию издания. Как он сам писал впоследствии, «в период руководства ректора Хао Пина Пекинский университет иностранных языков способствовал быстрому развитию «Международного китаеведения», именно в это время ««Международное китаеведение» и развитие Пекинского университета иностранных языков слились воедино» [1, с. 152].

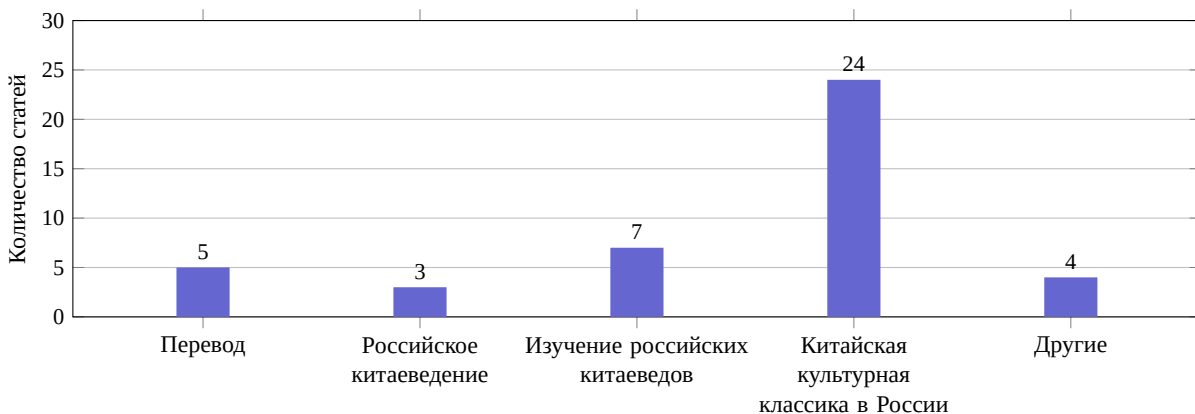
1. Состояние исследований работ российских сиологов в журнале «Международное китаеведение» (2014–2024 гг.)

С ростом китайско-российских отношений российское китаеведение постепенно стало одной из ключевых областей интереса китайской научной среды. Уже в 2013 г. председатель Си Цзиньпин отметил: «Россия – одна из первых стран в мире, занимающихся изучением китаеведения, и её уровень знания в этой области всегда был ведущим в мире» [2]. Это важное утверждение не только подтвердило реальное положение России в глобальных исследованиях, но и стимулировало продолжительный интерес китайских учёных к российской синологии, сделав её более заметной в структуре исследований в Китае.

В данной работе рассмотрены результаты деятельности журнала «Международное китаеведение» в 2014–2024 гг. С одной стороны, это позволяет отразить научные достижения, накопленные журналом после его признания китайским национальным центральным научным изданием; с другой стороны, такой временной интервал способствует систематическому анализу общего состояния и наиболее существенных результатов исследований российского китаеведения китайскими учёными на данной платформе.

Согласно нашим подсчетам, в период с 2014 по 2024 г. журнал «Международное китаеведение» опубликовал 43 статьи, связанные с российскими исследованиями, среди которых 5 переводных. Эти статьи в основном распределены по рубрикам «Российское китаеведение», «Исследование китаеведов» и «Классические произведения китайской культуры в России». Такие темы и структура рубрик не только отражают постоянное внимание журнала к области российских исследований и его научное планирование, но и показывают важное место китайско-российских контактов в современной научной системе Китая. Следует отметить, что, хотя количество переводных статей составляет лишь около 11% от общего числа публикаций по данной теме, этот показатель всё же демонстрирует открытость и разнообразие журнала в привлечении зарубежных научных результатов. Кроме того, можно видеть, что исследовательское внимание китайских учёных в большей степени сосредоточено на рубрике «Классические произведения китайской культуры в России», что соответствует государственной политике, направленной на развитие межкультурных связей.

Анализ публикаций по российской синологии, размещённых в журнале «Международное китаеведение», показывает, что авторский корпус обладает высокими профессиональными характеристиками и в основном представлен преподавателями и исследователями китайских вузов, прежде всего специалистами в области преподавания русского языка и культуры. Эти исследо-

Динамика публикаций статей, посвященных российским исследованиям, в журнале «Международное китаеведение» (2014–2024 гг.)

ватели, как правило, имеют хорошую языковую подготовку, что позволяет им обращаться к оригинальным русскоязычным источникам и проводить их непосредственный анализ, обладая очевидными преимуществами в сфере поиска, интерпретации и критического осмысления материалов. Как отмечает Чжан Сипин, «исследователи, работающие в вузах иностранных языков, в большинстве своём занимаются изучением языка и культуры соответствующей страны» [3, с. 104]. Это наблюдение в полной мере отражает состав авторов, публикующих свои работы по российской китаистике в журнале «Международное китаеведение», и свидетельствует о том, что в современной исследовательской структуре развитие российского китаеведения в Китае в значительной степени обеспечивается учёными, обладающими преимуществом в области языковой компетенции.

Однако такая структура исследований, в которой доминируют специалисты с языковым профилем, при всей своей профессиональной глубине обнаруживает и определённые ограничения. Исследовательское сообщество остаётся относительно узким, уровень междисциплинарной интеграции недостаточен, что приводит к слабому вниманию к вопросам теоретического осмысления российской синологии, разработки исследовательских парадигм и проведению межкультурных сравнений. Подобная ситуация затрудняет формирование более комплексной и открытой системы китаеведческих исследований.

2. Основные направления и распределение по проблематике российских исследований в журнале «Международное китаеведение»

Публикаций журнала за последние десять лет, связанных с российским китаеведением, можно поделить на четыре группы: обзорные и вводные исследования; исследования российских китаеведов; исследование распространения и трансляции китайской культуры в России; обсуждение вопросов, связанных с систематизацией и исследованием источников российского китаеведения.

Обзорные и вводные исследования

Эти исследования преимущественно используют макроподход для систематического представления и обобщения истории развития российского китаеведения, классификации школ и основных достижений. Например, Тао Юань в статье «Основные направления и достижения российских исследований тибетологии» достаточно полно охарактеризовал Петербургскую и Бурятскую школы китаеведения, выделив такие их особенности, как «выдающиеся ранние результаты», «значительные достижения в переводе классических текстов» и «концентрация исследований тибетологии в области буддизма и тибетской медицины» [4, с. 149]. Ли Цзя в статье «Обзор Петербургской

школы российского китаеведения» сосредоточился на исторической эволюции школы, исследовательских парадигмах, научном вкладе и особенностях, подчеркнув, что «Петербургская школа была лидером на раннем этапе развития российского китаеведения и является его основой» [5, с. 83]. В целом подобные обзорные и вводные исследования не только систематизируют важные этапы развития российского китаеведения, но и создают прочную научную основу для последующих тематических изысканий.

Исследования российских китаеведов

Публикации журнала «Международное китаеведение» посвящены трудам китаистов как имперского и советского периода, так и работам современных российских учёных.

При исследовании имперского периода Чжан Бин в статье «В. С. Соловьёв и российское китаеведение» не только приводит биографию выдающегося русского мыслителя и философа В. С. Соловьёва, но и выявляет зарождение «философского поворота» в ранней российской китаеведческой мысли. В частности, В. С. Соловьёв выдвинул концепцию «жёлтой угрозы» и интерпретировал учения Лао-цзы и Конфуция. Чжан Бин отмечает, что, хотя «интерпретация китайской философии В. С. Соловьёвым находилась на этапе первоначального знакомства» [6, с. 76], его рассуждения уже стали неотъемлемой частью изучения российского китаеведения XX в. Иными словами, исследование Чжан Бина выявляет переход российского китаеведения от политико-культурных представлений к академической интерпретации. Цуй Хуадзе в работе «Российский китаевед Э. В. Бретшнейдер и исследования истории контактов Китая и Запада» акцентирует внимание на методологическом аспекте. Он выделяет три исследовательских характеристики, присущих этому известному синологу: «источниковая база – китайские документы; историческая перспектива – наблюдение мира с позиции Китая; метод – использование карт для интерпретации историко-географических данных» [7, с. 30]. Это не только подчеркивает «китайскую направленность» Э. В. Бретшнейдера, но и отражает уникальный вклад российского китаеведения в использование источников и совершенствование исследовательских подходов. Примечательно, что исследования Э. В. Бретшнейдера не только обогатили знания о истории Юань и северо-западного Китая, но и способствовали инновациям и смещению перспектив в области источниковедения и методологии [См.: 7, с. 31–32].

В области изучения советских и современных китаеведов исследования отличаются многообразием тем и подходов. Например, Лю Жомэй в статье «Эдуард Шаванн и В. М. Алексеев», опираясь на источники, раскрывает их научную преемственность. Она отмечает, что научные идеи

Эдуарда Шаванна были восприняты В. М. Алексеевым и через него проникли в Россию, где во второй половине XX в. под влиянием российских китаеведов сформировалась исследовательская традиция, ориентированная на использование первоисточников и их перевод с комментариями [См.: 8, с. 35]. Ли Минбинь в статье «К столетию со дня рождения выдающегося современного китаеведа академика С. Л. Тихвинского» рассматривает биографию и научные достижения учёного, подчеркивая, что его вклад зафиксировался в трёх формах – «научные труды, сборники источников и мемуары» [9, с. 33]. Хуан Лилян в статье «Академик М. Л. Титаренко: человек, живущий в наших сердцах» в документальной форме, основанной на личных воспоминаниях автора о знакомстве и общении с академиком М. Л. Титаренко, воссоздаёт его личность и научный дух. Хуан Лилян пишет: «Он настоящий друг китайского народа, которого мы никогда не забудем; бессмертный российский учёный, навсегда живущий в моём сердце» [10, с. 19]. В статье Тао Юаня и Чжоу Кво «Памяти академика РАН профессора С. Р. Кучера» авторы не только прослеживают его научную карьеру, но и отмечают его важную роль в развитии взаимодействия между российским и мировым китаеведением, считая профессора С. Р. Кучера «важным связующим звеном между российским и международным китаеведением» [11, с. 9].

В целом эти исследования включают как систематическое обобщение научной деятельности российских китаеведов, так и тематические исследования, сосредоточенные на отдельных периодах или конкретных направлениях их научной работы, что демонстрирует многомерный подход и глубокое осмысление китайскими учёными достижений советских и современных российских китаеведов.

Исследование распространения и трансляции китайской культуры в России

По словам Чжан Сипина, «влияние и история восприятия китайской культуры за рубежом являются важным аспектом китаеведческих исследований» [12, с. 150]. Поэтому среди опубликованных в журнале «Международное китаеведение» значительная часть статей посвящена распространению и трансляции китайской культуры в России.

В ряду многочисленных составляющих китайской культуры китайская литература, в особенности классическая, на протяжении длительного времени занимала важное место в российских китаеведческих исследованиях. Как отмечает Чэн Вэньянь, «с точки зрения истории российского китаеведения интерес России к китайскому классическому роману имеет давние традиции» [13, с. 2]. Этот устойчивый интерес заложил прочную основу для перевода и исследования китайской

классической литературы в России. В журнале «Международное китаеведение» за рассматриваемый период было опубликовано 20 научных статей, посвящённых популяризации китайской литературы в России, из которых 13 касаются именно классической литературы. Так, в статье Го Цзиньхун «Перевод и распространение крупных серий китайской классической литературы в современной России» (2015) рассматриваются издания последних тридцати лет, такие как Книжная серия «Драгоценные строфы китайской поэзии», Серия «Памятники культуры Востока» и Книжная серия «Всемирная библиотека поэзии». Исследовательница отмечает, что для российских переводчиков характерны «строгость» и «стремление сохранить художественные особенности оригинала» [14, с. 195]. Го Цзиньхун подчёркивает, что эти переводы «отражают непрерывный дух исследовательского поиска и приверженность традициям старшего поколения китаеведов в переводе китайской классической поэзии» [14, с. 195]. В статье Гао Юйхая «Перевод и исследование китайских новелл эпох Сун и Юань в России» (2016) основное внимание уделяется переводам и изучению как разговорных, так и литературных новелл указанных эпох, а также анализу их распространения и восприятия в России. Сравнивая результаты исследований и круг учёных, автор отмечает, что изучение литературных новелл эпох Сун и Юань в России развито недостаточно. При этом он подчёркивает, что переводчики литературных новелл часто совмещают в себе две роли – «переводчика» и «исследователя». [См.: 15, с. 133]. Они не ограничиваются лишь передачей текста на другой язык, но посредством комментариев и проводимого анализа способствуют более глубокому восприятию и интерпретации этих произведений в российском китаеведении. Кроме того, к данному направлению исследований относятся такие работы, как «Исследование русского перевода «Станных рассказов из студии Ляо Чжая», выполненного советским китаеведом В. М. Алексеевым» (2017), «Перевод «Избранных стихов эпохи Тан» в России» (2019), «Исследование Б. Л. Рифтина о китайской мифологии: формирование системы китайских мифов в международной перспективе» (2020), «От «передачи китайского учения на Запад» к «постепенному проникновению западного знания в Россию»: распространение китайских канонических текстов на примере первого появления «Да сюэ» в России» (2021) и др. Эти исследования не только представляют процесс перевода и распространения китайской классической литературы в России, но и раскрывают пути её восприятия и интеграции в российском академическом и культурном контексте.

Стоит отметить, что в журнале обращается внимание на особый интерес российских китаеведов к женской литературе и образу женщин в культуре. Так, Е. Фанфан в статье «Исследование

переводов российским китаеведом М. И. Басмановым китайской поэзии женщин древнего Китая» (2024) характеризует М. И. Басманова как одного из наиболее влиятельных российских китаеведов в области переводов китайской женской поэзии. Однако, рассматривая сборник переводов М. И. Басманова «Встречи и расставания. Лирика китайских поэтов I–XX вв.», Е. Фанфан отмечает, что при передаче темы «чувства» в оригинальных стихах наблюдаются «неправильные прочтения» и «ошибочные переводы» [16, с. 77], корни которых связаны с культурными различиями и принципиальными различиями в понимании «чувства» и «любви» в китайской и русской поэтической традиции. Автор считает, что переводы М. И. Басманова «в определённой степени скрывают культурные и эстетические особенности самой китайской поэзии женщин древнего Китая» [6, с. 77]. В то же время Цзин Жугэ и Д. Д. Масалимова в статье «Поэзия женщин эпохи Тан в российском китаеведческом контексте» (2024) сосредотачивают свое внимание на состоянии исследований поэзии женщин эпохи Тан в российской науке. Д. Д. Масалимова, одна из авторов монографии «Женская поэзия эпохи Тан (618–907 гг.)» [17] считает, что «поэзия женщин эпохи Тан не только является воплощением высшего расцвета китайской поэзии Тан, но и символом того, что женщины средневекового Китая смогли сломать монополию мужчин на поэтическое творчество» [17, с. 60]. Цзин Жугэ и Д. Д. Масалимова на примере женских стихов из «Цюань Танши» анализируют особенности поэтического творчества танских женщин-поэтов и выделяют такие характеристики, как «разнообразие жанров» и «многофункциональность поэзии» [18, с. 64]. Оба автора взяли в качестве примеров трёх представительниц женской поэзии Танской эпохи – Ли Е, Юй Сюаньцзи и Сюэ Тао – и указали, что они, выступая в роли «женщин» и «дегендеризованных философов» [18, с. 67], воссоздают открытость и терпимость общества Танской эпохи. Эти две статьи демонстрируют усилия и достижения российского китаеведения в области изучения китайской классической литературы с гендерной перспективой, а также отражают внимание китайской научной среды к этому направлению исследований.

Помимо классических произведений, в журнале «Международное китаеведение» было опубликовано семь статей, посвящённых переводу и исследованию современной и новейшей китайской литературы. В частности, Вэнь Цзянь в статье «Русские переводы современной и новейшей китайской поэзии и их особенности» (2018) проследил историю русских переводов современной китайской поэзии, выделив пять этапов: «начало – расцвет – стагнация – возрождение – кризис» [19, с. 159], а также подчеркнул «системность переводов в советский период и тесную зависимость количества издаваемых переводов

от экономического состояния России после распада СССР» [19, с. 165]. В своей статье «Понимание и взгляды китайских учёных на русский перевод современной китайской литературы с периода Республики Китай» (2018) Шэ Сяолинь обобщила состояние исследований русского перевода современной китайской литературы китайскими учёными с 1990-х гг. Она указала на такие недостатки в этой области, как нехватка «критики перевода самих текстов и глубокого анализа исследовательских монографий», а также «систематических и детализированных исследований с опорой на текст» [20, с. 173]. «Перевод и исследование произведения Мао Дуня в России» (2020) и «Предварительное исследование произведений Тянь Ханя в России» (2022) явились конкретными примерами распространения произведений современных китайских писателей в России.

Китайские учёные также обобщили достижения российского китаеведения в области философии, театрального искусства, истории и религии. Так, У Синъюн в статье «Комментарий к переводу трактата Чжоу Дунши «Туншу», выполненному русскими учёными» (2015) сосредоточил внимание на межкультурной интерпретации философских сочинений китайских философов; Лян Янь в статье «Распространение китайской пекинской оперы в Советском Союзе в 1930-е годы» (2015) исследует процесс восприятия и распространения пекинской оперы в советском контексте; Чэн Вэньянь в статье «Исследование «Занова составленного пинхуа по истории Пяти династий» Л. К. Павловской» (2017) фокусируется на переводе и интерпретации исторических источников; перевод Чжан Бином статьи «Исследования китайской религии в России» (2018) представляет достижения российского китаеведения китайскому академическому сообществу и позволяет понять состояние изучения китайской религии в России; а статья Чжан Бина «Субъекты распространения китайской культуры в России: период Бичурина» (2022) рассматривает чрезвычайно важный этап китайско-российских культурных обменов. В целом эти исследования не только демонстрируют разнообразие областей, в которых Россия проявляет интерес к китайской культуре, но и выявляют двойственную направленность исследовательских подходов: с одной стороны – акцент на макроаналитической систематизации общекультурных явлений, с другой – внимание к детальному изучению конкретных периодов и отдельных кейсов.

Обсуждение вопросов, связанных с систематизацией и исследованием источников российского китаеведения

Как справедливо отмечает учёный Чжан Синпин, «занимаясь китайской наукой, необходимо опираться на филологию; исследование зарубежного китаеведения также должно основываться на филологических принципах» [21, с. 198]. Эта

идея получила полное отражение в публикациях, размещённых в журнале «Международное китаеведение».

Ли Минь в статье «Коллекция китайских медицинских книг на китайском языке на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета» на основе полевых исследований установил, что в собрании данного факультета хранится «всего 38 наименований, 645 томов, в основном по общим вопросам медицины, фармакопее и клиническим дисциплинам» [22, с. 190]. По мнению Ли Миня, основное назначение этой коллекции – учебное; при этом большинство пользователей – исследователи языка и культуры, что вызывает определённые ограничения её практического применения в медицинской сфере [См.: 22, с. 197].

В журнале «Международное китаеведение» было опубликовано семь рецензий и переводных статей китайских и российских учёных, посвящённых китаеведческим трудам, что отражает двустороннее взаимодействие в академическом обмене. Так, китайский учёный Го Цзинхун в статье «Редкий универсал Л. Д. Позднеева: рецензия на книгу Ли Минбина «Исследование китайской литературы в советскую эпоху – сборник китаеведческих работ Л. Д. Позднеева»» положительно оценивает работу Ли Минбина, отмечая, что в книге даны точный отбор и всестороннее представление о результатах исследований профессора Л. Д. Позднеевой, что позволяет китайским читателям получить достаточно полное представление о её жизни и научном вкладе [См.: 23, с. 191]. Китайская исследовательница Чэнь Жуй перевела и опубликовала рецензию российских учёных А. Г. Алексаняна и С. А. Горбуновой на труд китайского учёного Ли Минбина под названием «История российского китаеведения глазами китайского учёного: рецензия на книгу Ли Минбина «История российского китаеведения»». В своей работе российские исследователи не только высоко оценили научную ценность книги Ли Минбина, но и выразили признательность самому автору, отметив, что он «строгий и добросовестный учёный» [24, с. 182].

В целом журнал «Международное китаеведение» в области систематизации и исследования источников российского китаеведения уделяет внимание не только собственно упорядочиванию и изучению документов, но и новейшим научным достижениям и оценкам китайских и российских учёных, что оказывает важное содействие развитию исследований российского китаеведения в китайской научной среде.

Обобщая результаты исследований, посвящённых российскому китаеведению и опубликованных в журнале «Международное китаеведение» в 2014–2024 гг., можно констатировать, что их проблематика охватывает широкий спектр направлений – от изучения персоналий китаеведов,

научных школ и направлений до систематизации источников и анализа процессов культурной коммуникации, формируя многослойную и многоплановую картину академического дискурса. Эти исследования отражают не только устойчивый и поступательный интерес китайского научного сообщества к российскому китаеведению, но и подчёркивают особую роль журнала «Международное китаеведение» как первого в Китае специализированного издания, ориентированного на зарубежную синологию, в продвижении китайско-российского научного взаимодействия и транснационального обмена знаниями.

В то же время современное состояние исследований демонстрирует, что основную часть исследовательского сообщества в Китае составляют специалисты с лингвистическим образованием. Несмотря на высокий уровень профессиональной проработанности и глубину их работ, наблюдается недостаточная степень междисциплинарной интеграции, а теоретическое конструирование и парадигмальные инновации требуют дальнейшего развития. Становление корпуса исследователей комплексного типа, обладающих межкультурным и сравнительным видением, представляется необходимым условием для углубления междисциплинарных связей, обновления методологического инструментария и совершенствования системы исследований российского китаеведения в Китае.

В заключение следует отметить, что журнал «Международное китаеведение», выступая важным мостом, соединяющим Китай, Россию и мировое сообщество китаеведов, благодаря своей «актуальности и высокой степени профессионализма» [25, с. 41], стал значимым научным ресурсом и документально-научным хранилищем для исследований российского китаеведения в Китае. Он предоставляет китайскому научному сообществу обширную базу исследовательских материалов и платформу для обмена полученными научными результатами, тем самым содействуя дальнейшему развитию и повышению уровня исследований российского китаеведения в Китае в условиях новой эпохи.

Список литературы

1. Чжан Сипин. Открывая новые горизонты китаеведческих исследований в мире [张西平：开创世界之中国研究的新天地] // Международное китаеведение. 2025. № 1. С. 152–153.
2. Си Цзиньпин встретился с российскими китаеведами, студентами, изучающими китайский язык, и представителями СМИ [习近平会见俄罗斯汉学家、学习汉语的学生和媒体代表] // Министерство иностранных дел КНР. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201303/t20130325_322160.shtml. (дата обращения: 10.10.2025).
3. Чжан Сипин. Зарубежное китаеведение: новое направление в сравнительном литературоведении на институтах и факультетах иностранных языков [张西平：海外汉学：外语类院系比较文学研究的一

- 个新领域] // Китайское сравнительное литературоведение. 2005. № 2. С. 103–107.
4. Тао Юань. Основные направления и достижения российских исследований тибетологии [陶源：俄罗斯藏学研究的主要流派及其成就] // Международное китаеведение. 2020. № 1. С. 143–149.
 5. Ли Цзя. Обзор Петербургской школы российского китаеведения [李佳：俄罗斯汉学彼得堡学派概述] // Международное китаеведение. 2023. № 5. С. 78–83.
 6. Чжан Бинь. В. С. Соловьёв и российское китаеведение [张冰：索洛维约夫与俄罗斯汉学] // Международное китаеведение. 2017. № 1. С. 72–76.
 7. Цуй Хуадзе. Российский китаевед Э. В. Бретшнейдер и исследования истории контактов Китая и Запада [崔华杰：俄国汉学家裴智乃耳德与中西交通史研究] // Международное китаеведение. 2019. № 3. С. 28–33.
 8. Лю Жомэй. Эдуард Шаванн и В. М. Алексеев [柳若梅：沙畹与阿列克谢耶夫] // Международное китаеведение. 2014. № 1. С. 31–35, 42.
 9. Ли Минбинь. К столетию со дня рождения выдающегося современного китаеведа академика С. Л. Тихвинского [李明滨：纪念当代汉学泰斗齐赫文斯基院士诞辰100周年] // Международное китаеведение. 2018. № 3. С. 28–33.
 10. Хуан Лилян. Академик М. Л. Титаренко: человек, живущий в наших сердцах [黄立良：季塔连科院士：活在我们心中的人] // Международное китаеведение. 2018. № 3. С. 16–19.
 11. Тао Юань, Чжоу Кво. Памяти академика РАН профессора С. Р. Кучера [陶源、周阔：纪念俄罗斯科学院院士顾哲教授] // Международное китаеведение. 2021. № 1. С. 9–10.
 12. Чжан Сипин. Исследование китаеведения за рубежом должно опираться на междисциплинарное научное видение [张西平：域外中国学研究一定要有跨学科的学术视野] // Международное китаеведение. 2025. № 4. С. 150–151.
 13. Чэн Вэньян. Распространение и исследование китайского классического романа в России (до династии Мин и Цин) [成文艳：中国古典小说在俄罗斯的传播与研究（明清以前）]：дис. ... канд. ист. наук. Тяньцзинь, 2017. 324 с.
 14. Го Цзиньхун. Перевод и распространение крупных серий китайской классической литературы в современной России [郭景红：中国古典文学大型丛书在当代俄罗斯的译介] // Международное китаеведение. 2015. № 4. С. 192–195.
 15. Гао Юйхай. Перевод и исследование китайских новелл эпох Сун и Юань в России [高玉海：宋元小说在俄罗斯的翻译和研究] // Международное китаеведение. 2016. № 4. С. 127–133, 203.
 16. Е Фанфан. Исследование переводов российским китаеведом М. И. Басмановым китайской поэзии женщин древнего Китая [叶芳芳：俄罗斯汉学家巴斯曼诺夫译中国古代女性诗歌研究] // Международное китаеведение. 2024. № 6. С. 69–77, 152.
 17. Масалимова Д. Д., Масалимова Р. Р., Масалимов Р. Ш. Поэтессы эпохи Тан (618–907 гг.). Улан-Удэ：Издательство Бурятского госуниверситета, 2002. 116 с.
 18. Цзин Жугэ, Д. Д. Масалимова. Поэзия женщин эпохи Тан в российском китаеведческом контексте [敬如歌、马萨利莫娃：俄罗斯汉学视野中的唐代女性诗歌] // Международное китаеведение. 2024. № 6. С. 60–68, 151–152.
 19. Вэнь Цзянь. Русские переводы современной и новейшей китайской поэзии и их особенности [温健：中国现当代诗歌的俄译及其特征] // Международное китаеведение. 2018. № 1. С. 159–165, 208.
 20. Шэ Сяолин. Понимание и взгляды китайских учёных на русский перевод современной китайской литературы с периода Республики Китай [佘晓玲：民国以来我国学者对中国现代文学俄译研究的认识和看法] // Международное китаеведение. 2018. № 1. С. 173–178, 208.
 21. Чжан Сипин. Систематизация источников – это основа исследования зарубежного китаеведения [张西平：文献整理是海外汉学研究的基本功] // Международное китаеведение. 2022. № 3. С. 198–199.
 22. Ли Минь. Коллекция китайских медицинских книг на китайском языке на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета [李民：俄罗斯圣彼得堡大学东方系中医汉籍藏书] // Международное китаеведение. 2016. № 1. С. 190–197, 205.
 23. Го Цзиньхун. Редкий универсал Л. Д. Позднеева: рецензия на книгу Ли Минбина «Исследование китайской литературы в советскую эпоху – сборник китаеведческих работ Л. Д. Позднеева» [郭景红：一位难得的多面手波兹涅耶娃—评介李明滨《苏联时代的中国文学研究—波兹涅耶娃汉学论集》] // Международное китаеведение. 2017. № 2. С. 188–191.
 24. Алексанян А. Г., Горбунова С. А. История российского китаеведения глазами китайского учёного: рецензия на книгу Ли Минбина «История российского китаеведения» [阿列克萨尼杨、戈尔布诺娃著、陈蕊译，一位中国学者眼中的俄罗斯汉学史—评李明滨著《俄罗斯汉学史》] // Международное китаеведение/пер. с кит. Чэнь Жуй. 2017. № 4. С. 176–182.
 25. Ли Сун, Ян Вэйчжу. Обзор, размышления и перспективы исследований зарубежных журналов по китаеведению [李松、杨炜竹：海外中国学期刊研究的回顾、反思与展望] // Вестник Нанкинского университета науки и технологий. Серия：Общественные науки. 2022. № 3. С. 41–52.

Поступила в редакцию 03.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 03.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 260–267

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 260–267

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-260-267>, EDN: TLGEQW

Научная статья

УДК 94(470.44-25)|1662/1664|+929Леонтьев

Воевода Федор Иванович Леонтьев на Саратове в 1662–1664 гг.

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Аннотация. В статье впервые рассмотрена служба стольника Федора Ивановича Леонтьева в качестве воеводы Саратова в 1662–1664 гг. Дается характеристика внутренней жизни этого города, занятий жителей, приводятся имена русских и иностранных послов, посетивших Саратов. Показано, какую роль для жителей Саратова сыграло основание Пензы. Приводятся другие служебные назначения Ф. И. Леонтьева после завершения саратовской службы до отправки его в 1670 г. на подавление восстания Степана Разина.

Ключевые слова: Печатный приказ, воевода, боярские списки, родословные росписи, калмыки, посольство окольного Ф. Я. Милославского, Воздвиженский женский монастырь, игумен Филарет, старец Аарон

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Воевода Федор Иванович Леонтьев на Саратове в 1662–1664 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 260–267. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-260-267>, EDN: TLGEQW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Voivode Fyodor Ivanovich Leontyev in Saratov in 1662–1664

Ya. N. Rabinovich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

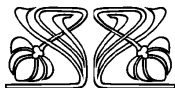
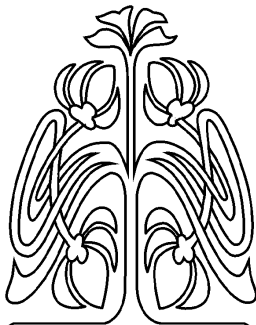
Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Abstract. The article examines for the first time the service of Fyodor Ivanovich Leontyev, a stolnik, as the voivode of Saratov in 1662–1664. It provides a description of the internal life of the city, the occupations of its residents, and the names of Russian and foreign ambassadors who visited Saratov. The article also highlights the significance of the founding of Penza for the residents of Saratov. Additionally, it discusses Leontyev's subsequent assignments after his service in Saratov, including his role in suppressing the rebellion led by Stepan Razin in 1670.

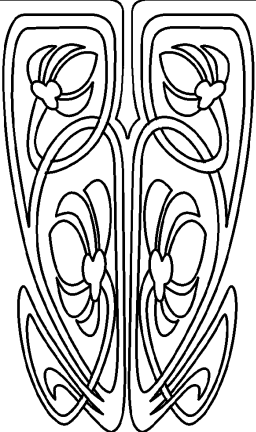
Keywords: The Printing Office, the Voivode, the Boyar Lists, the Genealogical Records, the Kalmyks, the Embassy of Fyodor Miloslavsky, the Vozdvizhensky Convent, Abbot Filaret, Elder Aaron

For citation: Rabinovich Ya. N. Voivode Fyodor Ivanovich Leontyev in Saratov in 1662–1664. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 260–267 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-260-267>, EDN: TLGEQW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Стольник Федор Иванович Леонтьев как воевода Саратова в 1662–1664 гг. долгое время не был известен саратовским краеведам. О нем не писали ни А. И. Шахматов [1], ни Ф. Ф. Чекалин [2] ни составители «Саратовской летописи» [3]. К тому же о событиях в Саратове этого периода (1662–1664) исследователи вообще ничего не сообщали. К примеру, в «Саратовской летописи» после упоминания о том, что в 1661 и 1662 г. воеводой был И. И. Косагов, далее говорится каким «нашел Саратов» Витзен в 1664 г. (который на самом деле в Саратове никогда не бывал), а затем сразу приводится информация о воеводстве князя Путятина в 1665 г. [3, с. 28].

Данный период биографии Ф. И. Леонтьева никак не отражен в родословной Леонтьевых, которая была хорошо известна в конце XIX в. благодаря публикации труда генерала Д. Н. Леонтьева [4]. Другие варианты этой родословной недавно были опубликованы в альманахе «Российская генеалогия», но и там отсутствует этот саратовский период биографии Ф. И. Леонтьева [5, с. 159–166].

Впервые этот «неизвестный» саратовский воевода указан в одной из росписей воевод в городах, подведомственных Приказу Казанского дворца, составленной после августа 1662 г. Данный источник был опубликован в 1884 г. в одном из томов Актов юридического быта (АЮБ) [6, стб. 153] и не был известен генералу Д. Н. Леонтьеву, труд которого издан несколькими годами ранее, в 1881 г. Этот исследователь, как и многие другие, жившие в конце XIX – начале XX в., также не обратил внимание на упоминание в Дополнениях к Дворцовым разрядам о том, что именно в 1662 г. планировался поход против крымцев, возглавлять который должен был Замятня Леонтьев, а к нему «в сход» было указано идти из Саратова его племяннику – стольнику Федору Ивановичу Леонтьеву [7, стб. 328–329].

После того как А. А. Голомбиевский ввел в научный оборот документы Печатного приказа, в которых неоднократно упоминается воевода Ф. И. Леонтьев на Саратове именно в 1662–1664 гг. [8], исследователи А. П. Барсуков [9, с. 202, 508], В. Корсакова [10, с. 254–255] и А. А. Гераклитов [11, с. 68] стали указывать в своих трудах этот период биографии Ф. И. Леонтьева. Дополнительным источником о событиях 1662 г., связанных с Саратовом и его воеводой Ф. И. Леонтьевым, может служить «Смета воинских сил», опубликованная С. Б. Веселовским [12, с. 43, 53].

Родословная Леонтьевых и биографии отдельных представителей данного рода, в том числе деда (Федора Исаковича) и отца (царского ловчего Ивана Федоровича), подробно освещена в ряде статей [13, 14]. Также в одной из работ разобран начальный период биографии Ф. И. Леонтьева (1633–1661), включая службу в Яблоне, Атемаре-Саранске и Тамбове, а также участие

в различных походах в составе царского двора Алексея Михайловича во время русско-польской (1654–1655) и русско-шведской (1656) войны [15].

В 1661 г. стольник Ф. И. Леонтьев еще находился в Москве, выполнял обычные дворцовые обязанности. В «подлинном» боярском списке 7169 (1660/1661) г. против его фамилии никаких помет нет, как и в «наличном» боярском списке 7169–7170 гг., а уже в следующем «подлинном» боярском списке 7170 (1661/1662) г. есть помета «на Саратове», что свидетельствует о том, что в самом начале 1662 г. Ф. И. Леонтьев получил назначение воеводой в Саратов.

Эта «командировка» в город на Волге продолжалась несколько лет, Ф. И. Леонтьев служил на Саратове в течение 1662–1664 гг. В «подлинных» боярских списках 171 (1662/1663) г. и 172 (1663/1664) г. везде против фамилии стольника Ф. И. Леонтьева стоит одна и та же помета – «на Саратове». В «подлинном» боярском списке 7172 г., который действовал с сентября по декабрь 1663 г., против его фамилии стоит помета «з ч., на Саратове» [16, с. 215]. Помета означает, что ранее он выставил 3-х человек «з боем», указал их в своей «сказке» и взял на них государево денежное жалование.

В Саратове Ф. И. Леонтьев сменил прежнего воеводу И. И. Косагова, биография которого хорошо известна [17]. Можно примерно вычислить, когда произошла эта смена воевод. Прежнему воеводе Саратова И. И. Косагову 17 марта 1662 г. была отправлена из Москвы грамота, в которой говорилось, что на его место назначен новый воевода Ф. И. Леонтьев. Эта запись помещена в книге Печатного приказа № 108 (Л. 122) [8, с. 8].

Имеющаяся опись этого фонда (Ф. 233, Книги Печатного приказа) позволяет выяснить, к какому месяцу и году относится та или иная книга. Это дает возможность более точно указать время, когда был написан тот или иной документ, а с учетом времени на доставку челобитной в Москву и решения вопроса по ней можно с точностью до месяца, а не до года определить, когда происходили разные события.

Согласно описи этого фонда в книге № 108 фиксировались все записи за март – апрель 1662 г. [18, л. 11]. В той же книге № 108 ранее есть еще одна запись, относящаяся к воеводе И. И. Косагову, где говорится о денежной и хлебной придаче к окладу одному из служилых людей Ивану Климову (Л. 22 об.). В самом конце той же самой книги № 108 (Л. 268 об.) уже говорится о новом воеводе Саратова Федоре Леонтьеве, который должен был удовлетворить просьбу местного игумена Филарета [8, с. 18]. Следовательно, данная запись относится к концу апреля 1662 г., и дьяки в Москве уже знали, что Федор Леонтьев приехал в Саратов, либо находится на пути к нему (иногда грамоты отправлялись вдогонку). В любом случае, в начале мая 1662 г. новый воевода

Ф. И. Леонтьев уже принял дела у прежнего воеводы И. И. Косагова и приступил к исполнению служебных обязанностей.

Обстановка в стране в это время была сложной. Продолжалась с переменным успехом война с Польшей за Малороссию, с юга на русские земли постоянно совершали набеги крымцы и азовцы. Для противодействия этому было принято в Москве решение организовать поход на Азов. Возглавлять этот поход против крымцев и турок должен был окольный Замятня Леонтьев. Он 5 апреля 1662 г., еще находясь в Москве, получил царский наказ. Согласно данному наказу, все войска, предназначенные для похода, должны были прибыть на Царицын. В этом же наказе подчеркивалось, что на Царицын из Саратова приведет отряд служилых людей племянник Замятни Леонтьева, «сходный воевода» Федор Леонтьев [7, стб. 328–329].

Трудно сказать, каким путем добирался Федор Леонтьев из Москвы до Саратова. Не исключен вариант, что в связи со срочностью он направлялся не по Волге через Нижний Новгород и Казань, а напрямую, по новому сухопутному пути через Инсар (во многих документах того времени часто приводится фраза, что подводы из Москвы до Саратова будут менять на Инсаре).

Базой для развертывания полка Замятни Леонтьева был определен Царицын. Смета военных сил 1661–1663 гг. позволяет уточнить численность этого полка, денежные оклады служилых людей, состав и численность гарнизона Саратова и другие вопросы. К моменту прибытия Федора Леонтьева на Саратов здесь служили 16 детей боярских (в другом месте сметы приводится цифра 18 чел.), их общее денежное содержание («государева жалованья оклад») составляло 159 руб. Самые молодые дети боярские получали примерно по 6–8 руб., а наиболее отличившиеся в боях воины – по 10–12 руб., а то и больше, они же за различные службы получали придачи к окладу, которые обычно составляли 1–2 руб.

Стрелецких сотников на Саратове указано 3 чел., видимо было 2 сотника пеших стрельцов (оклады по 10 руб.) и 1 сотник конных стрельцов, у которого оклад был выше – 12 руб. На всех троих сотников общий денежный оклад составлял 32 руб.

Общая численность конных стрельцов на Саратове возросла по сравнению с предыдущим периодом, теперь их стало не 100, а 150 чел. Они получали деньги в размере 904,5 руб. Кроме сотника, конными стрельцами командовали 3 стрелецких пятидесятника. Рядовые конные стрельцы и десятники (147 чел.) имели одинаковый оклад – по 6 руб., а пятидесятники – по 7,5 руб., на всех выходило «904 рубли с полтиною».

Пеших стрельцов на Саратове тоже стало больше. Ранее их было 250, затем 300, и, наконец, 350 чел. Конечно, размер жалования пеших

стрельцов был значительно меньше, чем у конных стрельцов, учитывая, что задачи, стоящие перед конными стрельцами, были намного сложнее. Так, 7 стрелецких пятидесятников и 343 пеших стрельцов и десятников в сумме получали 1410,5 руб. Рядовые пешие стрельцы и десятники получали по 4 руб., а пятидесятники – по 5,5 руб.

Добавим сюда еще 7 пушкарей, получавших в общей сложности 32 руб. (возможно, что в их число входят и воротники). В Смете воинских сил подведен итог численности служилых людей на Саратове: «Всево всяких служилых людей 526 человек, государева жалованья оклад им всем 2538 рублей» [12, с. 43].

В те годы в соседнем Царицыне денежный оклад стрельцов был выше, чем на Саратове. Конные стрельцы получали по 7 руб. (в Саратове – 6 руб.), а пешие стрельцы – по 4,5 руб. (в Саратове – 4 руб.) [12, с. 43]. Это жалование царицынских стрельцов легко выяснить из Сметы воинских сил, так как 100 конных стрельцов в сумме получали 700 руб., а 400 пеших стрельцов – 1812 руб. (392 рядовых – по 4,5 руб., а 8 пятидесятников – по 6 руб.)

Саратовские конные и пешие стрельцы писали в Москву челобитные, просили, чтобы им назначали такое же жалование, как и царицынским стрельцам. В итоге в Москве пошли на уступки саратовцам. Воеводе Ф. И. Леонтьеву в апреле 1663 г. было отправлено указание: «По челобитью Саратовских конных и пеших стрельцов, велено их жалованье денежное давать, для хлебные дороговли против Царицынских стрельцов». Эта запись помещена в середине книги № 115, в которую записывались все сведения именно за апрель 1663 г. [8, с. 14]. Слово «против» означает «такое же», «по примеру».

К моменту прибытия Федора Леонтьева на Саратов какая-то часть саратовских стрельцов уже находилась на Царицыне. В начале 1662 г. эти саратовские стрельцы во главе с Тимошкой Железновым (видимо, стрелецким пятидесятником), находясь на Царицыне, написали челобитную, в которой просили уравнивать их со стрельцами из Царицына и Черного Яра. Челобитная была удовлетворена, и в марте 1662 г. воеводе Царицына (а не Саратова!) было отправлено указание: «По челобитью Саратовских стрельцов Тимошки Железнова с товарищи, велено их в хлебной повозке разверстать с Черноярскими и с Царицынскими стрельцами» [8, с. 14 прим.]. Эти события происходили еще при воеводе И. И. Косагове, ведь данная запись помещена в той же книге № 108, о которой говорилось ранее, через несколько десятков листов после указания воеводе Саратова И. И. Косагову о придаче оклада Ивану Климову.

В Смете воинских сил говорится, сколько служилых людей воевода Ф. И. Леонтьев должен был направить на Царицын «на государеву службу»: в полк Замятни Леонтьева – 8 детей боярских

и 50 конных стрельцов во главе с пятидесятником. В Саратове должно было остаться 10 детей боярских, все 3 стрелецких сотника, 7 пушкарей, 100 конных и 350 пеших стрельцов, «всево в остатке 472 человека» [12, с. 43].

Однако прибытие главного воеводы Замятни Леонтьева задерживалось, он долго находился в Казани, формируя свое войско, которое должно было насчитывать по смете с учетом части гарнизонов Поволжских городов свыше 6 тысяч человек. Вот как об этом записано в смете: «И всево всяких служилых людей по норяду велено быть (на Царицыне. – Я. Р.) 6443 человека» [12, с. 43].

Конными стрельцами из Саратова в этом войске командовал стрелецкий пятидесятник Акишка Степанов. Именно он от имени стрельцов его отряда, видя, что прибытие главного воеводы Замятни Леонтьева задерживается, составил челобитную в Москву, в которой просил, чтобы его стрельцы заранее не отправлялись в Царицын, а какое-то время оставались в Саратове, пока не приплывет из Казани судовая рать Замятни Леонтьева. Вновь в Москве пошли навстречу челобитчикам. Саратовскому воеводе Ф. И. Леонтьеву в апреле 1663 г. поступило распоряжение, чтобы стрельцы пока оставались в Саратове: «Велено им на Саратове быть в домех своих, а как придет на Саратов из Казани думный дворянин и воевода Замятня Федорович Леонтьев, и тех стрельцов отдать ему в полк» (запись в книге № 115, апрель 1663 г.) [8, с. 14]. Судя по данной записи, весной 1663 г. войско Замятни Леонтьева еще не прибыло в Царицын.

Этот поход на Азов саратовцев, видимо, так и не состоялся. Замятне Леонтьеву весной 1663 г. была поставлена новая задача. В это время осложнилась ситуация на Урале и Зауралье в связи с восстанием башкир, которые нанесли поражение нескольким царским отрядам. Правительство вынуждено было перенацелить часть войска Замятни Леонтьева на борьбу с башкирами, отправить служилых людей на помощь уфимским воеводам. Саратовцы также приняли участие в этом походе против башкир, что отражено в Смете воинских сил, где говорится, что с Замятней Леонтьевым было отпущено «с Царицына на изменников на уфинских башкирцев казанцов, свияжен и иных Понизовых городов, которые выше Казани, и самарян, и саратовцов, и которые города по черте дворян и детей боярских и новокрещенов и казаков и стрельцов 508 чел.». Остальные войска, которые оставались в Царицыне для отправки под Азов, поступали в распоряжение князя Григория Сунчалевича Черкасского [12, с. 53].

В это же время конные стрельцы во главе с другим пятидесятником Стенькой Кузнецом занимались сопровождением грузов по новой сухопутной дороге на Москву. По их челобитной в середине мая 1663 г. из Москвы было отправлено указание воеводе Ф. И. Леонтьеву

и начальным людям на Инсаре, по которому саратовским стрельцам было разрешено менять подводы в новой крепости Инсар. Эта запись содержится в середине книги № 116, в которой отмечались все записи за май 1663 г. [8, с. 14].

Стрельцы Саратова знали, что в 1663 г. многим из них предстоит длительные поездки, и неизвестно, когда они смогут вернуться домой. Жалование они получали хлебное и денежное. Хлеб в окрестностях Саратова не выращивался, его привозили для жителей города из Казани караванами судов два раза в год, весной и осенью. Стрельцы в начале 1663 г. написали челобитную в Москву с просьбой весной прислать хлебное жалование сразу за весь год. К стрельцам Саратова присоединились и другие жители, включая старцев и стариц монастырей (которые получали жалование-ругу) и разных оброчников. Правительство пошло навстречу саратовцам. В итоге казанскому воеводе боярину князю Григорию Семеновичу Куракину, который отвечал за доставку хлеба в Поволжские города, включая Саратов и Астрахань, в начале апреля 1663 г. было дано указание: «Велено из Казани отпустить на Саратов хлебных запасов Саратовским ружникам, оброчникам и стрельцом годовые их оклады сполна» [8, с. 13].

Известны имена некоторых саратовских служилых людей по отчеству, которые находились в этом городе во время воеводства здесь Федора Леонтьева. В октябре 1662 г. по челобитной сына боярского Федора Слuzова ему было разрешено служить на заставе «для береженья проезжих людей». Эта застава располагалась летом на Волге, а зимой на верхнем Увеке. Ранее на этом доходном месте в качестве заставного головы служил Иван Микулин, который вынужден был на время уступить свою должность Федору Слuzову [8, с. 14].

На этой должности заставного головы Федор Слuzов находился менее года. Уже в середине июня 1663 г. из Москвы было отправлено указание воеводе Леонтьеву назначить на заставу «для береженья проезжих людей» вместо Федора Слuzова саратовца Леонтия Михайловича Климова [8, с. 14]. Этот служилый человек находился в качестве заставного головы всего несколько месяцев. В октябре 1663 г. воеводе Ф. И. Леонтьеву было отправлено новое указание – велено быть на заставе на берегу вместо Леонтия Климова другому саратовцу – Федору Ахматову. Так что уже зимой 1663/1664 г. саратовский сын боярский Федор Ахматов служил здесь в качестве заставного головы [8, с. 14].

О судьбе еще одного саратовца, сына боярского Фадея Левашова, ничего не известно. Он до 1662 г. служил здесь сотником пеших стрельцов. В октябре 1662 г. почти одновременно с решением о назначении на заставу Федора Слuzова было дано указание воеводе Ф. И. Леонтьеву назначить на место Фадея Левашова сотником пеших стрельцов Бориса Гончарова [8, с. 13]. Оба

этих назначения отмечены в конце одной и той же книги № 111, в которой записывались сведения за сентябрь – октябрь 1662 г.

К моменту приезда воеводы Ф. И. Леонтьева в Саратов здесь находились два монастыря – мужской Богородицкий Казанской иконы (игумен Филарет) и женский Воздвиженский (настоятельница старица Доротея, вместе с которой проживало 29 стариц). Подробное описание этих монастырей, включая их основание и настоятелей, отмечено в одной из статей [19, с. 320–336]. Воеводе Леонтьеву приходилось решать дела, связанные с этими монастырями. Вскоре после приезда в Саратов Ф. И. Леонтьев получил указание из Москвы, в котором говорилось, что ранее игумен Филарет отправил челобитную с просьбой о выдаче монастырю новых владений (то ли земельных угодий в окрестности города, то ли пустых дворовых мест для постройки монастырских складов или амбаров). В соответствии с царской грамотой воеводе Леонтьеву было «велено сыскать про пустые земли» для монастыря (кн. 108) [8, с. 18]. В церковном отношении Саратов в те годы подчинялся Астраханскому и Терскому митрополиту Иосифу.

Воеводе Саратова Ф. И. Леонтьеву приходилось решать дела и с московскими патриаршими властями. Уже под конец службы на Саратове в апреле 1664 г. воевода Леонтьев получил грамоту из Москвы, в которой говорилось, что «по челобитью патриаршаго насаду промысленников старца Аарона да Симона Грязных, велено им на Саратове для Насаднаго промыслу под анбар отвести место» [8, с. 18].

Возможно, что эти люди, особенно старец Аарон, который в дальнейшем часто упоминается в источниках, напрямую связаны с постройкой в начале 1660-х гг. напротив левобережного Саратова у подножия Соколовой горы Рыбного городка, который, правда, относился не к патриаршему ведомству, а к дворцовому. «Промысленники патриаршаго насаду» – здесь речь идет именно о рыбном промысле, а амбар, видимо, предназначен для хранения соли.

Грамоты воеводе Саратова Леонтьеву из Москвы отправлялись чаще всего из приказа Казанского дворца, руководил которым еще в 1662 г. боярин кн. А. Н. Трубецкой, а с октября 1663 г. боярин кн. Ю. А. Долгоруков [20, с. 79], с которым позже в 1670–1671 гг. Ф. И. Леонтьев будет подавлять восстание Степана Разина.

Из знатных гостей, которые проплывали мимо Саратова и чье безопасное плавание по Волге должен был обеспечивать воевода Ф. И. Леонтьев, стоит отметить Великое посольство окольничего Федора Яковлевича Милославского, в состав которого также входили стольник Ф. С. Нарбеков, дьяк В. Ушаков (по другим сведениям – дьяк С. Шарাপов) и другие лица. Отправка посольства из Москвы состоялась 4 мая 1662 г. [7, стб. 333–334; 21, с. 137]. Послы везли шаху Аббасу кроме

обычных подарков (меха, кречеты и др.) также музыкальный инструмент – большой орган, который сопровождал органный мастер Семен Гутовский. Вряд ли воевода Леонтьев, приветствуя великого посла Милославского на Саратовской земле, мог увидеть это музыкальное чудо – орган был в разобранном состоянии, находился закрытым во многих ящиках, мастер С. Гутовский собирал его непосредственно на шахском дворе.

Известны персидские послы-купчины, которые направлялись в Москву в 1662–1664 гг. через Саратов. Это Ажидат Муратак (1662) и Шамседин Могамет (1663). Они возвращались домой в Персию в 1664 г., скорее всего, уже после отъезда из Саратова Ф. И. Леонтьева. Так что встречать и провожать этих послов, как и возвратившееся из Персии Великое посольство Ф. Я. Милославского (с гробом самого посла, который умер в Персии), пришлось уже сменщику Ф. И. Леонтьева.

Этим сменщиком был князь Алексей Богданович Путятин, биография которого хорошо известна, в том числе и его пребывание в Саратове [22, с. 7–17].

Необходимо сказать несколько слов об описании Саратова голландцем Николаасом Витсенем, пребывание которого в России (1664–1665) совпало с завершением саратовской службы Ф. И. Леонтьева и приездом в Саратов кн. А. Б. Путятина. Всю информацию о Саратове Витсен получал от разных людей, находясь в Москве. Его информаторами были как иноземные купцы, так и русские люди, включая местных воевод. В своей книге он прямо говорит, что сведения получил от местного воеводы. Не исключено, что этим человеком вполне мог быть или Ф. И. Леонтьев, или воевода Царицына. Хорошо известно, что стрельцы Саратова и Царицына занимались разломкой ханских дворцов на Ахтубе и перевозкой оттуда камней в Астрахань. Вот что пишет Витсен: «Один русский воевода, который сам получил приказ увозить отсюда старые камни в Астрахань для восстановления постройки города и стен (ибо стены этого города в основном построены из булыжника, привезенного отсюда), рассказал мне, что там можно было бы найти камни для десяти городов». Далее Витсен пишет, что «Саратов стоит среди равнины, в одной миле от берега. В нем живут солдаты, которые следят за калмаками, живущими там и дальше Астракани и Яика» [23, с. 893].

Ко времени воеводства Федора Леонтьева на Саратове относительно далеко от города произошло одно важное событие, которое оказало огромное влияние на жизнь в Саратове. Летом 1663 г. Юрий Ермолаевич Котранский построил крепость Пензу с соборной церковью Спаса, служба в которой началась уже в октябре 1663 г. Уже в конце 1663 г. начинает формироваться вокруг крепости посад, затем заселяются слободы, формируется Пензенский уезд [24, с. 38–46]. Так

что воеводе Саратова Федору Леонтьеву теперь приходится тесно взаимодействовать с первым пензенским воеводой Елисеем Протасьевичем Лачиновым (прибыл в Пензу осенью 1663 г.). Теперь сухопутный путь из Саратова в Москву стал более оживленным и менее опасным. Расстояние из Саратова до Пензы 200 км можно было преодолеть за два – три дня с одной – двумя ночевками в степи. Теперь все подводы с различными грузами отправляются в Москву из Саратова через Пензу. По этой же дороге калмыки пригоняют через Саратов и Пензу в столицу табуны лошадей. Скорее всего, после приезда нового воеводы кн. А. Б. Путятина в Саратов, Ф. И. Леонтьев возвращался в Москву именно сухопутным путем, через Пензу – Инсар – Краснослободск – Темников, а в Пензе встречался с воеводой Е. П. Лачиновым, трагическая судьба которого, казненного разинцами осенью 1670 г., хорошо известна.

После возвращения из Саратова в Москву стольник Ф. И. Леонтьев выполнял обычные дворцовые обязанности, либо находился в своих вотчинах и поместьях. Особое внимание он обращал на свои земли в Ярославском уезде (сельцо Климовское) и в Подмоскowie (село Лукино, ныне знаменитое Переделкино) [14, с. 162–172]. Известно, что в те годы у него также были поместные земли в Серенском стане Козельского уезда (село Кородово, пустошь Исуповка) [25, с. 11].

В 1665–1666 гг. в «подлинных» и «наличных» боярских списках против фамилии стольника Ф. И. Леонтьева никаких помет нет, которые свидетельствовали бы о каких-то назначениях, а вот в «половинном» боярском списке 1665/1666 г. он записан под рубрикой «Стольники ж ныне в городех, в воеводах и в отсылке». Подробности этой службы неизвестны. В «наличном» боярском списке 1666/1667 г. против его фамилии стоит помета «болен» [16, с. 215].

В 1667 г. наконец то завершилась русско-польская война за Малороссию подписанием Андрусовского перемирия. В свое время Ф. И. Леонтьев принял активное участие в начале этой войны. Теперь он участвует в различных церемониях, посвященных её завершению. «Для подкрепления мирного постановления» 17 октября 1667 г. в Москву прибыло Великое польское посольство во главе с Станиславом Казимиром Беневским. Торжественная встреча великих польских послов происходила за городом, за Тверскими воротами за Гонной слободой. Ф. И. Леонтьев был одним из сотенных голов у дворян (всего встречали послов 4 сотни стольников, 5 сотен стряпчих, 5 сотен дворян, 18 сотен жильцов, а также были головы у гостей, подьячих и др.) [26, стб. 672].

Торжественное утверждения «мирного постановления» (Андрусовского договора), после чего была трапеза в Грановитой палате состоялось 12 ноября 1667 г. Перед царем «есть ставили

стольники» (перечисляются свыше 40 стольников, в том числе Ф. И. Леонтьев) [7, стб. 414].

Известна еще одна служба Ф. И. Леонтьева. Еще будучи в Саратове, он фактически был одним из первых воевод (вслед за его предшественником И. И. Косаговым), при котором налаживались торговые связи с калмыками. Эти кочевники осуществляли именно в Саратове «з градскими людьми торги и мену» (это засвидетельствовал документ, относящийся к 1663 г.). Согласно приговору Боярской думы, саратовцы должны были торговать с калмыками за городом, «за надолбы с великим бережением». Известно, какие товары интересовали калмыков в обмен на лошадей, в которых очень нуждалась русская армия [27, с. 331, 332]. Теперь через Саратов и новый город Пензу калмыки перегоняли в Москву целые табуны лошадей. Вместе с калмыками этой перегонкой лошадей занимались и русские люди. Один из таких табунов был отправлен летом 1668 г. По царскому указу 12 августа был послан на встречу «к табуно» стольник и воевода Ф. И. Леонтьев [26, стб. 829].

Будучи царским стольником, Ф. И. Леонтьев выполнял и не очень приятные дворцовые обязанности. Так, 19 июня 1669 г. умер малолетний царевич Семен Алексеевич. По традиции у гроба царевича ежедневно в течение 40 дней, «переменяясь, дневали и ночевали» вместе с думными людьми по 10–12 стольников. Вместе с боярином В. Г. Ромодановским, думным дворянином И. А. Прончищевым и дьяком И. Дмитриевым 6 июля в числе 11 стольников записан Ф. И. Леонтьев. Практически все эти же лица во главе с боярином В. Г. Ромодановским, включая Ф. И. Леонтьева, повторно дневали и ночевали у гроба царевича через две недели, 20 июля 1669 г. [26, стб. 857, 862].

17 января 1670 г. умер наследник престола царевич Алексей Алексеевич. На пятый день 22 января с боярином кн. В. Г. Ромодановским дневали и ночевали 10 стольников среди которых 4-м записан Ф. И. Леонтьев [28, с. 72].

Вскоре после этих событий в начале 1670 г. умер и думный дворянин Замятня Федорович Леонтьев. К тому времени не стало и старейшего из этой ветви рода стольника Александра Даниловича Леонтьева, как и младших братьев Замятни Федоровича – Павла и Никифора Леонтьевых. Интересно, что двое последних в 1662–1663 гг. последовательно друг за другом назначались воеводами на Самаре, ближайшем городе-крепости вверх по течению Волги [14, с. 66, 68] Отметим, что о воеводстве последнего из них ничего не говорится в обобщающих трудах по самарскому краеведению, в том числе новейших [29, с. 46, 49]. При этом самый большой в Самаре знаток этой эпохи Э. Л. Дубман ошибся, приняв воевод братьев П. Ф. и Н. Ф. Леонтьевых за одно лицо, которое сначала в источниках правильно именуют

Павлом, а затем «почему-то в более поздних документах конца 1662–1663 гг. Леонтьева называют Микифором» [30, с. 66, 68].

Видимо, вскоре после смерти старшего из этой ветви Леонтьевых (Замятни), когда и остальные его братья скончались, место Замятни в думных дворянах занял его старший племянник Федор Иванович (а не сын Замятни Андрей). В боярской книге 1667 г., в которой записывались все изменения вплоть до составления следующей книги, имеется примечательная запись: «В нынешнем 178-м году государь пожаловал в думные дворяна: ... июля в 20 день: Федор Иванович Левонтьев, из стольников». Позже, в марте 1671 г., Ф. И. Леонтьеву был установлен денежный оклад 250 руб., такой же, какой имел ранее Замятня: «И 179-го марта в 18 день великого государя жалования учинен ему денежный оклад вновь 250 рублей» [31, с. 361]. Дата установления денежного оклада – 19 марта 1671 г. – это торжественный стол по случаю победы над разинцами, за которым присутствовали многие начальники из войска кн. Ю. А. Долгорукова, включая Ф. И. Леонтьева [26, стб. 880–881].

Пожалование Ф. И. Леонтьева в думные дворяне произошло 20 июля 1670 г. К этому времени в Москве уже знали о захвате Разиным Царицына и дальнейшем походе разинцев на Астрахань. Передовой отряд против разинцев возглавлял Ф. И. Леонтьев. Андрей Замятнин Леонтьев (дворянский брат Ф. И. Леонтьева), подавая 23 мая 1686 г. родословную роспись этой ветви рода Леонтьевых, указывал: «Того ж 178-го году послан был на службу великого государя думной дворянин и воевода Федор Иванович Леонтьев на Саратове против вора и изменника Стенки Разина». После того как в Москве узнали о захвате Разиным Астрахани и начале дальнейшего похода восставших к Саратову, Самаре, Симбирску, была спешно проведена мобилизация всех воинских сил, и общее командование царским войском возглавил боярин кн. Ю. А. Долгоруков. Ф. И. Леонтьев был назначен к нему одним из его помощников, что и нашло отражение в родословной: «А во 179-м году указал быть великий государь думному дворянину воеводе Федору Ивановичю Левонтьеву у полковых дел в товарищах з боярином и воеводою со князь Юрьем Алексеевичем Долгоруково для утишенья смутного времени от вора и изменника Стенки Разина с товарищи» [5, с. 164].

Подробное описание боевых действий полка Ф. И. Леонтьева против разинцев в Алатырском, Арзамасском и Нижегородском уездах (Пуяттино, Арати, Паново, Кременки, Мурашкино, Ключищи, Моклоковский лес, Апраксино, Селищи) в сентябре 1670 г. – январе 1671 г. выходит за рамки данного исследования. За этими рамками остается также дальнейшая его служба на Саратове (1672–1674) и на Тереке (1677–1678/79).

Завершил службу Ф. И. Леонтьев в 1680-е гг., будучи уже окольным (пожалован в 1682 г.). Умер он 24 ноября 1685 г. [16, с. 215]. После смерти Ф. И. Леонтьева у него осталось два сына (Павел и Василий) и дочь Татьяна. Известно, что женой Василия Федоровича Леонтьева была Ирина Александровна, дочь Александра Ляпунова. Свою дочь Татьяну Ф. И. Леонтьев выдал замуж за князя Василия Григорьевича Щербатова [32, с. 246].

На внуке Ф. И. Леонтьева Федоре Павловиче его потомство пресеклось. Однако реконструкция жизненного и служебного пути одного из саратовских воевод, как и всего рода, к которому он принадлежал, помогает раскрыть интересные страницы истории Поволжского региона и всей страны в сложный бунташный семнадцатый век.

Список литературы

1. Шахматов А. И. Исторические очерки города Саратова и его округа, составленные А. И. Шахматовым / под ред. Вл. Г. Вучетич. Саратов : Типо-лит. П. С. Феокритова, 1891. 206 с.
2. Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов : Пар. скоропеч. Губ. правл., 1892. 81 с.
3. Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов : Саратовское общество вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. Вып. 1. С. 19–104.
4. Леонтьев Д. Н. Материалы для родословия дворян Леонтьевых и Петрово-Солововой. Казань : Типография Окружного Штаба, 1881. 48 с.
5. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: Дворянские фамилии Рязани (публикация Л. Е. Шабаева) // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матиссон. М. : Старая Басманная, 2018. Вып. 3. С. 119–242
6. Роспись бояр, воевод и всяких приказных людей в городах, ведомых в Приказе Казанского дворца. После августа 1662 г. // Акты Юридического быта : в 3 т. СПб. : Типография императорской Академии Наук, 1884. Т. 3, № 313. Стб. 151–157.
7. Дополнения к 3-му тому Дворцовых разрядов, издаваемых по высочайшему повелению 2-м Отделением Собственной ЕИВ Канцелярии. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1854. 486 стб.
8. Гоздаво-Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова: записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). М. : Университетская типография 1892. 26 с.
9. Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 611 с.
10. Корсакова В. Леонтьев, Федор Иванович // Русский биографический словарь, издаваемый император-

- ским Русским Биографическим Обществом. Т. 10 : Лабзина – Ляшенко / под ред. Н. Д. Чечулина, М. Г. Курдюмова. СПб. : Типография главного управления уделов, 1914. С. 254–255.
11. *Герклитов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. Саратов : Типография Союза Печатного дела, 1913. Вып. 30. С. 61–82.
 12. *Веселовский С. Б.* Смета военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М. : Синодальная типография, 1911. Кн. 3. 59 с.
 13. *Рабинович Я. Н.* Дворяне Леонтьевы в XVI – начале XVII века // Российская генеалогия : научный альманах. / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2024. Вып. 17. С. 20–60.
 14. *Рабинович Я. Н.* Иван Федорович Леонтьев – воевода и царский ловчий при дворе Михаила Романова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 162–172. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-162-172>
 15. *Рабинович Я. Н.* Воевода Федор Иванович Леонтьев: начало служебной деятельности (1633–1661) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 4–14. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-1-4-14>
 16. *Белоусов М. Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : в 2 т. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2009. Т. 2. 463 с.
 17. *Рабинович Я. Н.* Воевода Саратова Иван Иванович Косагов (1660–1662) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 367–377 <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-367-377>
 18. Российский Государственный архив древних актов. Ф. 233 (Книги Печатного приказа). Оп. 1. Л. 11.
 19. *Рабинович Я. Н.* Церкви и монастыри в левобережном Саратове // *Novogardia*. 2019. № 4. С. 320–336.
 20. *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков / отв. ред. С. О. Шмидт ; сост. А. В. Топычканов. М. : Языки славянской культуры, 2006. 608 с.
 21. *Белокуров С. А.* Дневальные записки Приказа Тайных дел 1765–1783 гг. М. : Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1908. 347 с.
 22. *Рабинович Я. Н.* Воевода Саратова князь Алексей Богданович Путятин (1664–1666) и его предки // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории : сборник науч. тр. / отв. ред. В.А. Чолахян. Саратов : ИЦ «Наука», 2025. Вып. 17. С. 7–17.
 23. *Витсен Н.* Северная и восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / пер. с голл. В. Г. Трисман ; науч. ред. Н. П. Копанева, Б. Наарден : в 3 т. Амстердам : Издательство Pegasus, 2010. Т. 2. С. 625–1225.
 24. *Мясников Г. В.* Город-крепость Пенза. Саратов : Приволжское кн. изд-во (Пензен. отд-ние), 1984. 176 с.
 25. Дополнительная опись книг писцовых, переписных, дозорных, перечневых, платежных и межевых // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции : в 21 кн. СПб. : печатано в типографии правительствующего Сената, 1872. Кн. 2. 70 с.
 26. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. Т. 3 : 1645–1676. СПб. : в Тип. II отд-ния Собственной ЕИВ канцелярии, 1852. 1656 стб.
 27. *Преображенская П. С.* Торговые связи Поволжских городов с калмыками в середине XVII века // Города феодальной России : сборник статей памяти Н. В. Устюгова / отв. ред. В. И. Шунков. М. : Наука, 1966. С. 328–333.
 28. Церемониал во время преставления блаженный памяти Благоверного Государя, Царевича и Великого Князя Алексия Алексиевича. 1670 году // Древняя Российская вивлиофика..., изданная Николаем Новиковым : в 20 ч. 2-е изд. М. : Тип. Компании Типографической, 1790. Ч. 14. С. 65–95.
 29. Очерки истории Самарского Поволжья / отв. ред. П. С. Кабытов. Самара : Самарама, 2025. 268 с.
 30. *Дубман Э. Л.* Воеводы и воеводская система управления в Самаре конца XVI – начала XVIII вв. // Самарский земский сборник. 2009. № 1 (18). С. 61–68.
 31. Боярская книга 1667 года (публикация В. А. Кадика) // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2023. Вып. 14. С. 350–597.
 32. *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. Т. 1, ч. 3. 540 с.

Поступила в редакцию 06.12.2025; одобрена после рецензирования 25.12.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 06.12.2025; approved after reviewing 25.12.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 268–273

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 268–273

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-268-273>, EDN: WHTYKG

Научная статья

УДК [378:329.15](470.44/.47)|1931/1939|(=112.2)

Немецкий коммунистический университет – Немецкая высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа им. И. В. Сталина Нижнего Поволжья в 1931–1939 гг.

В. А. Акимов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Акимов Владлен Александрович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, akimov.vladlen@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4751-2210>, AuthorID: 1158599

Аннотация. В статье рассматривается история существования в 1931–1939 гг. Немецкого коммунистического университета им. И. В. Сталина (с 1932 г. – Немецкой высшей коммунистической сельскохозяйственной школы), единственного национального управленческого высшего учебного заведения Нижнего Поволжья. Исследуются этапы создания, организационная структура, цели и задачи вуза по подготовке партийных, советских и сельскохозяйственных кадров для немецкой автономии и других национальных районов СССР. Анализируются проблемы, с которыми сталкивался университет: низкая наполняемость, дефицит преподавательских кадров, нехватка материально-технических ресурсов, бюрократические барьеры и репрессии 1937–1938 гг. Особое внимание уделено реорганизациям вуза в 1932 г. и в 1939 г.

Ключевые слова: Немецкий коммунистический университет, Немецкая высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа, АССР Немцев Поволжья, подготовка кадров, партийное образование, сельскохозяйственное образование, политические репрессии в СССР, немцы в СССР, высшее образование

Для цитирования: Акимов В. А. Немецкий коммунистический университет – Немецкая высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа им. И. В. Сталина Нижнего Поволжья в 1931–1939 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 268–273. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-268-273>, EDN: WHTYKG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

German Communist University – German Higher Communist Agricultural School named after J. V. Stalin of the Lower Volga region, 1931–1939

V. A. Akimov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladlen A. Akimov, akimov.vladlen@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4751-2210>, AuthorID: 1158599

Abstract. The article examines the history of the German Communist University named after I. V. Stalin (from 1932 – the German Higher Communist Agricultural School), the only national managerial higher educational institution in the Lower Volga region, which existed between 1931 and 1939. The stages of its establishment, organizational structure, goals, and objectives in training party, Soviet, and agricultural personnel for the German autonomous region and other national districts of the USSR are investigated. The article analyzes the problems faced by the university, including low enrollment, shortage of teaching staff, lack of material and technical resources, bureaucratic barriers, and the repressions of 1937–1938. Special attention is paid to the university's reorganizations in 1932 and 1939.

Keywords: German Communist University, German Higher Communist Agricultural School, Volga German ASSR, personnel training, party education, agricultural education, political repressions in the USSR, Germans in the USSR, higher education

For citation: Akimov V. A. German Communist University – German Higher Communist Agricultural School named after J. V. Stalin of the Lower Volga region, 1931–1939. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 268–273 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-268-273>, EDN: WHTYKG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Изучение истории функционировавшей в Нижнем Поволжье системы подготовки партийных и советских управленческих кадров в 1920–1930-е гг. невозможно представить без единственного национального высшего учебного заведения, существовавшего в регионе в то время – Немецкого коммунистического университета (с 1932 г. – Немецкой высшей коммунистической сельскохозяйственной школы (НВКСХШ)), на протяжении почти всего времени существования носившей имя И. В. Сталина.

Рассмотрение существования данного учебного заведения затруднено отсутствием в фондах Государственного архива новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) и Исторического архива Немцев Поволжья полноценного архивного фонда документов организации, что стало причиной практически полного отсутствия историографии по теме, которая сводится к небольшим упоминаниям об этом учебном заведении [1, с. 320–325; 2, с. 346–347]. Однако автору удалось выявить ранее не введенный в научный оборот документальный материал, обнаруженный в соответствующих тематике работы архивных делах фонда областного комитета ВКП(б) АССР НП, хранящихся в ГАНИСО, что послужило основой для написания данной работы.

Решение о создании Немецкого коммунистического университета в Энгельсе было принято в июне 1931 г. Ректором нового учебного заведения 26 июня 1931 г. стал уроженец города Энгельс Александр Александрович Айрих (1902–1978), работавший к тому моменту преподавателем Международной Ленинской школы Коминтерна и являвшийся студентом второго курса Института Красной Профессуры [3]. На заседании Нижневолжского крайкома ВКП(б) 28 июня 1931 г. была определена основная задача вуза – «подготовка марксистско-ленинских теоретических квалифицированных национальных кадров для практической работы в области партийного, советского, колхозного строительства в кантонах, крупных совхозах, колхозах, МТС, на фабрично-заводских предприятиях», а также обозначена дата открытия учебного заведения – до 1 сентября 1931 г. [4, с. 356–357]. В составе комвуза, кроме того, было открыто подготовительное отделение и аспирантура (планировалось на 10 чел.). К тому моменту в немецкой автономии уже функционировали педагогический и сельскохозяйственный институты. Немецкий комвуз стал третьим, самым молодым и последним открытым высшим учебным заведением в АССР Немцев Поволжья, а также единственным, имевшим статус университета.

Подготовка управленческих кадров для немецкой автономии к началу 1930-х гг. носила разрозненный характер и была лишена централизации. Непосредственно на территории

автономной республики в начале изучаемого периода располагалась только одна существовавшая с 1920 г. советско-партийная школа в Покровске (с 1931 г. – Энгельс) [5, с. 173]. Кроме того, получить высшее партийное образование представители немецкой автономии имели возможность в открытом в декабре 1922 г. Саратовском областном коммунистическом университете им. В. И. Ленина, в составе которого со временем было открыто трехгодичное специальное отделение для немцев. Готовил немецкие управленческие кадры и существовавший с конца 1921 г. Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского, однако работа уже существовавших учреждений не могла удовлетворить потребности в кадрах на местах, что и обусловило необходимость создания специального коммунистического университета. Однако и с открытием этого вуза в 1931 г. задача получения высшего партийного образования в республике до конца не была решена, поскольку первый набор в Немецкий коммунистический университет состоял всего лишь из 127 чел., что только на четыре человека превышало существовавшие ранее квоты для АССР НП в Саратовском комвузе. Причины столь невысокого набора, по мнению Айриха, крылись в невыполнении спущенных разверсток со стороны Зельманского, Франковского, Бальцерского, Палласовского, Федоровского и Покровского кантонных комитетов. В то же время руководитель этого учебного заведения остался весьма довольным социальным составом студентов, большинство из которых (100 чел.) являлись рабочими промышленных и сельскохозяйственных предприятий [6, л. 143 а].

Подготовка большего количества руководящих партийных и советских работников для АССР немцев Поволжья и немецких районов Нижне-Волжского края и повышение ее качества – все это стало возможным благодаря организации в 1932 г. при рассматриваемом учебном заведении вечернего комвуза. Кроме этого, он был нацелен на повышение теоретического уровня районного и заводского состава, уже имевшего соответствующую подготовку. Его учебный план был рассчитан на 18 мес. (с учетом заключительных месячных курсов) или 1028 ч обучения, разделенных на два учебных года по сокращенной программе [6, л. 32]. В число предметов на первом курсе входили история большевизма (120 ч), политэкономия (80 ч), история народов СССР (70 ч), география (50 ч), родной язык и математика (по 64 ч). На втором курсе было предусмотрено изучение ленинизма (120 ч), истории классовой борьбы (Коминтерн) (80 ч), диамата, истмата (60 ч), теории советского хозяйства (110 ч), понятия о мироздании, партийное строительство

(по 60 ч) и экономической географии СССР (30 ч) [6, л. 33].

В ходе начавшегося 20 июня 1932 г. второго набора в этот вуз абитуриенты набирались на рассчитанные на три года обучения отделения: пропагандистское, партийного строительства, двухгодичное отделение работников печати, и полугодовое подготовительное отделение [6, л. 124–125]. Общая численность этого набора составила уже 270 человек. С этого момента Немкомвуз превратился в учебное заведение всесоюзного значения и распределение мест в нем уже не ограничивалось регионом Нижней Волги, а распространялось на все национальные немецкие районы СССР [7, с. 430]. Так, 12 мест закреплялось за немецкими поселениями Украины, 6 – за Азербайджаном, 7 мест отводилось на Западносибирский регион, по 3 места – на Средне-Волжский край и Башкирию, по 2 места – на регион Кавказских минеральных вод, Казахскую АССР, Белоруссию, Крым, Ленинградскую область, Закавказье и одно место предоставлялось Молдавии [6, л. 126]. Следовательно, 42 места закреплялось за выходцами не из Нижнего Поволжья (около 40%). Подавляющее же большинство мест (77) полагалось для абитуриентов из АССР немцев Поволжья и Нижне-Волжского края. Однако выполнение планов по командированию студентов в этот вуз обеспечивалось преимущественно за счет приезжих абитуриентов строго согласно выделенной им квоте. Канткомы же Немецкой автономии нередко проваливали планы по командированию студентов. Например, план второго набора в Немкомвуз местные власти смогли выполнить менее чем на половину, отправив туда только 31 абитуриента [6, л. 112]. К снижению численности обучающихся в этом вузе приводил дефицит кадров в партийных организациях Немреспублики. Именно поэтому, например, летом 1932 г. обком ВКП(б) немцев Поволжья отозвал 16 студентов второго и третьего курса, не дав им закончить обучение. А часть студенческого состава часто отсутствовала на занятиях из-за участия в различных кампаниях [6, л. 43]. Проблемы касались не только количественного, но и качественного состава студентов и аспирантов. Руководство вуза неоднократно отмечало случаи направления на учебу неподготовленных абитуриентов, а также поступающих, которые имели различные заболевания. В аспирантуру преимущественно зачисляли только по социальному происхождению, хотя подобная практика осуждалась ЦК [6, л. 11, 110].

Существовали и проблемы с материально-технической обеспеченностью учебного заведения: дефицит учебных площадей, полное отсутствие служебного жилья для сотрудников вуза и его преподавателей, невозможность

обеспечить всех нуждавшихся студентов товарами и местами в общежитии. В начале 1930-х гг. не имели возможности проживать в общежитии более 100 из 232 числящихся в вузе студентов. Качество их обучения снижалось из-за слабой кадровой обеспеченности вуза, неэффективной работы его учебной части. Поэтому педагогический состав этого учебного заведения преимущественно состоял из преподавателей, набранных из вчерашних студентов-недоучек Комвуза национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского [6, л. 44].

Ректор вуза периодически выступал на заседаниях партийного бюро обкома республики с подробным изложением вышеперечисленных проблем, но в ответ долгое время сталкивался с прямым игнорированием нужд комвуза, невниманием и бюрократическим отношением к его повседневной работе со стороны членов партбюро. Только в конце августа – начале сентября 1932 г. бюро обкома АССР Немцев Поволжья принимает комплекс решений, призванных разрешить большинство проблем функционирования Немкомвуза [6, л. 49, 65–68]. Однако его реализация совпала с началом реорганизации этого вуза в высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу в соответствии с принятым 21 сентября 1932 г. ЦК ВКП(б) постановлением «Об организации высших коммунистических сельскохозяйственных школ». Официально процесс реорганизации обосновывался потребностью в руководящих кадрах в связи с массовым колхозным строительством [6, л. 19]. Теперь при отборе в созданную на месте Немкомвуза Немецкую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу (НВКСХШ) им. И. В. Сталина предпочтение следовало отдавать прежде всего имеющим опыт руководства по социалистическому преобразованию сельского хозяйства (зам. директоров МТС, зав. фермами и участками совхозов, председателями колхозов и сельсоветов) [6, л. 9]. Для их обучения в реорганизованном учебном заведении были дополнительно созданы учебные комитеты и лаборатории по физике, химии, биологии, анатомии и физиологии животных, ботанике и основам физиологии растений, почвоведению, общей агрономии, защите растений, селекции и семеноводству, механизации сельского хозяйства, по общей зоотехнике, разведению скота, кормодобыванию, организации производства и по борьбе с болезнями животных [6, л. 7а].

В структурном плане НВКСХШ им. И. В. Сталина стала состоять из двух отделений: двухгодичного для подготовки руководящих работников МТС, совхозов и колхозов (директора МТС и их заместители, директора и заведующие отделениями совхозов, руководители колхозов) и трехгодичного для подготовки руководящих работников канткомов ВКП(б),

кантонных исполкомов, политотделов МТС и совхозов. Для отбора кандидатов в НВКСХШ при кантонных комитетах и горкомх ВКП(б) создаются отборочные комиссии в составе секретаря, начальников политотделов МТС и совхозов и секретаря канткома ВЛКСМ. Отбор кандидатов из числа лучших ударников производился с особой тщательностью, при этом учитывался уровень общей и политической подготовки, характеру их практической работы. Каждый командируемый утверждается персонально на бюро канткома ВКП(б) [4, с. 371–372]. Лицам, страдающим заразными заболеваниями, неврастением в тяжелой форме и туберкулезом отказывали в поступлении, при этом инвалидность не являлась препятствием для зачисления.

Кроме того, в компетенцию канткомов и горкома ВКП(б) входила подготовка на каждого командируемого в сельскохозяйственную школу работника пакета документов (анкета, автобиография, командировка канткома, характеристики от органов, командирующих сотрудника на обучение органов, справки о социальном, семейном положении и о состоянии здоровья поступающего). Присланные материалы изучались членами мандатной комиссии в составе ректора, секретаря парткома школы, а также секретарей ОК ВЛКСМ и комсомольского комитета школы председательством заведующего сельскохозяйственным отделом ОК ВКП(б). В случае их одобрения соискатели допускались к вступительным испытаниям по общеобразовательным предметам: немецкому, русскому языкам, математике, географии, обществоведению. Для лиц, не имевших основательной образовательной подготовки, существовали 4-месячные подготовительные курсы [8]. Реализация данного порядка и правил приема позволила в 1933 г. зачислить в Немецкую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу им. И. В. Сталина 157 студентов и аспирантов [9, с. 430], что было лишь на пять позиций меньше разработанного Нижневолжским крайкомом проекта приема [6, л. 23]. В последующие годы количественные показатели действительного набора студентов в рассматриваемый вуз возрастали: в 1936 г. – 160 чел. [10, л. 90], а в 1937 г. – 237. Однако при этом систематически нарушались правила приема. В частности, на комсомольском отделении были выявлены факты «телефонного права» в виде зачисления студентами людей, за которых «просили» через обком партии [11, л. 147].

В конце 1936 г. Немецкая ВКСХШ им. И. В. Сталина перешла на двухгодичное обучение. В силу этого были разработаны переходные учебные планы и новые образовательные программы. В учебный план были внесены определенные коррективы, произошло сокращение часов по немецкому языку на 50 ч за счет увеличения часов по русскому языку

на 150 ч. Производственной практике отводилось 100 ч. Серьезное значение уделялось военной, а также физической подготовке слушателей, которые были увеличены на 100 и 50 ч соответственно. В связи с пристальным интересом партии к событиям в Германии и Испании по инициативе администрации вуза в учебной программе по всеобщей истории были внесены коррективы в виде увеличения академических часов по темам изучения революционного движения в этих странах [11, л. 186].

Организационная структура вуза состояла из пяти кафедр (общего и частного земледелия, животноводства, истории партии и ленинизма, механизации и общей истории) и 17 кабинетов (по растениеводству, земледелию, физкультуре, организации сельскохозяйственного производства, математического, экономического, биологического, животноводства, литературы и языка, географического, механического, фотографического, физического, химического, исторического, зубоврачебного и военного). Но их состояние оценивалось как неудовлетворительное: кафедры не имели планов работ и не вели методическую работу, при этом работали без созыва заседаний и отсутствия руководства. Десять из 17 кабинетов существовали только в зарплатных ведомостях, практическая работа отсутствовала, оборудование находилось в небрежном и бесхозяйственном состоянии. Педагогический состав вуза был представлен только 21 сотрудниками (десять доцентов и 11 ассистентов), многие из которых проживали вместо общежития на частных квартирах. Поэтому не хватало преподавателей по организации сельскохозяйственного производства, политэкономии, математике. Неудовлетворительно функционировали и административные структуры вуза: отсутствовал точный учет студентов, их личные дела находились в запущенном состоянии (как и документы педсостава) [11, л. 146, 148].

Обострился дефицит педсостава НВКСХШ в ходе начавшейся 1 июля 1937 г. кампании по исключению из системы образования «чуждых, враждебных и неустойчивых элементов», предварительные итоги которой были подведены на заседании парткома Немкомсельхозшколы 5 января 1938 г. В ходе проведения данной кампании из вуза были уволены ректор Сегаль и шесть преподавателей: Ферман (история партии), Рюгер (агрономия), Ганзен (почвоведение), Корман (химия), Гебгардт (политэкономия) и Кобер (агрономия). Через месяц 6 февраля 1938 г. был арестован преподаватель (вероятно, военного дела) Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы Нигардт Ингольф Николаевич. Особым совещанием НКВД СССР 23 августа 1939 г. он был осужден за антисоветскую деятельность на 8 лет. Реабилитирован Военным трибуналом Приволжского военного округа 27 апреля 1973 г. Ранее, 28 мая

1936 г., был арестован УНКВД АССР НП и впоследствии приговорен за контрреволюционную троцкистскую деятельность на пять лет исправительно-трудового лагеря Иван Иванович Вормсбехер, работавший ректором Немкомвуза с осени 1933 г. (на этом посту он сменил А. А. Айриха). Из 183 числившихся на 1 июля 1937 г. в высшей сельскохозяйственной школе студентов были отчислены только 17 чел.: Гисвейн, Леонгардт, Вольф, Гартман, Герлингер, Геймбух, Розенгрин, Фолльц, Гюнтер, Бопп, Лаутеншлейгер, Вейс, Элерт, Берг, Финк, Винтер и Копачек. Последний за антисоветскую деятельность 2 июня 1938 г. был расстрелян.

Несмотря на состояние административного, управленческого хаоса и политического беспредела вуз исправно выполнял свою миссию по подготовке необходимых специалистов. Если в январе 1936 г. двухгодичное отделение вуза закончили только 35 чел. [11, л. 135], а во второй половине января 1938 г. выпускниками вуза стали уже 52 человека [12, л. 1, 136], 46 из которых получили распределение [12, л. 200]. 1 января 1939 г. высшие коммунистические сельскохозяйственные школы Саратова и Энгельса суммарно выпустили 79 чел. [12, л. 12–18].

Завершение коллективизации, в совокупности с выполнением задачи подготовки организаторов социалистического земледелия, а также ростом общей грамотности населения обусловили дальнейшее совершенствование системы подготовки кадров, что привело к ликвидации существовавшей системы. В начале февраля 1939 г. ВКСХШ повсеместно были реорганизованы в колхозные сельскохозяйственные техникумы с двухгодичным сроком обучения с передачей их в ведение Наркомата земледелия СССР. Аналогичным образом в начале марта поступили и с Немцкой ВКСХШ [13, с. 127], ставшей Немцким колхозным сельскохозяйственным техникумом с двухлетним сроком обучения и давнее теперь не высшее, а среднее специальное образование. Несмотря на понижение статуса, партийная элитарность учебного заведения сохранилась. Техникум готовил низовую партийную номенклатуру: председателей колхозов и сельсоветов, а командировали на обучение лучших бригадиров и стахановцев. На 1 апреля 1939 г. в нем обучалось 170 чел. [14, л. 52]. Выпускников Немцкого колхозного техникума поименно распределяло бюро обкома ВКП(б). В частности, выпускники 1939 г. были направлены на работу в канткомы ВКП(б), в обком и канткомы ВЛКСМ, в органы НКВД, милицию и другие учреждения [15].

Суммируя вышесказанное необходимо сказать, что на всем своем существовании Немцкий коммунистический университет, несмотря на свой элитарный статус высшего партийного учебного заведения, который практически

сразу был поднят до всесоюзного масштаба, сталкивался с целым рядом проблем. Проблемы касались различных аспектов существования учебного заведения: в плане материально-технической обеспеченности, в дефиците мест общежития для студентов, в плане выполнения разнарядок на зачисление студентов, дефицит профессиональных педагогических кадров и текучка уже работавших сотрудников, отсутствие специального здания, которое так и не было построено. Однако несмотря на проблемы, вуз все свое время существования выполнял свою функцию – подготовки немецких национальных кадров различного уровня. Всего за время своего существования Немкомвуз выпустил до 500 специалистов, трудившихся не только в нижневолжском регионе, но и в других уголках страны, являясь крупнейшим немецким национальным образовательным центром подготовки партийных и управленческих кадров для более чем миллионного (по данным переписи 1926 г. немцев в СССР насчитывалось 1238,5 тыс. человек [16, ст. 365]) немецкого населения Советского Союза.

Список литературы

1. Чеботарёва В. Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. М. : Изд-во МГУ, 1999. 455 с.
2. Герман А. А. Немцкая автономия на Волге. М. : Русские словари, 2007. 448 с.
3. Айрих Александр Александрович // Лексикон WD. URL: <https://lexikon.wolgadeutsche.net/article/1> (дата обращения: 15.08.2025).
4. Немцы Союза ССР. Драма великих потрясений 1922–1939 гг. Архивные документы. Комментарии / сост. и науч. ред. В. В. Косолапов. М. : РОССПЭН, 2009. 751 с.
5. Кургаев В. В. Политико-просветительная работа Саратовской партийной организации (1921–1922 гг.) // Из истории социалистического строительства : межвуз. науч. сб. / отв. ред. А. А. Глушков. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979. Вып. 9. С. 168–183.
6. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1 (Областной комитет ВКП(б) АССР немцев Поволжья). Оп. 1. Д. 2032.
7. Очерки истории Саратовского Поволжья : в 3 т. Т. 3, ч. 1 (1917–1941) / под ред. Ю. Г. Голуба. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2006. 492 с.
8. Родионов М. Ю. Становление немецкого коммунистического университета в республике немцев Поволжья (1931–1939 гг.) // Волга Фото. URL: <http://volgafoto.ru/photo/18-august-2023-i11866-stanovlenie-nemetskogo-kommun> (дата обращения: 15.08.2025).
9. Статистический справочник Нижней Волги (1929–1933) / под ред. М. Е. Гинзбурга, Я. Ф. Ефимова. Сталинград : Издание журнала «Нижнее Поволжье», 1934. 459 с.
10. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3026.

11. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3180.
12. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4023.
13. *Гартвиг Б. В.* Национальная модель высшего образования в немецкой автономии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. 2014. № 4. С. 121–134.
14. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4418.
15. «Культурная революция» и немцы СССР // RusDeutsch : информационный портал российских немцев. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/20/78> (дата обращения: 15.08.2025).
16. Малая советская энциклопедия: в 10 т. Т. 8 : Скульптура – Тугарин / гл. ред. Л. Н. Мещеряков М. : Советская энциклопедия, 1932. 496 с.

Поступила в редакцию 06.07.2025; одобрена после рецензирования 08.09.2025;
принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 06.07.2025; approved after reviewing 08.09.2025;
accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 274–279

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 274–279

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-274-279>, EDN: YFHUMJ

Научная статья

УДК [94+364](470.44/.47)|1953/1985|

Жалобы как индикатор эффективности функционирования органов социального обеспечения в СССР во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. (по материалам Нижнего Поволжья)

А. А. Гуменюк

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гуменюк Алексей Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории и историографии, GumenukAA@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7024-2142>, AuthorID: 681822

Аннотация. В статье с опорой на антропологические данные (письма жителей Нижней Волги) дается оценка эффективности функционирования органов социального обеспечения в СССР в 1953–1985 гг. Анализ указанных данных позволяет определить рассматриваемый период как время достижения наибольших успехов в обслуживании пожилого и другого нуждавшегося населения. В то же время в исследовании делается вывод о невозможности государства в условиях сохранявшейся с 1930-х гг. модели социально-экономического развития быть максимально чутким и внимательным к людям и удовлетворять в полном объеме их нужды и потребности. Именно это по мнению автора в итоге и стало одной из причин гибели Советского Союза.

Ключевые слова: государство, жалоба, население, повторные письма, равнодушие, социальное обеспечение, устные обращения

Для цитирования: Гуменюк А. А. Жалобы как индикатор эффективности функционирования органов социального обеспечения в СССР во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. (по материалам Нижнего Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 274–279. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-274-279>, EDN: YFHUMJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Complaints as an indicator of the effectiveness of social security agencies in the USSR in the second half of the 1950s and the mid-1980s (based on materials from the Lower Volga region)

A. A. Gumenyuk

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexey A. Gumenyuk, GumenukAA@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7024-2142>, AuthorID: 681822

Abstract. This article uses anthropological data (letters from residents of the Lower Volga region) to assess the effectiveness of social security services in the USSR from 1953 to 1985. The analysis of these data reveals that this period was marked by significant progress in providing services to the elderly and other vulnerable populations. However, the study also highlights the limitations of the state's ability to fully meet the needs and aspirations of its citizens due to the socio-economic development model that had been in place since the 1930s. This eventually became one of the reasons for the collapse of the Soviet Union.

Keywords: state, complaint, population, repeated letters, indifference, social security, oral appeals

For citation: Gumenyuk A. A. Complaints as an indicator of the effectiveness of social security agencies in the USSR in the second half of the 1950s and the mid-1980s (based on materials from the Lower Volga region). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 274–279 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-274-279>, EDN: YFHUMJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

С началом специальной военной операции в феврале 2022 г. отстаивание и защита национальных интересов России окончательно стало мейнстримом ее внешней и внутренней политики. К способам достижения этой стратегиче-

ской цели можно отнести не только военные, дипломатические, экономические, но научно-образовательные, исследовательские инструменты. Последние позволяют извлечь из прошлого нашей страны полезный опыт, знания и на этой

основе постараться избежать прежних ошибок при выстраивании национально ориентированного курса развития современной РФ. Несомненно, одним из периодов в истории России с ярко выраженной самобытностью развития стала советская эпоха, когда была предпринята попытка создания альтернативной капитализму модели общественного развития. Краеугольными ее элементами являлись социальная справедливость, равенство возможностей, вседоступность товаров и услуг. Однако приступить к воплощению в жизнь этих принципов руководство СССР смогло только во второй половине XX в., а именно с середины 1950-х гг. Действительно, вторая половина 1950-х – середина 1980-х гг. в истории СССР отмечены масштабным реформированием социальной сферы, стремлением перенастроить экономику на удовлетворение разумных потребностей советского общества, трансформировав тем самым механистическую модель социализма, созданную еще в довоенный период (она предусматривала господство государственной собственности и действовавшего от имени трудящихся государства), в гуманистическую социалистическую модель, ставившую во главу угла человека и улучшение качества его жизни.

Одна из ключевых позиций в этом трансформирующем социальную действительность процессе отводилась задаче совершенствования системы органов социального обеспечения. Необходимость этого была продиктована большим количеством нуждавшихся в государственной социальной защите и поддержке категорий населения, порожденных главным образом военными годами, так называемых жертв Великой Отечественной войны (сирот, вдов, инвалидов и т. д.). Так, в конце 1945 г. всего в СССР существовало 5390 детских домов, в которых содержались 560 тыс. детей. К увеличению числа одиноких людей вел и рост инвалидности. Резко возросшие по итогам войны когорты инвалидов (фронтовики и гражданские лица, страдавшие от ранений, увечий и контузий, различных невропсихических заболеваний) к лету 1944 г. размещались в 232 домах инвалидов и 136 интернатах. На 1 января 1946 г. там проживало 48 276 чел. [1, с. 351, 354].

И если в странах Запада уже во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. стали разрабатываться и осуществляться различные программы и проекты по оказанию помощи жертвам Второй мировой войны, то в Советском Союзе этот процесс по-настоящему стартовал только после смерти Сталина. Важным мотиватором этого процесса были сами инвалиды, члены семей погибших воинов и другие категории населения, которые на протяжении первых послевоенных лет писали многочисленные жалобы и письма в органы социального обеспечения и другие структуры. Так, в пенсионном секторе Саратовского областного отдела социального обеспечения в 1957 г.

было получено в 4,4 раза больше жалоб и заявлений трудящихся, чем в первой половине 1953 г. [2, л. 70; 3, л. 3]. Поступление аналогичных жалоб (в сумме с просьбами об оказании материальной помощи и получении путевок в санатории и дома отдыха) в Саратовский областной комитет партии возросло с 1955 г. по 1960 г. в 3,2 раза [4, л. 123; 5, л. 99–100]. Увеличение числа писем по пенсионным вопросам наблюдалось почти во всех союзных республиках, а наиболее значительное – в РСФСР и УССР [6, л. 189]. Однако нередко на местах к потребностям нуждавшихся власть имущие относились без должного внимания, поверхностно, пренебрежительно. Например, пенсионер из Дергачевского района Саратовской области, выступая на районной партийной конференции (декабрь 1953 г.) отмечал, что в «районе плохо производится разбор жалоб, нет хорошего обращения с посетителями» [7, л. 63]. Их рассмотрение затягивалось на очень долгое время. Так, заявление пенсионерки из Петровского района той же области на имя председателя райисполкома с просьбой оказать ей материальную помощь даже в 1958 г. рассматривалось 93 дня [8, л. 90]. А уровень их разрешаемости снижался. В частности, в Астраханском облсобесе во второй половине 1953 г. было удовлетворено только 9,6% жалоб против 15% в первой половине этого года (при росте числа жалоб с 857 до 1031) [9, л. 9]. Поэтому подобная практика вынуждала граждан обращаться в центральные партийные и правительственные органы по тем вопросам, которые могли и должны были решаться на местах. Так, в Президиум Верховного Совета СССР только с августа по декабрь 1956 г. поступление писем по пенсионным вопросам возросло в 1,7 раза [6, л. 189].

Столь значительный рост недовольства населения страны и изучаемого региона уровнем пенсионного обеспечения и качеством иных услуг, предоставляемых населению органами Министерства социального обеспечения, обусловил необходимость не только реформирования режима выплаты пенсий и пособий, увеличения их размеров, но и совершенствования системы взаимодействия органов власти, социальных сервисов, общественных организаций с населением, избирателями с целью максимально полного учета их нужд и потребностей, т. е. удовлетворения их просьб и жалоб. Об этом свидетельствуют положения принятого партией и правительства в изучаемый нами период пакета постановлений, направленных на решение указанных задач. Уже в рамках расширения прав союзных республик в мае 1955 г. местные власти получили возможности полнее учитывать местные условия и насущные нужды трудящихся [10, с. 456]. Эта общая установка детализировалась в специально принимаемых начиная с конца 1950-х гг. постановлениях ЦК КПСС по вопросам рассмотрения писем трудящихся и организации их приема.

В частности, речь шла о необходимости создания более удобного для посещения трудящимися советских, партийных и профсоюзных организаций графика (в том числе и в вечерние часы), нацеливая при этом сотрудников перечисленных учреждений проявлять по отношению к посетителям чуткое отношение к их повседневным просьбам, внимательнее рассматривая их жалобы и письма [11, с. 253–255; 12, с. 268; 13, с. 94]. На моральной стороне взаимодействия власти и населения призывал акцентировать особое внимание и руководитель Советского государства Л. И. Брежнев. Выступая на XVI съезде профсоюзов (март 1977 г.), он, в частности, отмечал: «Забота о человеке – это не только удовлетворение его материальных потребностей ... Зато совершенно необходимо другое – повсеместное и повседневное внимание и чуткость к человеку. Как скрасить старость престарелому? Как облегчить участь инвалида? Как залечить действительную или кажущуюся обиду? Жизнь на каждом шагу ставит подобные вопросы. И решить их можно только неустанно совершенствуя высокое искусство бережного отношения к человеку. И кому, как не профсоюзам, находящимся в самой гуще жизни, активно участвовать в этом большом деле, от которого зависит судьба, счастье каждого советского человека» [14, с. 187]. Наряду с профсоюзами, эти идеи транслировали и различные советские ведомства в своих приказах, в том числе и Министерство социального обеспечения. При этом рекомендовалось активно использовать результаты комплексного изучения предложений, заявлений и жалоб граждан «в решении текущих и перспективах задач хозяйственного и социально-культурного строительства» и, в частности, «по улучшению работы органов и учреждений социального обеспечения» [15, л. 2 об., 5].

Об эффективности функционирования органов социального обеспечения можно судить как по количественным, так и по качественным критериям. Первые – это данные о росте номенклатуры пенсий и пособий, их размеров, расширении категорий населения, имевших право на их получение, увеличении контингента трудоустроенных лиц пожилого возраста, обеспеченных мототранспортом, санаторными путевками и другими видами материальной помощи. Но количественные (валовые) показатели, лежавшие в основе функционирования (включая отчетность) советского социально-экономического механизма, на наш взгляд, не позволяют в полной мере оценить результативность происходивших со второй половины 1950-х гг. трансформаций социальной сферы и, в частности, системы социальной помощи и адресной поддержки населения. Об этом в наибольшей степени можно судить на основании анализа содержания и динамики письменных и устных обращений населения изучаемого региона, его жалоб в местные органы

социального обеспечения, в частности Нижней Волги. Характер жалоб был весьма разнообразным: о назначении и выплате пенсий, о перерасчете пенсий, о порядке исчисления стажа, среднемесячного заработка, о порядке оформления персональных пенсий, об обеспечении транспортом инвалидов, о льготах инвалидам, об оказании материальной помощи, об установлении группы инвалидности, о помещении в дома-интернаты и т. д. Их с полным основанием можно считать качественным критерием оценки деятельности органов и организаций Министерства социального обеспечения СССР, нацеленной, как известно, прежде всего и главным образом на улучшение качества жизни нетрудоспособного и нуждающегося населения.

К сожалению, содержание самих жалоб к настоящему моменту остается в большинстве случаев еще недоступно исследователям: работники местных архивов изучаемого региона, ссылаясь на то обстоятельство, что большинство авторов таких писем может быть еще живо, отказывали в выдаче соответствующих архивных дел. Поэтому нам приходилось довольствоваться аналитическими справками, где преобладают количественные показатели. В частности, в фонде социального обеспечения Саратовского облисполкома (Р-685), хранящемся в Государственном архиве Саратовской области, нами был обнаружен большой массив таких справок под общим названием «О разрешении писем, жалоб и заявлений трудящихся по Саратовскому областному отделу социального обеспечения» за период с 1965 г. по 1985 г. Внутренняя структура этих делопроизводственных документов на протяжении указанного периода времени практически не менялась, включая общие сведения о поступавших в облсобес писем (в том числе и повторных) и принятых на личном приеме граждан; данные о характере, адресности жалоб, писем и заявлений, результатах и сроках их рассмотрения. С конца 1970-х гг. анализ обращений населения в местные органы социального обеспечения становится более подробным, детально характеризуя массивы данных и их динамику по секторам облсобеса: пенсий и пособий, трудоустройства, протезирования, обеспечения средствами передвижения, материально-бытовом обеспечении (включая сектор домов-интернатов), об освидетельствовании во врачебно-трудовой экспертной комиссии (ВТЭК). Особо оговариваются причины роста или снижения численности письменных и устных обращений жителей области, выделяя отдельно сельскую и городскую местности. Все эти показатели в совокупности, тем не менее, позволяют, на наш взгляд, оценить степень эффективности функционирования органов социального обеспечения по удовлетворению насущных потребностей населения.

В ранних исследованиях нами уже отмечалось, что к середине 1980-х гг. в регионе практически не было ни одной категории населения, которая бы ни ощущала на себе заботу государства в той или иной форме [16, с. 29]. Это утверждение подтверждают и данные о сокращении к этому времени в 1,8 раза общего числа поданных в Саратовский облсобес жалоб и заявлений (по сравнению с 1965 г.) [17, л. 30; 18, л. 29]. Причем сокращение количества обращений населения в пенсионный сектор облсобеса было даже более существенным. С 1968 г. по 1984 г. их поступление снизилось почти в два раза [19, л. 1; 20, л. 174]. Но сфера деятельности органов социального обеспечения не ограничивалась только выплатой пенсий и пособий. И хотя это являлось ключевым звеном создаваемой в изучаемый период всеобъемлющей системы социальной защиты и адресной поддержки трудящихся, она охватывала также трудоустройство и обучение пенсионеров, обеспечение их протезами, мототранспортом, санаторными путевками и другие аспекты материально-бытового обслуживания пенсионеров и инвалидов. В указанных направлениях также происходило улучшение обслуживания населения, что демонстрирует динамика снижения с 1968 г. по 1984 г. в 1,4 раза числа письменных обращений в облсобес [19, л. 1, 20, л. 175]. Самостоятельным компонентом всеобъемлющей системы органов социального обеспечения выступал комплекс ВТЭК, претензии населения на освидетельствование в которых с 1968 г. по 1982 г. сократились всего в 1,3 раза [19, л. 1; 21, л. 228]. Все эти показатели свидетельствовали о позитивных изменениях в отношении властей к нуждам населения и соответственно демонстрировали успехи в создании всеобщей системы социального обеспечения.

В то же время местные органы социального обеспечения, ориентированные, как и все народное хозяйство страны, прежде всего на валовые показатели в своей работе, далеко не всегда были способны проявлять чуткость к отдельному человеку. Об этом можно судить на основе данных о росте поступления в Саратовский облсобес повторных писем от трудящихся. Так, с 1967 г. по 1981 г. их число возросло в 2,5 раза [22, л. 2; 23, л. 203]. Повторные обращения граждан вызывались задержкой в разрешении их просьб, неубедительными или неполными ответами на поставленные вопросы, несогласием с принятым решением. Обращаясь со своими нуждами повторно, жители региона по-прежнему сталкивались с невнимательным, равнодушным, а иногда и грубым к себе отношением со стороны работников райгорсо, ВТЭК, и поэтому уходили отсюда с неразрешенными вопросами и вынуждены были обращаться в вышестоящие организации. Если в 1966 г. отсюда в Саратовский облсобес поступало более 60% всех жалоб и заявлений [17, л. 30], то в 1978 г. – уже 72%

[24, л. 28]. В 1980 г. более 80% жалоб на работу ВТЭК этой области также было получено из центральных органов [25, л. 23]. И хотя многие из таких жалоб все же разрешались местными органами социального обеспечения, тем не менее людям казалось, что «к удовлетворению жалобы помогла Москва и другие также обращаются к Москве, а это не способствует укреплению авторитета» региональных собесов [17, л. 30]. В силу этого население рассматриваемого региона направляло свои жалобы также в советские, партийные организации и общественные организации, надеясь там добиться разрешения своих проблем. Например, в приемной Астраханского облисполкома только за 1973–1975 гг. было получено писем по статьям «назначение пенсий и пособий» и «социальное обеспечение» в 2,6 и 1,4 раз больше соответственно [26, л. 6, 17]. А в Астраханский обком КПСС за период с 1972 г. по первую половину 1976 г. поступление корреспонденции от граждан по теме «об оказании материальной помощи» приросло в 1,8 раз [27, л. 7; 28, л. 60]. Количество полученных в облсовпрофе писем от населения Волгоградской области только за 1979–1980 гг. увеличилось на 16%, в том числе повторных на 40%. Главным образом они касались пенсионных вопросов [29, л. 65]. Аналогичная ситуация складывалась и в Калмыцкой АССР, в областной комитет КПСС которой в середине 1980-х гг. подавляющее большинство обращений поступало также по вопросам пенсионного обеспечения [30, л. 35]. Многочисленными были и обращения граждан за консультацией в редакции радио, телевидения, газет и журналов по вопросам социального обеспечения, что свидетельствовало о слабой разъяснительной работе местных органов МСО РСФСР и, в частности, в Саратовской области. Действительно, количество запросов, по которым Саратовский облсобес дал разъяснения населению с 1968 г. по 1984 г. снизилось в 1,5 раза [19, л. 1; 20, л. 174].

Отмеченная негативная тенденция являлась мощным проявлением набиравшего обороты социально-психологического кризиса в стране, неся в себе разрушительный потенциал для Союза ССР. Возможно, осознавая это, Л. И. Брежнев, выступая с отчетным докладом перед делегатами XXVI съезда КПСС (март 1981 г.) призывал каждого руководителя рассматривать «чуткое, внимательное отношение к письмам, просьбам и жалобам трудящихся ... как свой долг перед народом, перед партией» [31, с. 93]. Эта пафосная установка затем легла в основу не только соответствующих правительственных постановлений [32, ст. 14; 33, с. 336], но и приказов местных органов различных министерств и ведомств, включая Саратовский облсобес [34, л. 85]. Реализация этих директивно-законодательных и ведомственных документов на территории изучаемого региона получила определенную отдачу:

поступление повторных писем в Саратовский облсобес, например, снизилось в первой половине 1984 г. по сравнению с аналогичным периодом 1982 г. в 2,8 раза. Но в первой половине 1985 г. этот показатель вновь возрос в 1,9 раза [20, л. 76; 23, л. 86; 35, л. 56]. Аналогичная картина наблюдалась и в динамике устных обращений в приемную Саратовского облсобеса. Если с 1981 г. по 1984 г. их количество снизилось в 1,4 раза, то по сравнению с 1970 г. наоборот возросло в 2,7 раза [20, л. 76; 23, л. 204; 36, л. 4].

Приведенные выше данные доказывают, что для улучшения уровня разрешения повседневных проблем населения сотрудниками органов социального обеспечения предпринимаемых государством и партией мер было недостаточно. Снижал их эффективность и сохранявшийся в стране дефицит экономических возможностей как следствие приоритетного финансирования отраслей оборонной и тяжелой промышленности. Именно поэтому местные власти даже в начале 1980-х гг. порой не имели возможности улучшить условия функционирования райсобесов путем выделения новых служебных помещений [37, л. 146]. А это в свою очередь приводило к ухудшению качества обслуживания посетителей (переплаты и недоплаты пенсий и пособий, их незаконные выплаты или необоснованное прекращение выплат, чрезмерно долгое рассмотрение обращений, ошибки в толковании законодательства и т. д.), на что последние очень активно жаловались [38, л. 20]. По причине недостаточного финансирования социальной сферы к концу рассматриваемого периода сохранялись и различия в доступности вообще к услугам органов социального обеспечения жителей различных местностей и населенных пунктов. В частности, в первой половине 1985 г. поступление писем в Саратовский облсобес возросло преимущественно из сельской местности (Балтайский, Дергачевский, Новоузенский, Ровенский, Татищевский и Федоровский районы), но и из ряда городов (Энгельс, Заводской, Кировский и Ленинский районы г. Саратова) также наблюдался рост заявлений и жалоб трудящихся [20, л. 76]. Добиться ощутимых изменений в этом вопросе возможно было только путем кардинальной смены стратегии социально-экономического развития страны, ставя во главу угла не валовые показатели, а человека с его нуждами и потребностями. Однако отсутствие решимости у советского руководства периода кануна перестройки осуществить данную трансформацию не могло не представлять реальной угрозы судьбам социализма в будущем.

Список литературы

1. Зинич М. Будни военного лихолетья (извлечения) // История социальной работы в России : хрестоматия / сост. Г. А. Кудрявцева. М. : Флинта: МСПИ, 2009. 488 с.

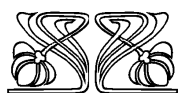
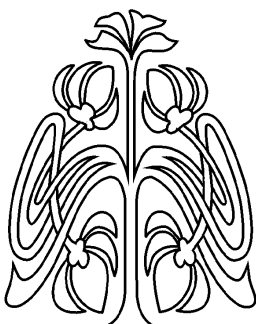
2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594 (Саратовский обком КПСС). Оп. 2. Д. 2730.
3. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4098.
4. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3439.
5. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4372.
6. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС). Оп. 28. Д. 6.
7. ГАНИСО. Ф. 1778 (Дергачевский райком КПСС). Оп. 29. Д. 9.
8. ГАНИСО. Ф. 970 (Петровский райком КПСС). Оп. 32. Д. 9.
9. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). Ф. 325 (Астраханский обком КПСС). Оп. 25. Д. 191.
10. Вдовин А. И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М. : РГ-Пресс, 2018. 768 с.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 16 т. Т. 9. 1956–1960. 9-е изд. М. : Политиздат, 1986. 574 с.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1986) : в 16 т. Т. 11. 1966–1970. 9-е изд. М. : Политиздат, 1986. 573 с.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1986) : в 16 т. Т. 13. 1976–1980. 9-е изд. М. : Политиздат, 1987. 509 с.
13. Брежнев Л. И. Избранные произведения : в 3 т. М. : Политиздат, 1981. Т. 3. 623 с.
15. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-685 (Отдел социального обеспечения исполкома Саратовского облсовета депутатов трудящихся). Оп. 5. Д. 918.
16. Гуменюк А. А. Социальная стратегия Советского государства и практики повседневности населения российской провинции во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2019. 44 с.
17. ГАСО. Ф. Р-685. Оп. 5. Д. 159.
18. ГАСО. Ф. Р-685. Оп. 5. Д. 1410.
19. ГАСО. Ф. Р-685. Оп. 5. Д. 319.
20. ГАСО. Ф. Р-685. Оп. 5. Д. 1419.
21. ГАСО. Ф. Р-685. Оп. 5. Д. 1218.
22. ГАСО. Ф. Р-685. Оп. 5. Д. 253.
23. ГАСО. Ф. Р-685. Оп. 5. Д. 1144.
24. ГАСО. Ф. Р-685. Оп. 5. Д. 851.
25. ГАСО. Ф. Р-685. Оп. 5. Д. 1072.
26. Государственный архив Астраханской области. Ф. Р-2233 (Астраханский облсовет народных депутатов и его исполком г. Астрахани). Оп. 15. Д. 622.
27. ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 68. Д. 49.
28. ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 72. Д. 59.
29. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-523 (Волгоградский облсовпроф). Оп. 1. Д. 1908.
30. Национальный архив республики Калмыкия. Ф. Р-13 (Калмыцкий облсовпроф). Оп. 6. Д. 116.

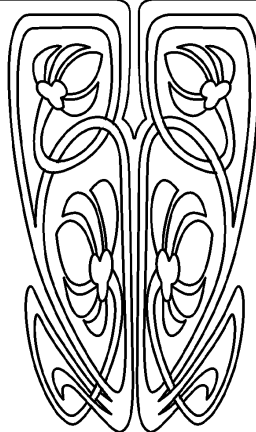
31. Материалы XXVI съезда КПСС. М. : Политиздат, 1981. 223 с.
32. Собрание постановлений РСФСР. 1981. № 14.
33. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 15 т. Т. 14 : Апрель 1981 – декабрь 1982. М. : Политиздат, 1983. 704 с.
34. ГАСО. Ф. Р-685. Оп. 5. Д. 1071.
35. ГАСО. Ф. Р-685. Оп. 5. Д. 1317.
36. ГАСО. Ф. Р-685. Оп. 5. Д. 432.
37. ГАНИСО. Ф. 5491 (Ленинский райком КПСС г. Саратова). Оп. 34. Д. 16.
38. ГАНИСО. Ф. 103 (Романовский райком КПСС). Оп. 56. Д. 12.

Поступила в редакцию 06.11.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026;
принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 06.11.2025; approved after reviewing 13.01.2026;
accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36018
Оформить подписку на печатную версию
можно в Интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)
Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Институт истории и международных отношений

Тел.: +7(845-2) 21-06-32

Факс: +7(845-2) 21-06-51

E-mail: larisachernova@mail.ru

Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2026.
Том 26, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

